

1260-4/Кем

ТИМИР ФЁДОРОВ

СК

РЫБАК И ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

ПОВЕСТЬ

84(2Рос-4Кем)64
Ф 33

ТИМИР ФЁДОРОВ

161030

РЫБАК И
ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА
ПОВЕСТЬ

СКМБК

-161030

Центральная библиотека
г. Берёзовского
от автора *А. Федоров*
26.08.2012

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
Г. БЕРЕЗОВСКИЙ

ОТ РЕДАКТОРА

Повесть Фёдорова Тимира Николаевича «Рыбак и золотая лихорадка» рассказывает о трудных, трагических тридцатых годах прошлого века. Весь ужас и нелепость тех событий, испытывает герой повести – молодой человек, попавший под одну из первых волн сталинских репрессий. Его мироощущение зреет на фоне исторических событий, когда многие попали в «жернова» того десятилетия.

При первых репрессиях ещё можно было как-то существовать, если человек попадал в сносные условия. Но главное было – отнята свобода. Людьми манипулировали, как куклами-марионетками. Власть могла выкинуть человека из жизни, как ненужную игрушку.

Немного об авторе. Он родился на острове Сахалин в 1931 году, куда родители прибыли после окончания матерью Московского педагогического института. В 1932 семья переехала в город Тайгу (сейчас Кемеровской области). Мать работала в средней школе преподавателем физики и астрономии. Отец – репрессирован в 1942 году и погиб.

Тимир Николаевич служил в армии, имеет профессии: горный электромеханик и инженер-строитель. Работал на многих должностях на шахтах и стройках; вот некоторые: инженер по рационализации, директор горэлектросети, начальник мехцеха, главный инженер стройуправления, зам. управляющего трестом, преподаватель училища.

Жизненный опыт позволил ему написать такие разноплановые книги: детскую повесть – «Операция Ураган», сборник рассказов – «Крутые повороты», о войне, шахтёрском труде, танкистах и, о многом другом, повесть о военном детстве – «Война без войны», учебное пособие по истории – «От Рюрика до Николая II», сказки для детей и сборник рассказов для школьников.

Он и художник, неоднократно участвовал в выставках.

Желаю многих творческих лет, дорогой Тимир Николаевич.

А. Сергеев

Часть 1

НАЧАЛО ДОРОГИ МЫТАРСТВ

1

Вагон поезда, постукивая на рельсовых стыках и слегка покачиваясь и поскрипывая, катился по сибирской степи. Воздух внутри был густо замешан на запахе залежалой соломы и смеси духа нескольких десятков человеческих тел, втиснутых в двухосный товарный вагон, и запаха отхожего места, накрытого деревянной крышкой. Когда Ваня услышал в первый раз название этого ведра «Параша», то очень удивился: в его деревне так кликали весёлую и озорную девчонку лет двенадцати. Сейчас Ваня лежал на верхних нарах, устланных соломой, рядом с десятком человек, таких же бедалаг, как и он. Положив голову на согнутую руку, смотрел через за решёточное окно на убегающую назад жёлто-белёсую равнину и исчезающую за горизонтом. Мелькали отдельные строения полустанков с такими же одинокими деревьями. Но вдруг стали появляться небольшие околки деревьев и отдельные берёзовые рощицы.

Сосед рядом что-то проговорил, но Ваня не понял к кому он обратился и не повернулся. Тот только вчера вечером поменялся местом с Тарасом Рудко, его односельчанином, который заявил:

– Чтобы я корячился в сорок два рокив туды, кто шанует? Этот мужик, лет тридцати, мигом забрался на его место. Ваня мало кого знал по имени, а его, как самого младшего, знали почти все. Сосед вновь проговорил:

– Ваня, я к тебе обращаюсь.

– Шо? – не понял он.

– Что значит – шо? Я спрашиваю: тебя-то за что забрали?

– За що? За подрыв родянской власти.

– Ваня, а ты на русском можешь?

– Плохо, – ответил он, поворачиваясь к соседу.

– Надо стараться. Теперь долго жить среди русских. Как я понял, тебя упекли за подрыв советской власти. Как же ты её подрывал?

– У двадцать девятом роке, – он сделал паузу, – году...

– Правильно, – поддержал его сосед.

– У нас в деревне колхоза не было, и обложили усех налогом. Надо было уплатить налог три раза, а matka, мать сдала зерно тильки – только, – поправил он себя, – два раза. Больше не мая, тильки на семя и прокорм. Чекисты конев забрали. А ноне в марте приехали, вызвали двух мужиков и матку, мать в сильску раду – управу. Я не знал, у Гриньки в хате с парнями в карты играл. Прибёг хлопчик, гутарит, що мини в туды кличут и що matka там. Набросил поддёвку, схватил картуз и побёг. Зашёл, там трое чекистов, голова сельской рады, Тарас Рудко, Павло Ступак и моя... мать. Старшэй из чекистов сказал ей идти домой и добавил:

– Мы туточки разберёмся.

Мать ушла, он гутарит:

– Так будем хлеб сдавать?

Усе молчат. Павло за усех отвечает:

– Мы ж гутарили: зерна тильки на семя да детяткам на краюшки.

– А ты шо кажев? – обратился он ко мне. Я му то ж: «Мамка гутарила зерна тильки на семя». Старшой сдвинул фуражку, сказал: «Всё ясно. Поедем в район». Мотнул головой: «Выходите!» Посадили нас на бричку и под охраной повезли в райцентр Янушпольский, оттуда в город Бердичев. Там продержали с полмесяца, потом зачитали приговор

– Шо? – не понял он.

– Что значит – шо? Я спрашиваю: тебя-то за что забрали?

– За шо? За подрыв родянской власти.

– Ваня, а ты на русском можешь?

– Плохо, – ответил он, поворачиваясь к соседу.

– Надо стараться. Теперь долго жить среди русских. Как я понял, тебя упекли за подрыв советской власти. Как же ты её подрывал?

– У двадцать девятом роке, – он сделал паузу, – году...

– Правильно, – поддержал его сосед.

– У нас в деревне колхоза не было, и обложили усех налогом. Надо было уплатить налог три раза, а matka, мать сдала зерно тильки – только, – поправил он себя, – два раза. Больше не мая, тильки на семя и прокорм. Чекисты конев забрали. А ноне в марте приехали, вызвали двух мужиков и matку, мать в сельску раду – управу. Я не знал, у Гриньки в хате с парнями в карты играл. Прибёг хлопчик, гутарит, що мини в туды кличут и шо matka там. Набросил поддёвку, схватил картуз и побёг. Зашёл, там трое чекистов, голова сельской рады, Тарас Рудко, Павло Ступак и моя... мать. Старшэй из чекистов сказал ей идти домой и добавил:

– Мы туточки разберёмся.

Мать ушла, он гутарит:

– Так будем хлеб сдавать?

Усе молчат. Павло за усех отвечает:

– Мы ж гутарили: зерна тильки на семя да детяткам на краюшки.

– А ты шо кажев? – обратился он ко мне. Я му то ж: «Мамка гутарила зерна тильки на семя». Старшой сдвинул фуражку, сказал: «Всё ясно. Поедем в район». Мотнул головой: «Выходте!» Посадили нас на бричку и под охраной повезли в райцентр Янушпольский, оттуда в город Бердичев. Там продержали с полмесяца, потом зачитали приговор

по статье пятьдесят восьмой, пункт десять, погрузили в эти вагоны и вот едем больше недели.

– Понятно, – протянул сосед и добавил, – у меня, похоже. Позапрошлый год сыну исполнилось восемнадцать лет, и налог увеличили в два раза, а у нас на Томбовщине прошлый год недород, ну и налоги не выполнили. ОГПУшники понаехали, начали трясти, а у них ишо старая злоба на томбовцев, из-за Антоновского восстания, так что подшерстили наших мужиков и меня в том числе.

– Да-а, – сочувственно протянул Ваня, а в памяти стали всплывать отдельные моменты начала его мытарств. Когда ещё ехали на бричке старшой чекист говорил: «Как вы мужики не можете понять Интернационалу. Ведь хлеб нужен не буржуйам, а рабочим. Коль рабочий класс помрёт, кто вам плуги будет делать, молотилки али ишо что». На это Тарас ответил: «Ежели мы тута копыта сложим, то и рабочий класс подохнет, да и плуги без надобности будут». Чекист возразил: «Вы мужики куркулистые – не подохнете».

Помолчали. Тарас к нему, со словами: «Ты б Иванку отпустил. Малой ишо. Видишь, два аршина¹ с малахаем». Тот возразил: «Мне шо? Бабу забрать надо быть, а у ней девки малы». Он тогда сказал: «Нехай везёт. Може, в районе разберутся». Не разобрались. А когда ехали из района в Бердичев, Павло сказал: «В Бердичеве все комиссары евреи. Оне помнят жидовские погромы в Киеве и других местах, так что теперя хохлам спуску не дадут. Точно в каталажку упекут».

– Почему все комиссары евреи? – спросил он тогда.

– Так в городе почти усе евреи, – пояснил Тарас.

Слова Павло оправдались. В красивом здании Управы ОГПУ, где разбирались и выносили приговор, за столом, накрытым красной материей, сидели трое мужчин. Двое из них точно были евреи, а один, пожилой, вроде не похож. Зачитывал приговор средний, молодой красивый еврей в

¹Аршин – 71,12 см.

кожаной куртке. Зачитывал стоя, а потом добавлял: «Пока десять лет. Будете и там саботировать, могут добавить и по больше». Когда ввели на станцию, Павло сказал: «Шо я гутарил? По-моему этот еврейчик в колушке, ещё и Москаль. Он, каже мне, по-нашему и балакать не может».

У поезда построили, посчитали людей и стали садить по тридцать человек в вагон. Они с Тарасом попали в один вагон, а Павло в другой. Потом добавили ещё по десять человек.

Мысли Вани прервал вопрос соседа:

— Тебе годков-то сколько?

— Двадцать три.

— Я думал меньше. А за что взяли? Отца нет что ли?

— Батка помер в семнадцатом роке, году от тифа. Как раз вся эта заваруха началась. Мне тильки десятый годок сполнился.

Он помолчал. Ему трудно было говорить на русском, но он старался и продолжил:

— Он ковалем был, на всю деревню ковал и даже много лет ездил к одному помещику технику чинить: плуги, веялки, конные грабли и всякое.

Он снова взглянул на соседа:

— А осенью приезжал управляющий и приглашал за расчётом. Я раза три с ним ездил. Приедем в большой двор, остановимся у амбаров, и его люди грузят нам на бричку мешки с пшеницей, овсом и гречихой. Едем назад, я сижу на мешках, радуюсь — далеко видно.

— Хорошо жили? — скопил на него глаза сосед.

Ваня слегка и как-то виновато, улыбнулся:

— Хорошо, — согласился он и продолжил воспоминания вслух, — Батя построил самый большой в деревне дом. Саманный, на две половины, и под железной крышей. Это было в девятьсот десятом году, мне три роки, года, было. Я старую хату и не помню.

– Откуда взяли, где жил?

– Деревня Беспечна Житомирского уезда, сейчас области.

Сосед выпятил нижнюю губу и произнёс:

– Что за название?

Ваня дёрнул плечами:

– Не знаю, так всегда называли.

– Слушай, – сосед повернул голову и внимательно посмотрел на него, – Ваня, тут некоторые тебя рыбаком кличут. Ты что, рыбалить любишь?

– Не, – усмехнулся он, – это у меня фамилия такая.

Сосед хмыкнул, а он пояснил:

– Она от деда досталась. Он по молодости выпросил или выкупил у общины небольшую лощину, где ручеёк протекал, тачкой, навозил земли и зробил плотину – получился пруд. Потом запустил туда карасей и через пару лет уже ловил их. За это его прозвали рыбаком. А когда перепись народа была, про него спросили и кто-то сказал: «Да он рыбак!» Так и записали. С тех пор и стали писать: фамилия – Рыбак.

– Забавно, – улыбнулся сосед, – хотя у меня у самого фамилия, по присказке, от прозвища. Вроде мой прадед делал телеги. Был, говорили, здоровенный, шибутной, и его дразнили оглоблей. А у нас, видать с тех пор, у всей родни фамилия Оглоблины.

Ваня с улыбкой и симпатией посмотрел на собеседника. У него было загорелое лицо с белёсыми бровями, очевидно от солнца, серые глаза, светло-русые волосы, небольшой, чуть курносый нос и плотная курчавая борода. Она привлекла особое внимание, и Ваня невольно поднёс пальцы к своему лицу: только над верхней губой, у уголков рта, он обнаружил едва заметный пушок. Провёл рукой по лицу и подумал: «Это единственный человек, который поинтересо-

вался его судьбой и поговорил с ним». Он повернулся к нему и спросил:

– Как ваше имя?

– Николай, – охотно ответил тот.

– По нашему – Микола, – с какой-то нежностью произнёс он.

Внизу начались более шумные разговоры: начали раздавать сухари на ужин. Сухари из мешка выдавал мужик средних лет, которого все называли Мишей. Он располагался на нижних нарах у двери. Мешок с сухарями стоял в углу на нарах, возле его головы. Он был сутуловат, остронос и остроглаз. Всегда помнил, кому выдал сухари, кому нет. Сейчас, правда, стал доверять, когда кто-то просил передать их другому, но и это помнил. Уже больше недели он выдавал по два сухаря на завтрак и ужин и три на так называемый обед. Или ему так велели, или он решил это сам.

Тарас передал сухари Ване и Николаю, видно он слышал их разговор и решил того уважить.

За время пребывания в вагоне Ваня понял, что многих арестовывали дома и им в мешки успели сунуть оловянные или глиняные кружки. Теперь те, у кого их не было и, они не могли грызть сухари всухую, ждали и просили кружки, чтобы их размочить.

Удивительно, но ржаные сухари не надоели за это время, и Ваня грыз их с удовольствием. Он первый справился со своими сухарями и спустился вниз попить. Зачерпнув из бочки деревянным половником, он начал пить и посмотрел на Тараса. Тот сидел и грыз ещё первый сухарь, второй был в другой руке. Ваня, шагнул к нему:

– Давай, капну на сухарь.

Тарас протянул руку с сухарём, и он вылил остатки воды на сухарь. В этот момент один из мужиков забрал у него из рук половник, со словами: «Не разливай воду».

Стали спускаться с верхних нар и другие, чтобы попить.

Забравшись на своё место, Ваня увидел в окно, как поезд поворачивает и паровоз, выбрасывая клубы дыма и струйки пара, мчит в сторону, довольно густого леса. И вот он скрылся и только поднимающийся дым обозначал, где он находится. Ваня с опаской отодвинулся от окна, продвинулся вперед, к передней стенке, и стал смотреть в окно на убегающие вдаль деревья. Он не мог забыть, как два дня назад, он, как и все первые дни, буквально высовывал нос из решётки, любуясь проплывающей мимо природой. И в такой момент кто-то из впереди едущего вагона выплеснул жижу из параша и крупные капли облепили ему всё лицо. Пришлось спуститься вниз, но так как для умывания воды не было, он набрал воды в рот, вылил в ладошки и обмыл лицо. Кто-то из мужиков сказал: «Иванка хочет быть гарным».

Несколько человек хохотнули.

Ещё тогда он подумал, да и сейчас: «Как умудрились выплеснуть эту гадость из окна? Ведь обычно на больших останках открывались двери, охрана выстраивалась вдоль вагонов, и в это время выносили параша, выливали из них под вагоны. И тогда же собирали команду мужиков с ведрами и водили под охраной за питьевой водой».

Наступили сумерки, которые длились здесь довольно долго. Убегающие перелески и лес становились тусклой массой, и смотреть в окно стало неинтересно. Ваня отвернулся от окна, лёг на правый бок, поправил на себе поддёвку, положил голову на руку и сказал:

– Надо спать.

– А я уже сплю, – отозвался Николай.

Каждый вечер, под привычный стук колёс, прежде чем уснуть, мысли Вани улетали в родную, и такую далёкую теперь, деревню, где осталась мать и две младшие сестренки. Скорбно думал о том, как они будут жить без него, как будут справляться с хозяйством? Потом возникала жалость к себе. «Почему? – задавал он себе вопрос, – это случилось со

мной. Чем я провинился перед Богом? И даже перед властью? Худо мне, худо маме с сестрёнками – всем худо». И тут впервые подумал: «Ведь и народной власти худо: мать одна не сможет засеять всё поле, и хлеба будет меньше, и налог меньше. Всем худо». Уже задрёмывая, с надеждой подумал: «Может Вацлав Кобецки поможет?» Он вспомнил о поляке, который уже десять лет арендовал отцовскую кухню. С этой надеждой он и уснул.

2

Уже с полмесяца прошло, как Ваня и все его горемычные товарищи оказались на станции Мариинск, и в городе с этим же названием. Разместили их, целый состав, больше тысячи человек, в большой, деревянной церкви, правда, уже без креста и купола. Внутри были сделаны нары в четыре яруса. Всех, кто помоложе, загнали на самый верх. Ване даже нравилось. Дело в том, что когда вечером, через распахнутые двери вводили такую массу людей, в помещении становилось прохладно, а наверху было теплее.

К утру становилось настолько тепло, от скопления такого количества людей, что можно было даже не накрываться поддёвкой.

Середина апреля радовала солнцем. Днём было тепло, а по утрам, когда шли на работу, под ногами потрескивали льдинки. Ваня думал: «Не зря нас пугали Сибирью. В эту пору дома цветут сады, зеленеет травка, а тут в тени домов и сараев ещё виднеются бугорки снега».

Город был весь деревянный. На окраинных улицах, по которым их водили на работу, дома были большей частью старые, какие-то почерневшие. Попадались и добротные, но их было мало. А вот между домами и за покосившимися заборами на других улицах, виднелись красивые дома, с резными наличниками, а ещё дальше – двухэтажные.

Работали на отсыпке дороги от тюрьмы до железнодорожного переезда. Надо было дойти до железной дороги,

это около двух километров, перейти пути, и там километра полтора до тюрьмы. Дорога, по которой водили на работу, с утра подмерзала, а вечером, когда возвращались, растаивала и покрывалась грязью и мелкими лужами. Ваня радовался, что в тот день, когда его забрали, был в новых сапогах, которые за неделю до этого, сточал ему лучший сапожник деревни – Панас Бобыль.

Лопаты подвозили на двух подводах к началу работы, а когда лопаты были разобраны, подводы присоединялись к другим, которые возили щебень. Работа была не сложной: надо было разбрасывать щебень ровным слоем, сантиметров десять, по всей ширине дороги. В отряде были все из их вагона и нескольких соседних, так что Павло Ступак был тоже с ними. Ваня держался вместе с земляками, с Николаем Оглоблиным, Степаном Хвылей и Петром Гутовым, теперь соседями по верхним нарам. Сдружился с Николаем ещё в вагоне. Остроносый Миша, фамилия его оказалась Жёлудь, хвалился, что он использовал свои «сухарные» связи с охраной, чтобы их отряд попал на более лёгкую работу. Ему не особенно верили, ведь охрана сменилась. Однако, и не возражали, так как два больших отряда ходили ещё дальше тюрьмы, километра на три, где валили лес, корчевали пни и рыли землю. Там начиналась, какая-то большая стройка.

Когда в первый день работы начинали отсыпать дорогу от самых ворот тюрьмы, Ваня, да и все его собратья, почувствовали на себе какое-то магическое давление этого огромного здания, обнесённого высоким забором с вышками по углам. Оно, выстроенное в виде большой буквы «П» возвышалось над забором ещё тремя этажами. Все, без всякого уговора, работали молча. Так продолжалось дня два, пока не удалились, метров на пятьдесят. Первым нарушил молчание Степан Хвыля:

– Шо, хлопцы, побздёхали, чтоб за те ворота не попасть?

– У тэба самого язык присох от такого замку, – урезонил его Тарас.

– Да я за вас боялся. Разговоришь вас, а вы как подрывники советской власть сболтнёте лишнего, и точно упекут куда подальше, и меня за компанию прихватят.

– А я молчал, – вклинился в разговор остроносый Миша,

– Из-за уважения к тем, кто там сидит.

– Но и хытра же ты людина, – заметил ему Павло, – усё по ветру нос держишь.

Ваня понимал, что Степан специально завёл разговор, чтобы отвлечь товарищей от гнетущих мыслей. Ведь каждый подумал, что в любой момент он может оказаться в такой громадине.

Первую неделю, даже на нарах после ужина разговоров почти не было. Все уставали. Ваня помнил, как в первый день, взяв совковую лопату с заострённым концом, обрадовался, что она лёгкая. Однако, когда набрал на неё щебня, понял, что её поднять трудно, а надо ещё бросит на несколько метров. Николай Оглоблин подсказал:

– Бери на лопату немного, по силе, а то руки надорвёшь.

Он так и делал, но всё равно на третий день заболела спина, поясница, плечи и руки. Он не знал, как лучше лечь, чтобы уснуть. Дней через пять почувствовал: тело перестаёт болеть, а руки приобрели силу. Так было почти у всех. И вот в начале второй недели на нарах перед сном появились разговоры. А первый смех раздался, когда Ваня спросил Степана Хвылю:

– Вот все гутарят: «Огэпэушники», а шо это за организация, что хуже ЧКа?

– Вань, организация сурьёзная. У ней четыре буквы: «ОГПУ», а у ЧКа, только две.

– Так чога оне значут?

– Не ужто ты не знаешь? Объясняю. Если спереди то: О! Господи, Помогите убежать!

Несколько человек рядом хохотнули.

– Но я тебя предупреждал: организация сурьёзная. Если эти буквы прочитать сзади, то получится: Убежишь, Поймают, Голову Оторвут!

Теперь раздался дружный смех. Ваня тоже засмеялся, а когда все успокоились, спросил:

– А правильно как?

– Не знаю я толком, – зевнул Степан и добавил, – какое-то политическое управление, век бы с ним не встречаться.

На следующий вечер Степан спросил Ваню, как он попал в эту компанию. Он рассказал ему всё, также подробно, как Николаю в поезде.

– Вот гады, что делают!

Помолчал, потом положил на плечо Вани руку и произнёс:

– Ладно, Ваня, всё перемелется – мука будет.

Рука Степана вдруг заставила вспомнить, в который раз, Халинку. Он также обнял её за плечи, когда шли до её хаты. Ночь была тёмная, тонкий серп месяца висел над трубой чьей-то хаты. У плетня ещё долго стояли. Он уговаривал её пожениться весной, когда зацветут сады. Она соглашалась, но говорила, что батя хочет сделать свадьбу осенью, как положено, после молотьбы. Он обещал поговорить с её отцом. Она в знак согласия чмокнула его в щёку. Поцеловались на прощание, она ушла, а он проводил её взглядом, пока не хлопнула дверь хаты.

Первый раз он увидел её летом, когда шёл в лавку за керосином. Она бежала к своей хате. Встав на приступку, она озорно взглянула, своими вишенками глаз, улыбнулась, перешагнула через плетень, прыгнула с приступки и убежала. Потом уже осенью она пришла с подружкой на вечерние посиделки в хату к Грицко, где чаще всего собирались парни и девчата. Сначала она стеснялась, но постепенно включилась в общее веселье. Он любил петь, и был частенько запевалой.

Потом оказалось, что у ней красивый и звонкий голос. Однажды их попросили спеть вместе, и они спели про ковыльную степь. С того вечера они старались встречаться как можно чаще. Сейчас он с тоскливым счастьем, вспомнил, как они с Халинкой первый раз поцеловались. Мать Грицко забрала лампу и сказала, чтобы расходились. Когда все поднялись, чтобы выйти, они, сидя рядом в углу хаты, поцеловались.

Он вздохнул и, не сдвигая руки Степана, уснул.

Прошла ещё неделя работы на дороге. Солнце грело почти по-летнему. Теперь Ваня в начале работы снимал свою поддёвку, клал её рядом, на сухую траву, в которой проглядывалась молодая зелень. Так поступали все. Никто не оставлял одежду на нарах, опасаясь её исчезновения.

Во время одного из перерывов Ваня поставил лопату, прислонив черенок к плечу, потёр ладошки друг о друга, размял пальцы, сжимая и разжимая кулаки, посмотрел на ладони: мозоли были, но не болючие, как у некоторых с пухляками. Взглянул на Николая Оглоблина, который работал рядом. Это его совету внял в первый день работы: «Раз рукавицы не дают, Ваня, берись за черенок, как удобно, и больше его не перехватывай, иначе натрёшь кровавые мозоли» Сначала было неудобно так работать, но быстро привык.

Степан, взглянул на него:

– Что, Ваня, мозоли?

– Нет, руки устали.

– Вон, солнышко склонилось, скоро кашку будем есть, - и улыбнулся.

Едва Ваня сделал два броска щепня, подъехали подводы и старший охраны прокричал:

– Сдать лопаты! В колонну по четыре, становись!

Миновали переезд, прошли первый квартал домов и, поодаль, длинное здание казармы роты охраны: впереди маячило их прибежище, темный силуэт церкви.

Подошли к ограде церкви, вернее, к столовой выстроенной рядом. Она, представляла собой два высоких, длинных стола и над ними двухскатная крыша на столбах. Ели стоя. Кашу, хлеб и посуду привозили на подводах. На раздаче каждому давали пайку хлеба и деревянную ложку. Миску каждый брал сам. На столы выставлялись тазики с кашей, один на десять человек и металлический чайник с чаем. Съев кашу, надо было вытереть миску хлебом и в неё наливали несладкий чай. Один день давали перловую кашу, на другой – гречневую. Кормили перед работой и после неё.

Компания из десяти человек, в которой был Ваня, подобралась сама собой из попутчиков вагона. Присоединился к ним только Павло. Делить, раскладывать кашу по глиняным мискам вызвался Жёлудь, и делил это честно. Обид, как в других группах, не было. Он ещё стал помогать при еде других отрядов: таскал и расставлял на столах бачки с кашей и чайники. Некоторые удивлялись этому, но позже поняли, что к чему. Недели полторы назад стали выдавать курево: пачку махорки на неделю. Спички одну коробку на троих. С бумагой для куренья было туго, выданных старых газет не хватало, а у Жёлудя они были. Он завёл знакомство со всей кухонной обслугой и то один, то другой приносили ему газеты. На этом он заработал большой авторитет у курильщиков.

Ваня не курил и отдал пачку Тарасу, чтобы он поделился с Павло.

Ели почти молча, охрана поторапливала из-за других гораздо больших отрядов.

Ваня съел кашу, сегодня была гречневая, которую он любил больше, кроме того её варили жиже и глотать было легче. Он протёр чашку хлебом и Петро Гутов налил ему чаю

из чайника. Выпив его почти залпом, понёс чашку и ложку к раздаче, где ложку бросил в большую плоскую кастрюлю с водой, а чашку подал женщине, полной, круглолицей в белом грязноватом фартуке. Она окунула чашку в воду в большой кастрюле и, выставив её на стол раздатчика, принялась мыть ложки.

У входа в барак, как надзор охраны называл старую церковь, толпились курильщики, которым было настрого запрещено курить в здании. Ваня зашёл внутрь и залез на верхотуру, на своё место. Сняв поддёвку и сапоги, он расстелил портянки, разложил поддёвку, уложил у стены сапоги, подошвами в разные стороны, бросил на них картуз и улёгся. Ещё разуваясь, заметил, что на некоторых нарах лежит верхняя одежда, подумал: «Наверно, поддёвку надо оставлять, солнце хорошо греет». На нары поднялся Степан. Ваня поделился своим соображением на счёт поддёвки.

– Вань, я ещё вчера хотел тебе сказать, что её надо оставлять. Что в ней париться. И потом, она одна такая, да и не налезет она никому, – заключил Степан укладываясь рядом на свою шинель.

– Стёпа, ты шо в армии служил?

– Не, Вань, это когда меня забирали, отец отдал. Его в пятнадцатом году ранило, на фронте, он в ней вернулся. Носил до НЭПа.

В помещении нарастал гомон разговоров: люди стали карабкаться на нары, на свои места. Забрался и Гутов. Степан спросил:

– Петро, ты на своей Брянщине кем работал?

– Я, как колхоз организовали в двадцать восьмом году, работал бондарем. Освободили дом одного раскулаченного, сделал мастерскую. Собрали нас трёх мужиков, кто может бочки делать, там мы и работали.

– Слушай Петро, есть такая присказка у нас на Смоленщине. Один кузнец по имени врезал мужику кулаком в лоб, а

03.11.14
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
Г. БЕРЕЗОВСКИЙ

тот возьми и помри. Приезжает из города жандарм, чтобы его забрать в город и говорит, что скорей всего присудят ему каторгу. А весь народ деревни просит: «Господин хороший, забери лучше бондаря. У нас их в деревне два, а кузнец один».

Все кто слышали, посмеялись, а Петро приподнялся на локте:

– Братцы, у меня ж так и получилось. Что-то стало мне тоскливо. Зашёл к бабке Ландохе, у неё завсегда есть самогон хороший. Нашла она приличную склянку, налила. Я ей говорю: «Дай солёный огурец в придачу». Дала. Отдал ей полчервонца и вышел на улицу. Одному пить несподручно, а на улице, вечереет, никого: февраль. Иду. Вижу, кузнец Иван Дугов закрыл кузню на замок и идёт навстречу. Хотя мы с ним особо не якшались, но я ему предложил Он согласился. Свернули мы в сторонку, от людей. Зашли за коровник уселись у стожка на сено и выпили за два приёма прямо из горла. Похрустели огурцом, поговорили за жизнь. Иван скрутил сигарку, закурил. Я тоды почти не курил. Он курит – судачим. Какая-то бабёнка вышла из коровника, оказалась Манька Сивцова. Это мне сразу не понравилось, разнесёт. Так и случилось. Иван покурил, и отдаёт мне бычок, а сам говорит: «Пойду, дело ещё есть» – и ушёл. А мне так захорошело, думаю: «Посижу маленько». Бросил окурок в сторону, отвалился на стог, а сам думаю: «Надо подниматься, а то усну». Вдруг слышу рядом треск. Взглянул, а огонь у стога. Подскочил, попытался тушить, где там! Вмиг стог сгорел.

Приехали ОГПУшники и Манька нас выдала. Вызвали в сельсовет. Иван сказал, что когда он ушёл стог был целым.

Понятно, что он закурил под стогом, – никто слушать не стал. Хотя у меня с собой курева не было. В общем, как ты сказал: кузнец один, а бондаря три. Так что за уничтожение

колхозного имущества и подрыв Советской власти дали десятку.

В разговор вступил Санька Соловьёв, который располагался за Гутовым:

– Ну ты, Петро понял, что колхозное сено сжигать нехорошо.

– Ты что? – встрепенулся тот, – Я ж его не поджигал! Видать, когда набирали сено в коровник, натрусили и туда бычок попал.

– Ну, значит, ты понял, что Советской власти не нравится, когда бычки бросают куды не надо.

– Ты что занудил? – вновь приподнимаясь, возмутился Пётр.

– Не обращай внимания, Петро, – произнёс Степан, – это он так шуткует.

– Нашёл, над чем шутить, – проворчал явно с обидой Пётр, укладываясь набок, спиной к Саньке.

Помолчали. Чтобы отвлечь внимание от этой стычки, Ваня спросил:

– Степан, а ты як сподобился сюдой попастьи?

Степан хмыкнул и произнёс:

– Толи из-за халатности, толи из-за шутки.

– Як это? – удивился Ваня.

– Слышал, как одного цыгана спросили: «За что сидишь в каталажке?» Тот отвечает: « За халатность: поросёнка украл, а верёвку не отвязал». Народ увидел, что он несёт поросёнка, а за ним верёвка тащится, ну и поймали его.

– А у тебя как?

У меня история длиннее.

Он заложил обе руки под голову и продолжил:

– Осенью двадцать восьмого я женился. До этого поставили с отцом мне избу, Нюрке кой-какое приданное дали, обставились, живём. И тут же приехало начальство из района колхоз организовать. Председатель сельсовета Илья

Малыхин отказался перейти в председатели колхоза. При-слали с району, проголосовали. Шатко-валко в колхоз всту-пили все, акромья двух мужиков. А весной, перед пахатой, их наделы оказались вакурат посередине общего поля. Считай, из-за этого их раскулачили и выслали, куды не знаю. Председатель Трофим Иванович Клунин вроде ничего мужик, до этого работал слесарем на какой-то фабрике, но говорили из крестьян. Кое в чём разбирался. Поначалу ни-чего, а послая всё стал строжитья, если у мужиков были промашки. Говорил: «Поеду в район, привезу на вас указ!» И вот, ноне в феврале, послал двух мужиков за сеном и ска-зал : «Везите сено с дальнего покоса. С ближнего мы все-гда вывезем». Поехали. Началась метель. Они решили вы-везти хоть с ближнего. Едут назад, а метель стихла. Приеха-ли, рассказали, как дело была, а он на них кричит: «Сабо-тажники! Хотите навредить колхозу! Завтра поеду в район, привезу на вас указ!» Мужики зачесали затылки, а я им го-ворю: «Не поедет он в район, остынет». А сам думаю: вдруг в правду поедет. Решил подшутить. Рассудил: до району двадцать пять вёрст, ехать надо с утра, чтобы к вечеру вер-нуться. Решил его моненько задержать, и он наверняка, не поедет. У него была выездная кобылка, серая в яблоках, на другой лошади он ни куда не ездил. Дождался вечера, по-смотрел – в хомутовке старика Федотыча нет, видать к ко-му-то забрёл. Снял хомут «Стрелки» с крюка, так звали ко-былку, забрал узду, зашёл в конюшню и забросил хомут на сеновал. Хотел и узду, но подумал, чего доброго завтра бы-стро не найдёшь, забрал с собой. Иду – на улице никого, уж стемнело, и вдруг от соседей вываливается Дарья Голосуха, её так прозвали, когда колхоз образовался. Она по всякому пустяку, кричит: «Давайте голосовать!» У ней мужа в гра-жданскую убили. Ростит девку. Когда у меня горе случи-лось, вернее опосля, стала ко мне прилипать.

– Какое горе? – спросил Ваня.

– Летом двадцать девятого, утонула в речке, моя Нюрка. Пошла с девками купаться и утонула. Беременная уже была. Я недели две не просыхал от самогону, сильно жалко было её. Нюрка была красивая, ладная, весёлая. К Дарье душа не лежала, вот она на меня и обозлилась. Заметив её, спрятал узду под полушубок. Она меня увидела и говорит:

– Что, всё, маешься? Приходи, согрею.

Вижу, она под хмельком, говорю:

– Иди, отдыхай!

С утра я на скотный двор. Мы с Василием сена в ясли таскаем, я прислушиваюсь разговору бабёнок: судачат, что председатель бушует. Кончили работу. Надо идти получить новое задание. Вышли из коровника попался навстречу Иван, один из тех, которые ездили за сеном, рассказал, что председатель ругает деда Федотыча, что у него украли хомут и уздечку. Тот клянётся, что отлучался только до ветру. Я соображаю, что шутки не получиться. Надо уздечку как-то к хомуту отправить, а уж потом найти. Заторопился домой. Пришёл, взял узду, сунул под полушубок и только вышел со двора, навстречу мне мужик и секретарь сельсовета. Тот сразу ко мне:

– Вы Степан Хвыля?

– Я, – отвечаю.

– А я помощник уполномоченного ОГПУ района Заелов. Пройдёмте с нами.

Пошли. По дороге он спрашивает:

– Что у вас под полушубком? Я достал,

– Вот, уздечка.

– Откуда она у вас?

– Вчера у забора нашёл. А сегодня слышу на скотном дворе, что уздечка пропала, несу – может это она.

В общем, получилось так. Когда председатель начал шуметь о пропаже, в это время из дальней деревни возвращался в район этот ОГПУшник. Оказался знакомым председа-

теля, а тут и Дарья Голосуха подвернулась. Сказала, что видела меня поздно вечером. Как я не выкручивался, пришлось сказать председателю о задуманной шутке. А он: «Ты мне сорвал поездку на важное совещание!» ОГПУшник заставил написать протокол и сказал, что будут разбираться в районе. Дал мне десять минут на сборы. Пошёл домой, попрощался с родителями, сказал сеструхе, чтобы жила в моём доме, отец отдал свою шинель, и поехал я в кошёвке с ОГПУшником в район. А там приписали хищение колхозного добра и подрыв советского строя – десять лет. Потом меня и несколько бедалаг, в вагон и повезли. На какой-то станции, Курган, что ли, растолкали по вашим вагонам. Так что, Ваня, то ли за шутку, то ли за халатность, что узду к хомуту не забросил. Такие вот пироги. Давай спать, Вон Петро захрапел уже.

Исповедь Степана напомнила Ване о деревне, мысли улетели в родной край, в свою деревню. Там уже отпахались, готовятся к покосу. Он вспомнил, как шестилетним, уже выезжал на пахоту со взрослыми. Конечно, не пахал. Подавал, что попросят: попить воды, или ещё что, таскал ветки на корчёвке мелких кустов, поддерживал костёр. Но с этого времени он ездил с двоюродным братом, чуть постарше его, в ночное пасти лошадей. Иногда ездил и один. Сейчас он вспомнил, как в одну из таких ночей задремал, и у него увели самого большого и сильного коня. Он проснулся и увидел, что вместо него пасётся захудалая лошаде́нка. Он со слезами и обидой еле забрался на свою вторую лошадь и поехал домой, подгоняя подброшенную. Батька не отлупил, а корил: «Як же так сынку? Тобе уж семь рокев и ты оплашал? Больно погано».

Возникла мысль: «Был бы жив отец, было бы больше зерна, сдали б третий налог, и жил бы он сейчас в деревне, может вместе с Халинкой». С этой безнадежной мыслью, он и уснул.

Ещё утром перед завтраком Санька Соловьёв сказал, что бригадир лесопилки, где он работает, просил у руководства прислать человек тридцать на приёмку сплавного леса. Санька три дня назад сказал, что на реке прошёл ледоход и готовят запонь для ловли брёвен. Приготовили багры и крючья, для вытаскивания брёвен из воды и укладку их в штабеля.

На разводе, точно прибыли какие-то начальники, и охрана стала формировать команду. Ваня не знал, что это за, приготовленная запонь, но таскать брёвна из воды ему не хотелось. Николай Оглоблин прибавил опасения:

– Там же вымокнешь, как цуцк, а где сушиться?

Но новую бригаду сформировали из третьего большого отряда, и Ваня успокоился.

Их колонна подходила к железной дороге, когда нагнал охранник на коне и передал приказ старшему: вести людей к лесопилке. Последовала команда: «Кругом!», и их повели назад. Ваня удручённо сказал Николаю:

– Будем на солнце сушиться.

– Похоже на то, – согласился тот.

Степан Хвьяля идущий перед ними, обернулся и пошутил:

– Надоть гольшом работать и одежда будет сухая.

На шутку никто не отозвался. Однако опасения не оправдались. Метров за триста от города, их заставили сойти с дороги. Под ногами оказалась грязь, небольшие лужи и бурорки со старой травой. Остановили около небольшого моста, на котором провалились задние колёса большой телеги. На ней лежал огромный котёл. Впереди стояли четыре пары лошадей, и суежилась вся команда, направленная на лесопилку. К вновь прибывшим обратился мужик в кепке в расстегнутом пиджаке, в сапогах, изрядно вымазанных грязью, и державший за повод гнедую лошадь:

– Ребята, как-то надо вытащить эту холеру, тут силов не хватает.

Все гурьбой обступили мост. Телега была изготовлена специально. Колёса были сколочены из сплошного дерева широкие. Оси из толстой железной трубы. Задние колёса провалились почти полностью, сломав несколько тонких брёвен моста. Уже были привезено несколько длинных верёвок и их подсовывали под низ телеги. Попытка тянуть за эти верёвки и погонять лошадей ничего не дала: телега не шелохнулась.

Ваня вспомнил, как в девятнадцатом году, когда белые отступали, у них возле деревни, на мосту над ручьём, провалился броневик. Они заставили деревенских мужиков привести лошадей с хомутами, и захватит вожжи. Привязали броневик вожжами к хомутам, но как не погоняли лошадей, броневик – ни с места. Тогда мужики принесли две толстые жерди и двумя вагами подняли заднюю ось и лошади выдернули броневик. Теперь он предложил это Николаю и Степану. Николай закричал:

– Стоп, мужики! Тут Иван дело предложил. Надо две ваги: два бревна толщиной дюймов десять, у комля. Начальник в кепке крикнул одному из погонщиков лошадей:

– Лёха, бери мово коня, дуй на лесопилку! Пусть Иваныч на передке привезёт два бревёшки, ты слышал каки. Пушай пошипчей гонит! Уже, когда Лёха сидел на коне, добавил:

– Ему подмогни и вертайся.

Все, хлюпая ногами, вышли на дорогу. Кто-то для порядка спросил у охраны, которая топталась на прежнем месте:

– Курить можно?

Старший разрешил. Многие курильщики задымили самокрутками. Ваня предложил:

– Пойдёмте, посмотрим, как поднять.

Николай, Иван и Степан протиснулись к телеге. Здесь его старшие товарищи всё осмотрели, определили как подважи-

вать, и осталось только ждать, когда привезут брёвна. Ждали примерно час. Поговорили о дороге. Степан прикинул, что до железнодорожного переезда работы на недели полторы, потом куда пошлют, неизвестно.

Наконец прискакал Лёха и сообщил, что Иваныч везёт брёвна. Вскоре появился и он, пожилой усатый мужик, почему-то в зимней шапке. Он быстро отвязал брёвна от колёсного переда. Работа началась. Так получилось, что командовать стал Николай:

– Ты Стёпа с Тарасом и Павлом одно бревно берите, ну и ещё кто, а я с Иваном, Петром и с мужиками другое. Ты заноси с левой стороны, а мы с правой. Несколько человек охотно присоединились. Довольно быстро завели брёвна под концы осей, провалившихся колёс и Николай командовал:

– Все кто не у ваг, беритесь за верёвки. Люди вытянулись в две длинные вереницы по обе стороны лошадей. Николай прокричал:

– Мужики! И вы погонялы! Как мы поднимем, по команде: «Давай!» в раз тянете и погоняйте.

– Ребята, на счёт «Три!» поднимаем. По его команде «Раз, два, три!» все навалились на ваго, колёса поднялись почти до уровня моста и он заорал: «Да-а-вай!» – Телега дёрнулась: ось слетела с ваг, колёса упали вниз и многие попадали вместе с ваго. Поднялись. Ваня сказал:

– Кони в раз никогда не дёрнут.

Николай посмотрел на Ваню, мотнул головой, ничего не спросив, крикнул:

– Начальник!

– Тут я, – откликнулся он, оказавшийся рядом.

– Отвязывай лошадей, они в раз не дёрнут, а люди не могут на насыпь дороги выйти, вниз тянут.

Начальник дал указание: лошадей отцепили и отвели подальше вперёд. Люди вышли на дорогу, держа верёвки в

руках. Николай заставил подойти их к самой телеге, несколько человек взялись за дышло. Потом предупредил, чтобы тянули в раз по команде, но не рывком. И когда подняли вагами заднюю ось и Николай прокричал: «Давай! Навались!» – телега медленно приподнялась и двинулась по мосту. Мужики с азартом покатали её, по небольшому уклону, от моста. Начальник, обратился к Николаю:

– Бригадир, пусть ребята положат ваги на передок, а то там ещё мосток есть.

Коней гнали впереди, а все мужики взялись за верёвки. Телега иногда шла ходко, иногда приходилось налегать на верёвки. Но людьми завладел азарт, и когда телега катилась легче, появлялись шутки по поводу своей участи в этом деле.

Солнце пригревало и все утирались рукавами, смахивая пот с лиц. На втором мостике, случилась та же история, но здесь справились гораздо быстрее. Мужики посоветовались меж собой и решили: катить этот котёл до места. Кто-то рассудил: «Вдруг, где застрянет, опят нас вернут». Так и докатили котёл до лесопилки. Там расселись, кто на брёвна, кто на доски, кто на прошлогодней траве и полюбовались рекой с коротким названием «Кия». Охрана не возражала. Однако долго сидеть не позволила, но разрешила напиться.

Лёха вынес ведро, и мужики черпали воду из реки, и пили прямо из него. Тут потянули время.

Санька Соловьёв пояснил:

– Ещё сплавной лес не приплыл, а то бы здесь брёвна плавали, фик бы попили.

В свою церковь – барак вернулись раньше обычного, но больше на работу не погнали.

После этого случая все Николая стали называть бригадиром, даже охрана, а Ваню только Иваном.

Прошла ещё неделя. Работали на дороге. Первого мая сделали выходной и даже покормили три раза. На следую-

ший день сформировали отряд из ста человек на этап, по разговорам в Нарым или на Чулым. Дня через три пришёл слух, что все люди погибли при переправе через реку.

Это печальная весть всех тревожила, особенно, когда стали формировать второй большой этап. В него попал отряд Николая, как его стали именовать и ещё отряд. На этот раз повели на станцию.

3

Когда залезали в вагоны, солнце сквозь весенний туман, багровым диском, висело у самого горизонта, добавляя своим необычным видом тревогу и, усиливая гнетущее состояние.

Само собой получилось, что все старались занять прежние места, когда везли сюда. Получилась небольшая перепалка, с теми, кто был из других вагонов: они заняли места, а кто-то говорил, что это он ехал на этом месте. Но над ними посмеялись, кто-то пошутил: «В Сибири всем места хватит!» Вскоре все угомонились и начались предположения: куда везут?

Состав двинулся на восток.

Иван, как теперь называли его все товарищи по несчастью, сразу забрался на верхние нары у окна. Николай Оглоблин вновь оказался рядом.

Продолжались разговоры, где они окажутся на этот раз. Николай сказал:

— Что гадать? Повезут туда, где работа будет, потяжелей.

Иван разговор не поддержал. На душе было тоскливо от того, что его всё дальше и дальше везут от родимых мест. Душила глубокая обида на всю случившуюся несправедливость. Чтобы не думать о доме, о родных, об уготованной судьбе, он постарался уснуть и вскоре, под стук колёс, уснул.

Вдруг шум скрежет открывающихся дверей и крики: «Выходи!»

Ночь была тёмная. Едва стали выпрыгивать из вагона слышались крики охраны: «Отходи от вагона! Отходи от вагона!» И, словно из земли, очевидно с той стороны поезда, из-под вагонов, появились четыре человека со стеклянными фонарями. Тут же последовала команда: «В колонну по четыре становись!» Когда колонна двинулась, двое охранников с фонарями оказались впереди, с разных сторон, двое сзади.

Сначала Иван удивился и сказал Степану, оказавшемуся рядом:

– Шо дадут эти фонари в такой темноте.

Степан хмыкнул и сказал:

– Вань, они ж не тебе под ноги светят, а для охраны, чтобы не убёг.

– Как это?

– А так: побежишь в сторону, мигнёт огонёк и тебя сразу охрана засечёт. Понял?

– Наверно, так, – согласился Иван

Когда сошли с железнодорожных путей, вдалеке был виден одинокий фонарь на столбе и ряд слабо освещённых окон, Степан сказал:

– Вроде, вокзал порядочный, наверно, город большой.

Иван едва заметил столб с фонарём: колонна втянулась в темноту улицы, где приземистые дома еле угадывались. Шли молча. Иногда, слышался короткий разговор, и вновь наступала тишина, которая нарушалась шарканьем ног и чавканьем их, когда попадали в лужи. Колонна повернула налево и Тарас произнёс:

– Якие-то огни бачу.

Иван не мог их видеть, он шёл вторым с краю между Тарасом и Степаном. Тот пошутил:

– Тёща лампу выставила на окне – ждёт на блины.

Шутку никто не поддержал. Прошли ещё немного, и оказалось, на двух домах, возле номеров висели фонари. На одном Санька прочёл: «Улица Л. Толстого.

– Во, здорово! – восхитился этому Степан.

Шли довольно долго. Кое-где не было домов и на фоне более светлого неба, виднелась тёмная полоса леса.

Вновь появились дома улицы. Колонна повернула направо и кто-то сказал: «Опять огоньки». Подошли ближе и Оглоблин произнёс:

– Да это ж тюрьма, братцы.

– Кажe не минула нас та доля, – отозвался Павло, идущий сзади рядом с Петром. Иван, только когда входили в ворота, увидел высокий каменный забор, освещённый несколькими фонарями, и вышку на углу.

Двор оказался большим. Стены изнутри тоже были освещены, а само здание тюрьмы, к которому всех повернули лицом, мрачной, тёмной громадой уходило вверх, в темноту ночи.

Им, кто шёл рядом с Иваном, досталась камера на втором этаже. Огляделись: вверху узкое с решёткой окно, в которое не выглянешь, под ним стол и два табурета прикреплённые к полу, в углу в стороне от двери отхожее место, рядом на стене металлическое корытце и в стене – кран. Камеру освещала маленькая продолговатая со стеклянной висяюлькой электрическая лампочка. В камере было всего четыре места: двое двойных нар, а их было восемь человек. Шестеро, сблизившиеся по прежней работе, а также Сашка Соловьёв, сосед по верхним нарам, и случайно восьмым оказался Жёлудь.

– Да, братцы, тесновато нам будет коротать тут время, – сказал Жёлудь, и, протянув руку, крутнул кран – из него потекла тонкая струйка воды, застучав по жести раковины. Закрыв его, он обнаружил ещё один кран и, когда его открыл,

внизу у широкой воронки заклокотала вода. Он оглянулся и произнёс:

– Культура!

Потом посмотрел на некоторых, усевшихся на нижние нары, оценил обстановку:

– Спать придётся валетом.

Степан тоже соображал быстро:

– Мы с Иваном по привычке на верхотуру.

– Подожди, Стёпа, – остановил его Николай, и продолжил,

– Пусть с Иваном ложиться Тарас, как самый большой. Пётр с тобой, ты всё-таки поджарый, я лягу с Соловьём, а Павел с Мишей. Он хоть и дружил с кухней, но живота не наел. По-моему так будет нормально.

Все молча согласились. Некоторые попили воды из-под крана, и все стали укладываться.

Иван снял сапоги, сунул портянки под матрас, и улёгся на нижние нары. Он сообразил, что Тарас наверх не полезет.

– Неужто в такой тесноте будут держать? – послышался голос Петра.

– Да нет, – отозвался Санька, – это наверно на ночь, а там расселят.

Наступила тишина и вдруг Николай спросил:

– Саня, а как ты на этап попал? Ведь с лесопилки никого не брали.

Тот рассказал:

– Зашёл начальник на пилораму, остановили паровую машину, чтобы можно было разговаривать. Он сходу стал ругать Гаврилыча и Василия, двух вольных. Обвинял их, что за прошлую неделю норму не выполнили. Те оправдывались, что когда котёл доставляли, подсобников не было, и один день паровик ремонтировали. А он на своём: «Людьяра гоняете, вместе с этими!» – кивает на нас с Клочковым. Ещё

пострадал и вышел за дверь, в слесарку. Я Ключку говорю: «Шевелись, лодырь!» Он схватил горбыль и швырнул его не на мою сторону, а прямо в меня. Я не успел увернуться, и горбыль угодил в ногу. Я его обозвал «Сволочью», а начальник за дверью подумал, что это его так назвали и вечером бригадир нам сообщил, что он велел нас заменить. Утром мы уже были в списках на этап.

Пётр, который недолго любил Саньку за подначки, произнёс:

– Правильно говорят: «Попал в говно – не чирикай».

– Это ты к чему? – с обидой спросил Санька.

Ему никто не ответил. В камере наступила тишина.

Иван почти засыпал, но в памяти возникла тюремная электрическая лампочка, и сразу вспомнил, как он увидел впервые такую же, у доктора в Житомире. Это было в шестнадцатом году, ещё отец был жив. В середине марта играли во взятие Измаила, про который узнали в школе на уроке истории. Всем хотелось быть суворовцами и штурмовать плотину у пруда. Наконец турками согласились стать Микола Тарасенко и Панка Юшко. Микола был на пол головы выше любого из них и старше на один год. На откосе плотины ещё лежал снег. Из него легко делались снежки, и он, Гринька и Василька сначала дружно обстреливали «турок» снежками, как ядрами, а потом бросались в атаку. Но Микола с Панкой ловко сталкивали их, и они съезжали вниз, кто на спине, кто на пузе. Потом снова бросались на штурм. В один момент он решил обойти Миколу слева, пока у него с Василькой завязалась борьба. Но тот всё-таки столкнул того с плотины и, ухватив его за рукав, так дернул, что он отлетел в сторону настолько, что съехал в большую лужу. В один сапог хлынула холодная вода, и штанина тоже намочила. Он выскочил из лужи, упал спиной на снег и, задрав ногу, вылил воду из сапога. Часть воды ещё больше намочила штанину, и вся нога сразу замёрзла. Он поднялся и решил,

что надо идти домой. Но увидел, что Гринька ухватил Миколу за ногу и едет вместе с ним вниз. Азарт взял своё, и он бросился вперёд. Вскрабкался на плотину, помог Васильку столкнуть Панку и «Измаил» был взят!

Теперь им предстояло выступить в роли «турок», но он показал на свою мокрую штанину, и друзья согласились, что ему надо идти домой.

На второй день утром у него заболело горло. Мать приложила ладонь к его лбу и сказала, что в школу идти не надо. Этому он обрадовался. Его поили горячим молоком с мёдом, однако, на следующий день, ему стало так худо, что он еле говорил. Старший брат Григорий, который на несколько дней приехал из Житомера, сказал, что его надо вести в город к доктору. Отец запряг лошадь в двуколку и отвёз их с братом до ближайшей станции.

Так он увидел впервые паровоз с длинной трубой и вагоны для людей, которых человек в форме называл: «граждане пассажиры». Потом зашли в дом, где брат снимал комнату.

Тот взял из стола деньги и повёз его на извозчике к доктору. На дому, где жил доктор, было написано на железке: «ул. Наливайко».

Доктор предложил снять пальто и пройти в комнату. Усадил его на стул, надел белый халат, какая-то женщина полила ему на руки над тазиком и дала полотенце. Он вытер руки подошёл к нему и сказал:

– Ну с, хлопчик, открой рот.

Он открыл. Доктор подвинул какую-то подставку, на которой была закреплена, продолговатая лампочка с висюлькой на конце. Доктор повернул чёрный рычажок, и она так ярко вспыхнула, что он сильно зажмурился. Доктор сказал: Ага! Тазик. Потерпи, хлопчик, трошке.

Потом горло пронзила боль, он вскрикнул, из глаз потекли слёзы, а доктор наклонил его голову и сказал:

– Плюй в тазик. Изо рта потекла какая-то слизь вместе с кровью. Потом он объяснил, как надо полоскать горло, не глотая. Жидкость, из бокальчика, была противной на вкус, но он прополоскал несколько раз.

Тогда он прожил у брата четыре дня, продолжая лечебное полоскание. Жалел, что не съездили к тётке на окраину города. Когда вернулся в деревню, хвастал перед ребятами, что видел паровоз и электрическую лампочку.

Мысли о детстве заслонили беду тюрьмы, и он спокойно уснул.

Проснулись от резкого, громкого и дребезжащего звука.

Ивану показалось, что он почти не спал, что он только-только закрыл глаза, но в камере уже было светло, электрическая лампочка не горела. Все стали обуваться, потянулись к крану с водой. Иван тоже попил воды, несколько раз набрал в пригоршни воды и умыл лицо. Уступая место, следующему, утёрся рукавом. Некоторые воспользовались культурным (по выражению Миши) отхожим местом.

В коридоре слышался голос надзирателя: «Приготовиться к выходу!» Раздался лязг затворов, дверь открылась, и вновь команда: «Выходи!»

Миновав две решётчатые двери, лестницу и входные двери, спустились с крыльца во двор. Громада тюрьмы оказалась всего в два этажа.

Построили. Появилась охрана, какие-то гражданские начальники. Зачитали список людей первой команды и сказали, что она направляется на работу в колхоз.

– Вот бы нас тоже туды, в деревню, – сказал Степан.

– Там всегда можно подкормиться, – поддержал его Пётр.

– Гарно было б, – согласился с обоими Иван.

Но, когда зачитали второй список, это почти все с их отряда, они удрученно услышали, что их доля – кирпичный завод.

Солнце поднялось до уровня вышки с часовым. Когда кончили зачитывать списки команд, открылись ворота и колонны двинулись со двора.

– Всё лучше, чем в тюрьме, – сказал Степан.

Все, были с ним согласны.

За воротами, все обратили внимание, что справа, между тюрьмой и какими-то постройками, виднеется широкая река и еле различимый в утренней дымке другой берег. Послышались вопросы: «Что за река?» Через пару минут передалось, что это река Чулым. Видать, охранник сказал.

У Ивана да и у других с этим названием возникло воспоминание о гибели первого этапа при переправе.

Шли по улицам, похожими на Мариинские: деревянные дома разной величины, огороженные дощатыми заборами. Некоторые дома были добротными с резными карнизами и крашеными ставнями у окон и высокими воротами, другие, приземистые, потемневшие от времени. В огородах люди прекращали работу, наблюдая за прохождением колонн. Некоторые выглядывали из окон.

Вскоре их колонна осталась одна, и кончился город. Слева подступал лес, справа, тоже на фоне леса, в раскрытых воротах, виднелось длинное здание, а перед ним на широком плацу маршировали красноармейцы. Степан обронил:

– Видать воинская часть.

Впереди показались невысокие деревянные постройки и кирпичное здание с не очень высокой трубой. Подойдя ближе, увидели ворота с большой вывеской «Кирпичный завод артели им. 1 мая». За всеми постройками виднелся тёмный лес. От ворот в обе стороны тянулся покосившийся забор. Когда подошли, ворота раскрылись. Двор оказался большим. У ворот находилось длинное бревенчатое здание конторы с небольшими окнами и тремя крылечками. Напротив него, поодаль были длинные навесы примыкающие к

кирпичному зданию. С одной стороны двор замыкала конюшня. Это было понятно по узким окнам и возле неё, под навесом, стояли три лошади и две телеги.

Из конторы, почти одновременно, вышли двое: пожилой, сутуловатый мужчина, в штатском и военный. Сержант, старший из конвоиров, подошёл к ним, козырнул военному. Тот слегка махнул рукой, поздоровался с сержантом за руку и взял у него документы. Военный передал часть документов штатскому. Сержант и весь конвой пошёл к воротам.

Первым заговорил военный:

– Граждане осужденные, – я комендант, лейтенант Кроткий Иван Васильевич. Вы прибыли для работы на кирпичный завод. Будете расконвоированными, но по утрам, до без пятнадцати восемь и до девяти вечера, должны отметиться в комендатуре. Выход в город запрещён. По всем производственным вопросам обращаться к Илье Карпычу, но прежде я сделаю перекличку.

Он развернул бумаги и стал называть фамилии.

Солнце уже изрядно пригревало. Когда закончилась перекличка, и комендант ушёл, кто-то крикнул; «Можно снять верхнюю одежду?» – «Можно», ответил новый начальник. Иван, как и все, снял свою поддёвку и почувствовал приятное дуновение ветерка.

Илья Карпыч был в тёмном костюме, сапогах и серой кепке, сделав шаг вперёд, произнёс:

– Прежде всего, здравствуйте, граждане!

От неожиданности, кое-кто проговорил: «Здрастье!» Он продолжил:

– Я мастер подготовительного цеха. Кроме двенадцати человек, которые будут работать в формовочно-обжиговым цехе, будете работать у меня. Жить будете в землянках, специально оборудованных, по десять человек. Здесь они рядом, – он показал рукой в сторону.

– Сейчас разместитесь и пойдёте в столовую. Она у нас за формовочными столам, возле обжиговых печей. Он вновь показал рукой и сказал, – идите размещайтесь. После завтрака соберутся здесь. Идите.

Землянки оказались неплохо оборудованные: стены затянуты досками, пять двойных нар с матрасами, подушками, набитых сеном и даже байковые одеяла. Пол, конечно, земляной, но над наклонной дверью даже небольшое, застеклённое окошечко. От двери до пола деревянный трап.

Разместились в первой землянке, все кто вместе ночевали в камере. Соловьёв пригласил с собой Клочкова. Десятый назвался Николаем Мониным.

Соловьёв заявил:

– Тут, если печку поставить и зимовать можно.

На что Жёлудь заметил:

– Хорошо бы, но зимой кирпичные заводы не работают.

– Жалко, – произнёс Санька. А Иван подумал: «Миша всё знает. Хотя бы рассказал, откуда он такой?»

Столовая была хотя и летняя, но у неё были и стены и окна, правда без рам. По всей длине стояли два больших стола со скамьями по сторонам. Перед входом был умывальник на пять сосков, что тоже всех удивило. Многие, в том числе и Иван, с удовольствием помыли руки.

Средних лет женщина в белом халате и белой косынке пригласила сесть за столы и сказала:

– На завтрак приходите в семь часов, обед в два, а ужин в восемь вечера.

Потом две женщины одна молодая, другая средних лет, на подносах быстро разнесли ложки, стаканы с киселём и куски хлеба. Также быстро подали миски с пшённой кашей. Все с удивлением переглядывались, не ожидавшие такого приёма и завтрака.

Ивану каша понравилась, и он вспомнил, что ел её в последний раз в сочельник перед Рождеством.

После завтрака собрались на площади, перед конторой. Курильщики задымили своими сигарками. Вышел мастер, все без команды, выстроились в две шеренги. Он сказал:

– На всякий случай, фамилия моя Сухих. Надо из вас кого-то назначить старшим.

– У нас уже есть, – выкрикнул Жёлудь, – Николай Оглоблин!

– Очень хорошо. это кто?

– Я, – отозвался Николай.

– Надо выделить двенадцать человек, повыше ростом для формовочного и обжигового цехов, там тележки с настилами довольно высокие им – сподручнее работать. Четверо могут быть любого роста, будут работать у известковых печей.

Николай, было, закрутил головой, но мастер его остановил:

– Подожди, сейчас председатель артели с вами поговорит.

В это время с крыльца уже спускался коренастый полный человек. Он тоже был в тёмном костюме в сапогах, только кепка была белой. Он был противоположность мастеру. Тот был суховат лицом, а этот круглолицый, курносый с пышными бровями. Остановившись, он поздоровался и продолжил:

– Мужики, работаете до конца мая, получите зарплату. Из неё вычтут за питание в этом месяце, потом будите платить в столовой, как и все. Хорошо будете работать останутся деньги на магазин. Тут, у нас, за конторой есть небольшая лавка, кое-что можно будет купить.

– Бритву продадут? А то заросли как черти, – раздался чей-то голос.

– Надо спросить коменданта, разрешит ли он. А я могу вам дать ножницы на время, чтобы укоротили бороды, кто захочет.

– Потом решим, – сказал председатель, предложил мастеру продолжить беседу и ушёл

Николай быстро выбрал двенадцать человек, включая себя, но мастер сказал, что бригадир нужен там, где больше народа. Николай заменил себя Молиным, новичком в их компании. Когда команда отобранных людей ушла, с напутствием, найти мастера Степанова, Иван почему-то, пожалел, что рядом не будет Павло, но он, со своим ростом, был назван первым.

Затем мастер повёл остальных за собой и завёл всех между двумя широкими навесами, под которыми были тоже широкие столы. Он показал на большой деревянный круг с бортами пол аршина. В центре был невысокий, чуть больше метра, столб, на котором была закреплена жердь почти по диаметру круга. Он чуть толкнул её, она покачиваясь повернулась, и сказал:

– Здесь делается замес глина. Ваша задача: пятнадцать человек берут тачки, под навесом, и возят сюда глину из забоя, шесть человек в забой – нагружать тачки, двое здесь разравнивать. Когда круг заполнится на половину, заливаете водой из этого бака. После замеса, выкладываете готовую массу на формовочный стол. Всё, бригадир расставляй людей и за работу, – махнул рукой и пошёл. Николай вдогонку крикнул:

– А кто месить будет?

Тот обернулся и сказал: «Кони».

Николай быстро распределил людей, как велел мастер. С собой в забой взял Тараса ещё четырёх мужиков, остальные, кроме двоих, что остались разравнивать глину на круге, пошли к тачкам. Тут же, под навесом, стояли штыковые лопаты. Забойщики с Николаем взяли их, и пошли по одному из деревянных настилов, по которым предстояло ездить тачкам с глиной и порожним.

Тачки все были одинаковые, и выбирать не пришлось. Иван взялся за ручки, развернул тачку и покатил её к помосту, встраиваясь в общую вереницу. Мужики, с некоторым азартом, покатали тачки и обогнали группу Николая.

Забой, где добывалась глина, располагался метрах в пятидесяти от завода. Впереди за небольшим холмом тоже был лес. Острые пики елей врезались в голубое небо, а сами ели сливались в плотную тёмно-зелёную массу. Правый склон холма, освещённый солнцем, зеленел молодой травой. Сам забой был в тени и глина казалась темно-коричневой.

Ожидая погрузки, кое-кто уселся на молодую травку возле настила, кто продолжал стоять, рядом со своей тачкой.

Подойдя к ожидающим погрузки, Николай мигом оценил обстановку и сказал:

– Туда повезёте по правому настилу, он ближе подходит к забою. Перекатите тачки. Вы трое, сказал своим, капаете у забоя и отбрасываете сюда, мы нагружаем тачки. И ещё, первый день не нагружайте много – надо привыкнуть.

Первую тачку загрузили Степану Хвыле и покатил её по настилу. За ним были три мужика из соседней землянки. Иван знал их в лицо, но не по имёнам. Далее был Жёлудь, Соловьёв, Пётр Гутев. Клочков и за ним Иван. Ожидая и наблюдая за Николаем, он удивлялся: «Откуда у него такая способность руководить? Всё сразу определил, кому что делать и как. Прямо, как у нас голова общины, а потом голова сельской рады». Но, тут же, с сожалением подумал: «Меня-то он не защитил, когда забрали, а вот Николай бы заступился».

Пока грузили пятую тачку, вернулся Степан с порожней, и сказал:

– Мастер подходил, забыл сказать, что распорядок дня по гонгу: в шесть утра подъём, в семь завтрак, в восемь начало

работы, днём первый гонг обед вольных, второй наш, в восемь вечера - ужин, в десять – отбой.

– Добре. Все слышали? – спросил Николай.

– Слышали, – за всех ответил Соловьёв.

Когда грузили тачку Ивану, Николай сказал:

– Грузите на передок, велика ему эта колымага.

Иван приподнял нагруженную тачку и покатил по настилу. Она не показалась ему тяжёлой. В сторону завода, был небольшой уклон. Некоторое неудобство он испытывал от того, что рукоятки тачки были широковато расставлены для него. Уже на территории завода настил выравнивался и здесь, пришлось толкать тачку. Подъезжая к кругу, он увидел, как другие опрокидывают тачки, вываливая глину. Он сделал также: навалил передок тачки на борт круга и, подняв рукоятки вверх, вывалил глину. Это удалось нелегко. Он подумал: «Если нагрузят полную тачку, одному не вывалить».

Постепенно наладился ритм работы, и вереницы тачек катились друг за другом почти на одинаковом расстоянии. В момент, когда Николай со своими напарниками перешёл в забой, а те стали нагружать тачки, Ивану нагрузили чуть больше и он это почувствовал, особенно при вываливании глины, но справился сам. Клочков, возивший тачку впереди него, крикнул одному из разравнивающих глину на круге:

– Шевелись Толя!

На что тот, утираясь рукавом, ответил:

– Без соплей скользко.

– Да, ладно, – протянул Клочков, опрокидывая тачку.

– Скажи там, – обратился к нему Анатолий, что ещё тачек семь и хватит.

Подъезжая к забою, Клочков крикнул:

– Сказали надо тачек семь, а уже восемь поехало!

Николай прекратил работу, опёрся на лопату и сказал:

– Понятно, – помолчал и добавил, – что же порожними туда ехать? Давайте, кто подъехал, тачки загрузим, там стоят гружённые.

Иван со своей тачкой оказался последним, кому загрузили тачку и он почувствовал явный недогруз. При подъезде к кругу его тачка оказалась шестой стоять с грузом. Человек восемь таскали воду вёдрами, черпая в баке и выливая в круг. Мужики у гружёных тачек уселись кто на настил, кто на траву рядом. Подошёл Николай, со своими забойщиками, и они тоже уселись на настиле. Иван сел на траву. Мастер, наблюдавший за заливом водой, спросил:

– Где бригадир?

Николай поднялся и подошёл к нему. Иван услышал, как мастер сказал: «Думаю, к концу вашего обеда замес будет готов, выложите его на правый стол и продолжите работу» Николай кивнул головой и пошёл под навес, где сел на чью-то перевёрнутую тачку. В это время, очевидно, конюх привёл двух лошадей. Мастер сказал, что воды больше не надо и велел заводить лошадей. Рыжую завели сразу, и поводок уздечки привязали ближе к краю жерди, а гнедую обвели вокруг и завели в круг с другой стороне, привязали к жерди ближе к столбу. Понукнув их и хлопнув гнедую по крупу, мужик прикрикнул: «Ну, пошли!» Лошади послушно двинулись по кругу, чавкая копытами.

Мастер сказал Анатолию:

– Вы от бортов отбрасывайте глину, чтобы попала в замес.

В это время раздался протяжный звук гонга. Мастер хлопнул по плечу конюха, и пошёл в сторону столовой. Из конторы вышел директор, три женщины, ещё двое мужчин и тоже направились в столовую.

Иван лёг на траву, устремив взгляд, в светло-голубое небо и подумал: «Надо бы сходить в землянку и сбросить куртку». Подумал, но не пошёл, так уж получалось, что он

привык, всё делать по команде. Словно узнав его мысли, Николай сказал:

– Может, кому одежёнку отнести в землянку, али ещё чего, можно сходить, пока время есть. Иван поднялся, и первый сбежал с пригорка. За ним пошло ещё несколько человек.

В землянке стояла приятная прохлада. Он положил куртку на верхние нары, рядом с поддёрвкой и присел на нижние нары. Ему не хотелось сразу покидать землянку из-за свежести воздуха, хотя особый запах сена, одежд, оставленных людьми, уже присутствовал. Испытывая, какое-то внутреннее удовлетворение, он подумал: «Всё-таки возить гружёную тачку легче, чем бросать щебень». Однако тут же пошевелил плечами, в которых чувствовалось какое-то напряжение.

Распахнулась дверь землянки и быстро спустился Клочков:

– Хочу рубаху снять, позагорать маленько.

– Бачи не сгори, – предупредил Иван, поднимаясь с нар, – я в детстве однажды шибко сгорел.

– Да я и сам сгорал, – ответил тот, держа рубаху в руках. Иван вылез из землянки и пошёл к своей тачке. Подойдя, он увидел, что лошади понуро продолжают кружить, чавкая копытами. Большинство мужиков перебрались под навес к Николаю. Иван лёг на траву, прикрыл глаза согнутой рукой и почему-то вспомнил ту гнедую клячу, которую ему подменили в ночном. Потом мысли перенеслись в школьные годы. Вспомнил, как в двадцатом году, когда учился в третьем классе, в конце апреля, с Миколой Тарасенко не пошли в школу, а на дальний пруд купаться. Там пробыли до той поры, когда возвращаются из школы. Вот тогда он и обгорел на солнце. Мать сразу догадалась, что он отлынивает от школы, когда смазывала спину прохладной сметаной, принесённой из погреба.

Подошёл Клочков и сел рядом. Он всё-таки не оставил рубаху в землянке, а завязал рукава вокруг пояса и сейчас подставил спину солнцу.

– Ты с яких краёв? – спросил Иван, приподняв руку с лица.

– Мы с Санькой Курские.

– Про него знаю.

– Вас с Хохляндии везли, а наш вагон в Курске подцепили к вашему составу.

– Шо зробил? За что попал сюды? – поправился Иван

– За своего коня. Старшой брат дал коня дядьке, в соседнюю деревню, для пахоты. А там первый в районе организовали колхоз. Дядька вступил, но клялся и божился, что второй конь не его. А ему: «Не хитри». И забрали. Надо было сразу ехать, а я через месяц пошёл туда и ночью угнал коня. Дознались и приписали: за воровство колхозного добра.

Иван посочувствовал его беде и вспомнил о своей, но рассказывать не стал.

Пришёл мастер, обошёл круг и сказал, взглянув на Николая:

– Точно, после вашего обеда будет готов. Захар скажет, – кивнул он головой на погонщика коней.

Подошёл Соловьёв и сел рядом с Клочковым.

– Придумали же, – произнёс он, – лошадьми месить глину.

– Добре, шо придумали, – отозвался Иван, – Я как мастер сказал, шо водой заливать, удумал нам месить. У нас глину до саману бабы ногами месят, а мужики рубят солому, мешают с глиной и делают кирпичи.

– А оне не разваливаются? – спросил Клочков.

– Не, на солнце высохнут – и как камень, – ответил Иван, приподнимаясь с травы, и добавил, – у нас усе хаты из самана.

В это время послышался второй звук гонга.

— Приятный звон, — сказал Санька, поднимаясь.

Все направились к столовой.

Ивана вновь удивило то, что на столе уже лежали деревянные ложки, куски хлеба и глиняные миски наполненные, каким-то супом. Это оказались щи с кислой капусты с картошкой и морковью. Он подумал о том, что ничего жидкого не ел с тех пор, как был дома. Щи были ему не привычным блюдом, но съел с удовольствием. За столом совсем не было разговоров. Пока хлебали щи, женщины разнесли миски с перловкой. Два блюда на обед — это тоже было впервые за время ареста. После еды, кто захотел, попить, направились к бачку, что стоял на высоком табурете, возле раздачи, с оловянной кружкой на цепочке.

Ивану после щей пить не хотелось и он сразу вышел из столовой, присоединившись к группе курильщиков. Здесь выворачивали карманы, вытрясая последние остатки табака и, экономно расходуя спички. Тут Иван переговорил с Павлом, который был в первой бригаде у другого мастера. Тот рассказал, что он и ещё семеро заготавливали дрова для обжиговой печи, а те четверо, тоже дрова пилили и кололи для известковой печей. В конце сказал: — Робить, можно.

Когда вернулись к своим тачкам и кругу, за одним из столов под крышами стояли трое мужчин и две женщины. Все в клеёнчатых фартуках с узкими мастерками в руках. Перед ними лежали деревянные формы,

Захар уже вывел рыжую лошадь и теперь обскребал её ноги, таким же узким мастерком. Увидев Николая, сказал:

— Можно начинать, лопаты в том ящике под навесом.

Как только подошли с лопатами к кругу, одна из женщин, по моложе и побойчей крикнула:

— А ну, хлопцы, пошустрей замес на стол!

Вязкая глина чвакая, отрывалась от основной массы и была довольно тяжёлой. Кроме того, до стола надо было

сделать несколько шагов, а потом ещё идти вдоль стола, прежде чем бросить глину на середину стола.

Захар, обмывая водой ноги лошади у бака, попросил:

– Мужики, подберите замес у морды Гнедухи, чтобы мне её отвязать.

Его просьбу тут же выполнили и он её вывел.

Работа по выкладыванию замеса заняла довольно много времени, потому, что подошедший другой мастер предупредил: не набирать много замеса на лопату, чтобы не терять при переноске. Формовщики, довольно ловко орудуя мастерками, продвигались вдоль стола, оставляя за собой ровные ряды кирпичей-сырцов.

Полдень был жарким по-летнему и, то и дело, приходилось утирать пот с лица.

Наконец, круг опустел: большинство мужиков уселось на настил, кто под навесом. У всех чувствовалась усталость. Несколько человек подошли к баку ополоснуться водой. Санька Соловьёв зачерпнул ведром воды из бака и спросил у формовщиков:

– Вода не из болота? Можно пить?

Ответила вторая, угрюмая с виду женщина:

– Лошади пьют, не подышают.

– Пейте, пейте! Вода хорошая, – успокоила вторая.

Санька напился, плеснул себе на лицо, и ведро подхватили другие. Иван толкнул Ключкова, дремавшего на траве:

– Пойдём, треба испити водицы.

Дождавшись очереди, Ключков зачерпнул воды, они напились и чуть ополоснулись. К концу их водопоя из-за формовочного стола появился мужик в синем халате, который вёл под уздцы серую лошадь. Это был водовоз. Он остановил телегу с бочкой рядом с баком и, забравшись на телегу, стал переливать черпаком воду из бочки в бак.

– Всё, мужики, – сказал Оглоблин, – взялись за работу. Эй, землекопы-забойщики, за мной, – и пошёл по настилу.

Одна, за одной, были опрокинуты груженные тачки: работа пошла прежней чередой.

Катя пустую тачку, Иван вновь подумал: «Здесь всё же легче, чем на дороге». В ожидании погрузки он снял рубаху и так же, как Ключков, завязал рукава вокруг пояса. После таскания замеса, гружёная тачка показалась ему не очень тяжёлой. Однако, когда опрокидывал в круг, почувствовал её вес.

Пришёл мастер, поговорил с мужиками, которые ровняли привезённую глину, и отправился в забой. Когда Иван, возвращаясь к забою, увидел, как мастер, что-то говорил Николаю, показывая руками.

Солнце склонялось всё ниже, а гружёная тачка казалась Ивану всё тяжелее. Особенно начали ныть плечи из-за широко расставленных ручек тачки. Тут он, невольно, подумал о своём невысоком росте, как когда-то в пятнадцать лет при первой пахоте. Почувствовав, лёгкое покалывание в спине, вспомнил, как обгорел в детстве, остановился и надел рубаху.

Толкая гружёную тачку, мысль вернулась к школьным годам. Не раз на законе Божьем батюшка говорил: «За плохие дела Боженька обязательно накажет. Попробуйте похулиганить или пропустить занятия и сразу увидите Божью кару». И все побаивались послушаться учительницу. Но в марте восемнадцатого года отменили уроки закона Божьего, батюшки не стало. И тот случай в конце апреля, когда обгорели – вот и Божья кара. А Миколке ещё горше. Когда, задрав рубаху, показал матери спину, отец понял, где он был вместо школы, и врзал ему по спине вожжами.

Теперь, Иван в который раз задавал вопрос: «Если Бог справедлив, то сейчас за какие грехи я несу наказание?»

– Шевелись! – раздался голос сзади.

Он побыстрее покати тачку, подъезжая к кругу.

Работа продолжалась. Сначала Иван решил считать сколько рейсов он сделает, пока наполнится круг, но сбился. Плечи не только ныли, по стали побаливать.

Наконец радостный для него возглас Анатолия: «Ещё тачек восемь!» Значит, ему уже не надо ехать к забою. Он завёз тачку под навес, опрокинул и сел на неё. Наблюдая, как разгружают последние тачки, он усиленно растирал плечи. Мужики начали заливать круг водой. Пришёл Николай со своими грузчиками. Посмотрев на Ивана, спросил:

– Что, ноют?

– Трошке болят.

– Работа другая, с непривычки, – пояснил он.

Ещё не совсем закончили заливку, раздался гонг. Николай сказал:

– Идёмте на ужин, потом закончим.

На ужин была знакомая гречка, хлеб и стакан чаю, немного сладкий. После ужина курильщикам дали поблажку покурить, а некурящие долили воду в круг. Николай напомнил о комендатуре и все двинулись к конторе.

Комендант принимал по одному. Выходили от него быстро и те, кто ещё не был, спрашивали: «Ну, что?» Отвечали: спрашивает, за что посадили, но не всех.

Иван зашёл почти последним. Маленькая комната с одним окном, два стула, стол, покрытый красной материей. Комендант сидел за столом, напротив дверей. На нём была зеленоватая гимнастёрка, на её воротнике – голубые петлицы с красной скантовкой, и на них, по два красных блестящих квадрата. Иван поздоровался. Тот кивнул головой и спросил:

– Фамилия?

– Рыбак Иван Павлович, – ответил он, зная, что так положено

Обычное, слегка узковатое лицо чуть дёрнулось не то в лёгкой улыбке, не то в гримасе:

– За что срок получил?

– Ни за щё, – Иван дёрнул плечами.

Серые глаза под тёмными, слегка изогнутыми бровями сузились:

– Так все говорят.

Иван пояснил, как всё было.

Комендант выслушал его с недоверчивой усмешкой, а потом насупил и сказал:

– Идёт тринадцатый год советской власти, ты молодой человек, не мог объяснить отсталой женщине, что сейчас главное?

– Та ж зерна, заправду, не было, – вновь пояснил он.

– Ладно, иди, – махнул левой рукой комендант.

Иван вышел. Ожидавшие мужики, удивились:

– Тебя наверно чаем угощали?

Он отмахнулся и пошёл в землянку.

Землянка была уже почти в сборе. Иван снял сапоги, поставил под нижние нары и залез на верхние, прихватив портянки, которые раскладывал под поддёвкой, а сейчас расстелил под матрасом. Улёгшись на постель с подушкой, он испытал некоторое блаженство. В этот момент Пётр сказал:

– Я, по-моему, от подушки отвык

Зашёл Степан. Укладываясь на верхних нарах, сказал:

– Я думаю, мужики, работа сносная, даже передыхи бывают и кормёжка нормальная. Думаю, лето здесь продержат, а дальше неизвестно.

– А что неизвестно? В Сибири зимой одна работа – лесозаготовки, – определил Николай.

Никто ему не возразил. Тарас стал подхрапывать. Иван продолжая растирать ноющие плечи, подумал: «Как же завтра работать, если будут болеть?» Он помнил слова Павло, сказанные у комендатуры, что завтра будет горше, а дальше полегчает. С думой о завтрашнем дне он и уснул.

Первая неделя продержалась солнечной и работа шла своим порядком. На второй день Николай, очевидно по совету Павла, поставил Ивана вторым к Анатолию, ровнять глину на круге. Сказать, что это было легче, нельзя, но плечи не тянуло, как при работе с тачкой. Там он проработал два дня, а потом попросился на подвоз глины.

Установился такой порядок: замес глины лошадьми, заканчивался к восьми часам утра; первая бригада, сразу после завтрака шла в комендатуру, и приступала помогать формовщикам: укладывать кирпичи – сырцы, на металлические тележки, которые отправляли в обжиговую печь. Вторая бригада начинала выкладывать замес с круга на второй стол. Потом подвозка глины, отдых или перекур, во время замеса, так как махорку выдали на второй день. После обеда выкладывание замеса на другой стол и подвозка глины до ужина.

Где-то на четвёртый день, по зачину Ключкова, почти вся вторая бригада сбросила обувь и работала босиком. В обуви остались только забойщики, сказали, что в целике глина прохладная. Никто на эту затею не обращал внимания, только одна женщина в столовой, когда увидела их такими в первый раз, сказала: «Что вы, как голодранцы!»

К концу недели плечи у Ивана перестали болеть, только к вечеру чувствовалась усталость.

В пятницу Николай Оглоблин объявил перед работой решение коменданта, что в субботу после ужина поведут в баню. Санька с ходу поддержал такое решение:

– Давно пора, а то своя вша чужую гоняет, спать не дает.

Действительно в субботу вечером прибыли трое охранников, велели взять всё шмотьё, кроме верхней одежды, построили и повели через весь город по окраинным улицам. Между домами были видны в центре города двух этажные

дома, несколько из них были каменными. Оказалось, привели в тюремную баню. Сначала, в небольшом предбаннике два парикмахера остригли отросшие волосы на голове, кто пожелал, укоротили бороды, но брить не стали. Потом объяснили, как вешать всю одежду на проволочное кольцо с номерком, чтобы сдать одежду на прожарку. Мужик в проёме, куда надо было сдавать одежду, разрешил быстро состирнуть исподнее, хорошенько отжать и повесить на кольцо со своим номером.

Помещение моечного отделения было небольшим. Пол бетонный, холодный, под потолком три продолговатых окна, на потолке одна электрическая лампочка. В стене два крана горячей воды и два холодной, скамеек на всех не хватало, многим пришлось мыться стоя. Но сначала прошла стирка. Иван стирал свои трусы и рубаху в одном тазу с Ключковым. Маленькие куски мыла выскальзывали из рук. Прополоскав и отжав бельё, повесили на кольца и отдали на прожарку. Потом мылись, стараясь измылить кусочки мыла до конца. Тёрли друг друга огрызками мочалок. В ожидании, когда выдадут одежду, обливались водой. Иван с интересом рассматривал у одного мужика на груди выколото орла и якорь на плече, а у другого только якорь. Санька пояснил, что они оба служили на Балтийском флоте.

Одежда после прожарки была горячей. Переглядываясь, все невольно улыбались.

При входе на территорию завод старший из охраны, с двумя треугольниками на петлицах, остановил колонну, сказал, что в комендатуре проверки не будет, и стал запускать на территорию по четыре человека, ведя подсчёт.

Баня подняла настроение, завязались разговоры. Даже молчаливый Тарас рассказал, как воевал в Галиции с австрияками и как устроили себе баню и чуть не попали в плен: выручили казаки. А через день австрияков взяли в плен. Были ещё разговоры, а потом вдруг Санька спросил:

– Вань, ты, сколько классов кончил?

– Три. Четвёртый не доучился.

– Пошто так?

– Третий я кончил в восемнадцатом роки, году, а потом эта гражданская война. Школа заробила в двадцатом, но уже стала пятиклассной. А весной двадцать первого пришлось пахать, батя-то у меня в семнадцатом от тифу умер. Так больше не пришлось учиться.

– А у вас в украинской школе, какие предметы были?

– Да как везде: чтение, письмо русский, родная речь, арифметика и пенье. Вот пенье я любил.

– А сейчас спеть сможешь? – спросил с поддёвкой Санька.

Могу, – он на миг умолк, потом громко запел:

– Поза лисом зелененким
Брала вдова льон дробненьки.
Вона брала, выбирала,
Тонкий голос подавала.
Там Василько сино косить,
Тонкий голос переносить.
Кинув косу додолоньку,
А сам пишев додоменьку.

Голос звонкий и нежный заполнил каждый уголок землянки. Все замерли, слушая пенье, боясь кашлянуть или скрипнуть нарами. Все затаили дыхание, чтобы не весть чем, нарушить это пение, а он закончил:

А я чарив не боюся
Та й на вдови оженюся.

Наступила тишина. У всех мысли унеслись в прошлое, где когда-то были счастливые моменты жизни. Только Санька сказал:

– Тебе надо перед людьми выступать.

Утром у всех было приподнятое настроение, появились шутки, вспоминали великую стирку, гладили себя по стриженным головам, припекаемых теперь солнцем. Ивану казалось, что даже гружёная тачка в этот день была легче.

До середины следующей недели погода была такой же. Потом появились облака, но было тепло. Работать даже стало лучше, не было жары.

После банного вечера перед сном стали всё чаще возникать разговоры о жите-бытье. В один из таких вечеров Николай Оглоблин сказал Соловьёву:

– Слушай, Саня, тут уж все душу излили о своих бедах, а ты помалкиваешь, да ещё Монин Николай. Но он недавно в нашей компании, а ты то.

– Меньше болтаешь – морда целей.

– Причём тут болтовня? Просто расскажи, как в арестанты попал.

– Вот за болтовню и попал, – ответил Санька, и добавил, – Я, как понял, вы все здесь случайные люди, а я вокурат под статью угадай.

– Как это? – удивился Степан.

– Я хомутов не бросал, а залез на телегу в родной деревне, когда из райкома в колхоз агитировали и наговорил. Сказал мужикам и бабам, чтобы никого не слушали, потому – как в колхозе будет шибко худо. А так как в деревне я самый грамотный, да ещё с городу приехал, народ стал расходитья. На второй день меня и забрали.

– А откуда у тебя такая прыть? – удивился Степан.

– Длинная история.

– А ты что? Куда-то торопишься? – подначил Степан.

Санька помолчал и начал рассказывать:

– Отец у меня с войны вернулся по ранению и его младший брат, мой дядька, тоже. Только отец в деревню вернулся, а тот был холостяком, женился на санитарке и остался в

городе. Занялся шорным делом. Когда я в семнадцатом году окончил четыре класса нашей школы, отец по договорённости отправил меня в город к брату. У того ещё детей не было. В восемнадцатом и девятнадцатом годах, разруха, неразбериха: то белые, то красные, — школы не работали. Я у дядьки вроде ученика. Помогал ему в шорном деле. Кожу нарезал, сыромятные жгутики для сшива, — неплохо получалось.

Где-то в двадцатом открылась Трудовая школа, семилетка.

Дядя Егор говорит: — Иди учись, хоть один в роду учёным будешь. Приняли меня в пятый класс, и в двадцать третьем я её окончил. Хотел в техникум связи поступить, но к этому времени у дядьки было уже двое пацанов, — пришлось идти работать. Пошёл учеником к кузнецу. Макар Силыч, оказался сноровистым кузнецом, и мне охотно всё показывал и рассказывал. Через полтора года он меня оставил молотобойцем. А тут НЭП подоспел. Каждый купец или торгаш старался выездную лошадь завести. А их же ковать надо, да и кошёвку без кузнеца не сладишь. Хорошо стал зарабатывать и меня не обижал. Я уже в кабаки, рестораны стал заглядывать, за девками ухлёстывать. Даже жениться подумывал, а дядька посоветовал подождать, сколотить денег и купить кузню. Обещал помочь деньгами. Я согласился. Стал с деньгами по аккуратней. Три года копил, вроде дело на мази, а тут НЭП свернули и пошли разговоры о колхозах.

Макар Силыч говорил, что из этого ничего не выйдет. А дядя Егор ходил весной восемнадцатого, на собрания эсеров, хотя в партии не был. Рассказывал, что с войны помнит, как они говорили, что землю надо отдать народу. Однажды разговор зашёл о колхозах, он сказал: — Во время революции семнадцатого года большевики перехватили у со-

циал-революционеров лозунг: «Земля народу!» и победили, а сейчас хотят отобрать её у крестьян.

И послал меня съездить в деревню и предупредить отца, чтобы не торопился вступать в колхоз, а присмотреться. Ну, а я подумал, что только отца, решил всех предупредить. Вот: поменьше бы болтал, сюда бы не попал.

– Да, – протянул Николай, – приткий ты парень.

– А причём здесь болтовня? Может, они правы и ты тоже, – сказал Степан.

– Мне что? От этого легче? – ответил Санька

Слушая его, Иван подумал: «Какой оказывается он грамотный и умный. Выходит власть никого не щадит, а умных, наверно, боится и сажает за это».

– У меня похожая история, – вдруг сказал Михаил Жёлудь, и стал говорить, – Я работал приказчиком у одного купца. Головастый мужик, дела ворочал только так. Особенно при НЭПе. И он то же: «Коллективное хозяйство – это справный мужик будет на лодыря горбатить. Это к добру не приведёт». А тут как раз знакомые мужики привезли муку и толкуют о колхозе, ну я им то же.. Мол, не соглашайтесь, добра не будет. Они там своим рассказали, и мужики стали артачиться. Райкомовские: «Кто вам такое наговорил?» Они и сказали, что есть в городе умный человек. Через неделю меня как умника и забрали.

– Никола, – обратился к Мониному Степан, – Ты тоже борец за крестьянство?

Тот помолчал, бросил окурочок на земляной пол, и ответил:

– Я в политику не вмешиваюсь. У нас ишо колхоза не было. Председатель сельсовета посылает и посылает секретаря с бумажками о повышении налога моей сеструхе, а у ней мужик болеет. Пахать я им помогал. Я пошел к нему всё объяснил, а через неделю она в слезах прибегла, что-то

опять сдавать надоть. Я встретил ентого председателя вечерком, он к Ильиным в баню шёл, и отмудохал его.

Кто-то гоготнул, а Степан спросил:

Сильно?

– Ну, рожу набил, синяк под глазом с луковицу.

Санька засмеялся и сказал:

– Смотря, какой урожай.

– Ну и дальше? – спросил Степан.

– Дальше. Через день приехали ГПУшники и забрали. Судьи сказали: «За покушение на представителя советской власти при исполнении своих обязанностей» Я им толкую:

– Какие обязанности, он в баню шёл. Оказалось. Он всегда при службе. Ну и десятку пришлёпали. Мне один в КПЗ толковал, что это фулиганство и больше трёх не дадут. Дали.

– Власть собой дорожит, – произнёс Оглоблин, – помолчал и сказал, – ладно мужики про наши беды. Вань, спой ещё что-нибудь.

Иван на момент задумался и предложил:

– Спою про коня: «Ой, при лузи, при лужку». Вздохнул и запел:

– Ой, при лузи, при лужку
При зеленим поли,
При знакомим табуни
Кинь, голяв по воли.
Гуляй, гуляй коню,
Поки твоя воля
Як пиймаю, загнуждаю
Шовковой уздою.

Опять в землянке наступила блаженная тишина. Вновь, мысли этих невинных страдальцев улетали в родные дома и хаты, вновь возникали родные лица. И хотя от этого щемил

ло сердце ещё больше, они были благодарны Ивану за его пение и за его голос.

Когда он допел последние строчки:

Дивчиненька встала,
Свий сон рассказала:
Правой ручкой обняла
Ще й поцилувала.

Его мысли тоже улетели в родную хату: «Как там мать, сестрёнки? Здоровы ли все? Помог ли с пахатой Вацлав или мать кого нанимала?»

Так все молча, со своими мыслями и уснули.

5

От формовщиков мужики узнали, что в городе карточки на хлеб, другие продукты и товары. Узнали, что в городе есть кинозал, где демонстрируют фильмы, и ресторан.

В один из вечеров Санька заявил:

– Хотим с Ключком сходить в город: кино посмотреть, в ресторан заглянуть.

– Смотри Санька, погорите: запрут в тюрьгу, а то и всех нас, – предупредил Оглоблин.

– Не бойсь, Николай. На рожон не полезем, да и кто нас голодранцев куда пустит? – ответил он и обратился к Ключкову, – идем, Лёха, комендант умотался, я видел.

Когда они вылезли из землянки, Тарас произнёс:

– Накличут беду.

– Всё обойдётся. Куряне шустрые – успокоил всех Жёлудь.

Иван подумал: «Хорошо бы вместе с ними пойти и посмотреть город». Но сразу понял, что без разрешения он такое не сделает. У него, где-то глубоко в души, теплилась ещё надежда, что какой ни будь комендант, разберётся в его

деле и его вернут домой. Он боялся совершить малейший проступок, считая, что если совсем невиновного человека можно так мытарить, то в случае проступка его можно сгноить в какой ни будь тюрьме, по закону этой власти. По этой причине он волновался и за других. «Наверно и другие так тревожатся, – думал он, – вот Тарас не спит – не храпит. И другие наверно также».

Их не было довольно долго. Тарас всё-таки захрапел, но другие, чувствовалось, не спали. Потому, когда чуть хлопнула входная дверь, Оглоблин спросил

– Ну, как?

– Городишко ничего. Не Курск конечно, но дома в центре двухэтажные, есть каменные особняки, в домах электричество – ответил Санька.

– Как на счёт кино? – поинтересовался Жёлудь.

– Спрашиваем у одной молодухи: – Где здесь кино? Она: – Да это ж у Бронштейна, на улице Ленинской. Показала, как туда пройти. Оказалось: улица мощёная, кино в двухэтажном каменном особняке. Один мужик пояснил, что это особняк бывшего купца Бронштейна. Теперь сын директор.

– Чудно у них, – заговорил Лёха, – О начале кино сообщает – электростанция: выключает свет в городе три раза.

– Точно, – подтвердил Санька, – стоим у кино, а на столбе фонарь погас и тут же зажётся. Мужик рядом, кого-то ждал, пояснил: – Это второй сеанс начался.

– Какое кино показывали? – спросил Миша

– «Праздник святого Георгена», – ответил Санька и добавил, – Я его в Курске видел.

– Интересное? – спросил Степан.

– Смешное.

– Ты, Сань, хотел в ресторан заглянуть, – напомнил Оглоблин.

– Рядом постояли, – ответил тот.

– Мы его по музыке нашли, – сказал Лёха, – Стоим у кино – где-то музыка играет. Мы мужика спросили он сказал, что это в ресторане, на соседней улице.

– Пошли туда. Тоже в особняке, только одноэтажном, дверь парадная.

– «Хуторок» называется – пояснил Санька и продолжил,

– Окна раскрыты, музыка из окон и песни. Спросили одного паренька, оказалось: двое слепых играют. Один на гармошке, другой на скрипке.

– Бойкое место. Люди входят, выходят, – сказал Лёха.

– А что играют? – спросил Михаил.

– Разное, – ответил Санька, – как у нас: «Цыплёнок жареный», «Конармейскую», «Маруся удавилась». Видать по заказу сыграли «Мурку».

– Вы про билеты в кино узнали? – вновь спросил Михаил.

– Спрашивали. Тот мужик сказал:

– В зависимости от места: 25, 40 и 60 копеек, а если есть профкнижка, про которую толковали формовщики, то 5, 10 и 15 копеек.

– Шо за книжки? – спросил Иван, которого удивило, что какая-то книжка может менять цены.

– Говорят, на работе выдают, но, вроде, не всем, – пояснил Санька. Помолчал и добавил:

– Мужик говорил, у них по воскресениям катают на лодках. Час катанья – 40 копеек, а с книжкой гривенник.

– Да, чудно, – произнёс Николай и предложил:

– Давайте спать, а то, поди, скоро подымут.

День шёл, как обычно. Недосып и ночной разговор особо не отражались на работе. Правда, при перерывах: при замесе, многие из товарищей подрёмывали.

Лёха Клочков, развалившись на траве, сказал:

– Сегодня, после ужина, первым побегу в комендатуру и завалюсь спать.

Однако, перед концом работы мастер Илья Карпыч предупредил: « После ужина всем остаться в столовой – приедут из горкома»

И действительно. Едва убрали со столов, из-за поленниц дров и штабелей готовых кирпичей, выехала кошёвка. Вороной конь фыркнул и остановился. С кошёвки сошла симпатичная коротко стриженная женщина, лет тридцати, в белой блузке и тёмной юбке. Следом молодой парень в парусиновом костюме и белых матерчатых полуботинках. Илья Карпыч вышел их встретить. Они поздоровались за руки, и зашли в столовую. Остановились возле раздачи у торца стола. Женщина сказала:

– Здравствуйте. Я представитель горкома партии. Хочу представить вам нашего лектора Константина Сергеевича Ильина, который проведёт с вами небольшую беседу.

Лектор кашлянул в кулак и произнёс:

– Граждане, рабочие артели имени «Первого мая»! Хочу вам рассказать о текущем моменте. Вы знаете, что в этом году мы будем праздновать тринадцатую годовщину Великой Октябрьской революции. Всесоюзная коммунистическая партия большевиков, верно ведёт нас к социализму. Советский народ, горячо поддержал инициативу: выполнить пятилетку в четыре года. Жители Ачинска широко откликнулись на это. Улучшается работа всех предприятий. Вокруг города образовалось шесть колхозов и даже один в самом городе, который объединил отдельных частников. Колхозы – это верный путь подъёма сельского хозяйства.

После этих слов многие мужики, молча, покрутили головами. А лектор продолжал:

– Для оказания помощи в организации колхозов, к нам приехали рабочие из городов: Ленинграда, Анжеро-Судженска и Тайги.

Партия и правительство постоянно заботятся об улучшении жизни народа.

Лектор достал из нагрудного кармана небольшую бумажку, взглянул в неё и продолжил:

– В этом году снижены цены на мануфактуру, галоши, трикотаж, готовое платье, на продовольствие: сахар, кондитерские изделия, хлеб и чай. Установлены твёрдые цены на двадцать четыре вида товаров, из них пятнадцать на продукты.

Он ещё поговорил об объединении всех пекарей в производственное объединение и в конце заключил:

– А ваша задача – выпускать как можно больше кирпича, стройкам.

Женщина спросила:

– Может есть вопросы?

Мужики пожимали плечами, почёсывали затылки, но молчали, не понимая о чем можно спрашивать. Вдруг, раздался голос Николая Монины:

– Как же поднимать сельское хозяйство? Рабочих будут учить пахать землю, а крестьян делать кирпичи?

Произошла заминка. Женщина взглянула на лектора, тот на неё и она сказала:

– Иногда не все крестьяне понимают, как правильно поднимать сельское хозяйство и государство принимает меры. Ещё есть вопросы?

Все молчали. Она пожелала успеха и, пожав руку Ильё Карпычу, вышла из столовой, за ней лектор и они быстро уехали.

В землянке завязался разговор, как рабочие будут пахать и прочее. Всех урезонил Степан:

— Хватит, заниматься болтавнёй, давайте спать.

Вторая бригада продолжала подготавливать глиняную смесь, а первая загружала сырец на тележки и отправляла в печь. Потом обожженный кирпич вывозила на площадку готовой продукции и разгружали. Площадка виднелась в просвете между продуктовым складом столовой и обжиговой печью. Между загрузкой и выгрузкой готового кирпича, бригада грузила его на подводы, приезжающие на завод.

Павло как-то жаловался Ивану:

— Робить можно, тильки верхонки быстро рвутся, а мастер торопит сгружать, а оне горячие — пальцы печэ.

Степан в свободные минуты балагурит с моложавой формовщицей, набивается в гости. Мужики подсмеиваются над ним. Из его разговоров узнали, что река Чулым протекает совсем недалёко. Кто-то напомнил о первом этапе, когда погибли все, переправляясь, через Чулым.

Третья неделя выдалась пасмурной. То и дело накрапывал дождик, а иногда и поливал. Иван, да и другие хотели в дождь босиком щеголять, но дождик оказался таким холодным, что ноги сразу замерзли, пришлось обуться. Работали, не смотря на дождь. В перерыв, когда кони месили глину, обсыхали под навесом у дверей обжиговой печи. Там из мелких щелей и между створками выходил горячий воздух.

В конце недели, в такой же слякотный день случилась неприятность. Иван вёз гружёную тачку, а сзади вёз Рюха Моркович из третьей землянки. Везёт и покрикивает:

— Шевелись Хохляндия! Подгребай клешнями!

В этот момент наезжает колесом тачки на задник сапога Ивана. Ногу на момент защемляет, он теряет равновесие, тачка опрокидывается, а он падает на мокрую траву. Степан бросил порожнюю тачку на настиле и мигом оказался рядом. Схватив рукой рубаху у горла Рюхи, тряхнул его:

— Ты что, гад, делаешь!?

– Я ничего, я нечаянно, – залепетал тот

– Я видел! – вновь потрянул его Степан. Рюха пошатнувшись выпустил одну рукоять тачки и она опрокинулась на другую сторону настила. Степан процедил, сквозь зубы:

– Я ж тебя размажу, как соплю, если хоть один раз... – он поднёс сжатый кулак к лицу Рюхи.

Иван поднялся и, посмотрев на их обоих, сказал:

– Ладно, Стёпа, может он правда нечаянно.

– Я видел, – он взглянул на Ивана, потом на Рюху и сказал тому:

– Возьмёшь лопату под навесом и чтоб эти обе кучи были на круге.

Он помог Ивану вывернуть тачку из-под глины, и побежал к своей. Перед ней уже стояли пять человек, с порожними тачками, и наблюдали за его внушением Рюхе. Иван перекатил тачку к другому настилу и покатил вслед за остальными к забою.

Во время перерыва, когда шёл замес, Оглоблин спросил:

– Слушай, Степан, ты над кем тут строжился?

– Да, Кирюха Маркович наехал колесом на ногу Ивана, причём нарочно. Я ему мозги вправил.

– Понятно, – протянул Николай.

Вечером, после комендатуры, разговор в землянке пошёл о том, что осталось до конца месяца всего два дня. Николай сказал, что мастер Илья Капыч похвалил их работу. Сказал, что никогда не делали два замеса в день. Правда уточнил, что и людей столько не было. Пётр произнёс:

– А что, мужики, может правда деньги заплатят.

– Директор так гутарил, – добавил Тарас.

– Ага, держи карман шире, – засомневался Соловьёв.

– Может, немного дадут, а в основном, за жратву высчитают, – рассудил Миша Жёлудь.

С таким смятением мысли, о будущей зарплате, и уснули.

Утром, когда умывались у бака, заметили какую-то беготню из столовой в комендатуру и назад. В столовой от женщин узнали, что обокрали продовольственный склад, но завтрак подали, сказали: продукты для завтрака были на кухне. Пошли в комендатуру. Там велели построиться. Пришёл ещё один лейтенант. Комендант вышел со списком и сделал переключку. Пока она шла, прибывший лейтенант проверил землянки и что-то доложил коменданту. Тот велел идти работать.

День прошёл обычно, только видно было, как суетится начальство. На обед были щи и овсянка. На ужин она же.

У комендатуры появились трое ГПУшников, двое с винтовками. Вышёл комендант, и сказал:

— Через пять минут построиться с вещами.

Когда пришли со своей верхней одеждой, построили в колонн по четыре, сделали переключку, комендант отдал документы старшему конвоя, и колонну вывели за ворота.

— Санька оказался прав, на счёт заработка, — сказал Жёлудь.

— Прекратить разговоры! — прикрикнул один из конвоиров.

Вновь шли по той же улице. Прохожие и люди у домов останавливали на них взгляд, кто любопытный, кто сочувственный. Все уже поняли, что ведут их в тюрьму, громадина здания возвышалась над высокой оградой. Подошли, ворота распахнулись, и они оказались в знакомом дворе. Быстро развели по камерам. На этот раз Иван оказался в камере со Степаном, Пётром и Санькой.

— За что нас в тюрьму? — спросил сам себя Пётр и добавил, — Видать надолго, раз согласно местам разместили, — и сел на нижние нары. Иван сел рядом с ним, двое других напротив. Пётр продолжил рассуждение:

– А может, выяснят с кражей, и направят обратно.

Санька поднялся, забрался на верхние нары, и произнёс:

– Нынче-то и подушка, и одеяло, прямо, как у людей, – потом лёг, посмотрел на Петра, сказал:

– Не направят нас больше туда. Пришлют вместо нас других, пообещают им зарплату, и будут они вкальывать, как это делали мы. Вот такая у них получается: пятилетка в четыре года.

Иван подумал: «Ну и головастый Санька» Он вспомнил, что на конторе кирпичного завода висел лозунг: «Пятилетку в четыре года!». Правда, на него никто не обращал внимания. Иван пошёл к крану, попил из него и забрался на вторые верхние нары. Сдвинув поддёвку к стене, лёг на правый бок, лицом к Саньке и у него повисла тоскливая мысль: «Жалко, если Санька прав. Приработались, кормёжка была добра. А на новом месте шо?» И он спросил:

– Саня, как думаешь теперь куда пошлют?

– Не знаю, – просто ответил он и повернулся к стене.

Степан, который тоже уж лёг, проговорил:

– Наше теперь дело телячье – поел и в стоило.

На этом грустном заявлении, разговор оборвался.

Разбудил, как и раньше резкий дребезжащий звонок. Они уже знали, что разлёживаться не дадут и встали. Справили нужду и также друг за другом умылись. В коридоре послышался шум, голоса, какие-то щелчки по железу. Щёлкнуло и у их дверей: открылось квадратное оконце, и образовалась полочка. Иван, который стоял у двери увидел мужика в арестантской одежде. Он приблизил лицо к окошку, и его шербатый рот выдал: «Хлебалы приготовьте!» На полочке появилась миска с деревянной ложкой и кусок хлеба. Иван взял это и понёс к столу. Когда все поставили миски на стол, тот же хриплый голос сказал: «Чай берите».

Степан забрал по две кружки в каждой руке и поставил на стол. Окошечко закрылось. Они угнездились по двое на широких табуретов и принялись за горошницу. На удивление чай оказался слаще, чем в столовой кирзавода. На что Санька заметил: «Из тюрьмы не упрёшь». Едва они закончили есть, открылось окошечко и другой голос с командовал: «Посуду гони!»

Минут через десять прозвучала команда: «С вещами на выход!» И дверь открылась.

Построили в колонну, сделали переключку, людей оказалось вдвое больше, чем их бригада. Открылись ворота и их вывели наружу. Здесь поджидали четыре пеших конвоира и два на конях. Повели прямо и все поняли, что не на кирзавод. Стали слышны гудки паровозов. Проходя по улице, Пётр, который шёл с краю сказал:

– Второй мост прошли, видать речки, а ночью-то мы и не заметили. Иван, который шёл рядом, и сейчас их не увидел. Подойдя, к железнодорожным путям, повели в сторону – в тупик, где стоял небольшой состав из стальпинских вагонов с решётками на окнах.

Передача людей заняла много времени. Опять переключка. Потом, новый начальник охраны, спрашивал, есть ли у кого ножи, бритвы. Иван слышал, как старый начальник охраны спросил у нового:

– Вагоны, какие?

– Старые – «тройчатка», – ответил тот и поинтересовался, – А продукты?

– Наверно в Красноярске, – ответил прежний начальник.

Началась посадка. В вагоне с одной стороны оказался узкий проход с такими же узкими камерами с решётчатыми дверьми. Иван попал в одну камеру с Петром и Степаном. Пётр проходил в дверь боком. В камере было три полки одна над одной, Охранник запускал в очередную камеру три

человека и закрывал дверь. В их камере под самым потолком было небольшое квадратное окно, тоже с решёткой. С другой стороны полка была откидная доска, очевидно, вместо стола Степан сказал:

– Всё-таки лучше, чем в телячьем вагоне.

Все с ним согласились. Потянуло табачным дымком, кто-то вытряхивал последние остатки махорки. Какое-то время посидели на нижней полке, а когда поезд двинулся, встали у двери, вернее, Иван стал у двери, за ним Степан и, как самый высокий, Пётр сзади. Через широкое окно в коридоре, они увидели, как проплывает деревянное здание вокзала, выкрашенное охрой в жёлтый цвет. Иван прочитал вывеску: «АЧИНСК».

Часть 2

ПРОКЛЯТЫЙ ПУТЬ К ЗОЛОТЫМ ПЕСКАМ

1

Ритмичный стук колёс на стыках рельсов, усыпляющий Ивана, когда везли в Сибирь, теперь словно назойливый молот стучал в голове. Казалось, голова раскалывалась от этого стука, вызывая тупую боль. Шёл третий день пути и третий день, как всем этим людям, запертым в узкие клетки, не давали есть. Вначале этого дня на конвой посыпались оскорбления, но они, молча, подавали воду, кто просил, и не вступали в пререкания. Прошлый день, караул пояснил, что питание должна была обеспечить организация «Сибзоло» ещё в Красноярске, но оно не поступило. Иван слышал, как Санька Соловьёв крикнул: «Не кормите хоть давайте пить!» Потребовал начальника караула и сказал:

– Среди нас нет бандитов, откройте камеры, чтобы каждый сам мог попить или напоить товарища. Иначе вы привезёте вагон трупов на Дальний восток, куда, сказали, нас везут. А то самих повезут в таком вагоне».

Минут через десять камеры открыли. Началась ходьба на водопой. Иван тоже сходил и выпил чуть не полную оловянную кружку и ему, вроде, полегчало. Степан, постанывал и иногда твердил: «Вот, гады!». Вечером Ивану стало совсем плохо, он начал слазить со своей полки и чуть не упал, поддержал Пётр, который, как-то держался. Он сказал:

– Вань, не слазил бы. Я принесу попить.

– Тошнит, – проговорил Иван и пошёл по узкому коридору, опираясь то на стену вагона, то на решётки камер. В туалете, склонившись над раковиной, он почувствовал, как живот прямо скручивает в конвульсиях, а изо рта ничего не идёт, кроме маленькой струйки горькой слизи. Он вновь напил воды. Тошнота утихла, но боль так стучала в виски, казалось, что она расколет голову изнутри. Теперь он не мог сам забраться на свою полку, и Пётр, почти затолкал его туда, и сказал:

– Береги силы, не слазь больше.

Иван лежал на спине, не различая, какое время суток: день или ночь. В памяти не возникало никаких мыслей, разве только одна: «Неужели Богу угодно, чтобы я закончил жизнь в этом вагоне?» Потом наступило забытьё, и он уснул.

«Байкал проехали» – послышался чей-то голос, и Иван открыл глаза. Он заметил свет из окошка и ощутил, что голова не болит, но затих, боясь пошевелиться, чтобы она не вернулась. Ему казалось, что он только закрыл глаза и вновь открыл. Оказалось, прошла половина следующего дня. Странно, но есть не хотелось, как в первые три дня и пить тоже. Степан, которому, видать, полегчало, продолжал ворчать: «Хотят нас, как тот цыган, отучал есть свою лошадь, а она подохла. Нет, было бы ружьё перестрелял бы гадов. И себя укокошил».

Услышав, про ружьё, Иван вдруг вспомнил, как они с Гринькой, летом девятнадцатого, обнаружили брошенный дилижанс, полный оружия. Там был даже пулемёт. Они взяли по карабину и коробку с патронами. Затащили всё к себе на чердаки и спрятали. Но, выстрелить ни разу не пришлось. Вскоре пришли красные и заставили сдать оружие, постращав, что будут обыскивать. Подумал: «Если бы сейчас был тот карабин, смог ли выстрелить в конвоира? И решил, что вряд ли».

В камеру заглянул Санька:

– Кажись, полегчало, мужики.

– Ага, как цыганской кобыле, – отозвался Степан.

– Воду надо пить, а то во сне можно копыта отбросить, – предупредил Санька и добавил, – Павел мало пил, при его росте, ему всё ещё худо.

– Будем хлебать, – сказал, поднимаясь, Пётр и спросил, – тебе Степан принести?

– Нет, я сам схожу.

Но ты, Вань, не слазь, я принесу, – сказал Пётр и вышел в коридор.

В середине пятого дня поезд остановился, постоял и вдруг поехал назад. Конвой вновь загнал всех в камеры и позакрывал, но сообщил, что прибыли на место и выдали команду: «Приготовиться к выходу».

Иван начал спускаться с полки. Степан с Петром поддерживали его. За последние полтора суток, он спускался только один раз. Встав на пол, он прошептал:

– Голова кружится.

– У меня тоже плывёт, – сознался Степан.

Открыли камеры, приказали выходить. Выйдя к дверям вагона, глаза Ивана ослепили яркие лучи солнца. Он опустил взгляд, берясь за поручни, одна нога чуть зацепилась за порожек, и он чуть не упал. Его подхватил Пётр, спустившийся перед ним, но поддёвка упала на землю. Пётр поднял её и успел подхватить руку Степана, так как тот, ступив на землю, пошатнулся.

Выгрузка продолжалась. Многие, спускаясь со ступенек падали. Их поднимали товарищи. Некоторых, в строящуюся колонну, вели под руки. Так, Павло подвели Оглоблин и Тарас.

С железнодорожных путей колонну направили в прилегающую улицу. Дорога запылила под ногами шаркающих ног, едва передвигающихся людей. По бокам улицы, мед-

ленно спускающейся в пойму реки, стояли продолговатые двухэтажные бараки. Деревянные постройки города, располагались на возвышенности. Кое-где росли деревца. Солнце, нещадно, палило в спины идущих. Казалось оно решило доканать этих измученных голодом людей.

Какая станция? - спросил Соловьёв, идущий позади.

— Михайло-Чесноковск, — последовал ответ, очевидно, охранника.

— Что-то я такого города не слышал, — вновь сказал Санька.

— Это не город, а станция. А город, называется Свободный.

— Во! Здорово! — раздался чей-то голос, — Город Свободный, а нас под охраной ведут.

— Хватит болтать — прикрикнул грубым голосом, вероятно, старший охраны.

К счастью, дорога оказалась недолгой. Вскоре дома с левой стороны закончились, и открылся вид на широкую реку. Колонна повернула чуть влево и стала спускаться вниз. Через несколько минут колонна оказалась у самой реки. Подошли к зданию на воде с широким проходом. Кто-то сказал: «Дебаркадер». Иван такого названия не знал. Прошли через него и по перекинутому трапу поднялись на баржу. Это было довольно большое деревянное сооружение, в виде большой лодки, с острым носом и тупой кормой. Борта были невысокие. У кормы находилась небольшая будка, посередине палубы два квадратных, не закрытых, люка. Проходя мимо одного из них, Степан заглянул туда и сказал:

— Мужики, в трюме вода.

— Значит, протекает, — заметил Жёлудь, — повезут и утопят.

— Не утопят, — сказал, молодой парень, шедший от будки к трапу, и пояснил, — Это ливень налил, третьего дня.

Противоположный берег реки едва виднелся голубой полоской. Чуть поодаль был ещё дебаркадер и на берегу, деревянное здание со шпилем. Санька сказал:

– Похоже речной вокзал.

Когда все поднялись на баржу, последовала команда: «Всем сесть на палубе!»

Сели. Оглоблин, который сидел невдалеке, произнёс:

– Теперь нас зажарят как на сковородке.

Иван лёг на свою поддёвку и закрыл лицо картузом.

Все настолько были измождены, что разговоров не возникало.

Через какое-то время Иван сквозь забытьё услышал: «Паря, без воды, мы тут – подохнем». И в ответ: «На Зее от жажды не умрёте». Через несколько минут Степан сказал:

– Слава Богу, водопой начался. И к Ивану:

– Ты живой?

Он снял картуз с лица, взглянул на Степана и заметил, как выпирали у того скулы, а глаза ввалились, и вокруг них были тёмные круги. Он перевёл взгляд на Петра и увидел то же самое.

– Шо? Правда, питьё есть?

В это время раздался голос: «У ведра больше трёх человек не собирайтесь. В реке воды хватит». Оказалось, матрос с баржи принёс из будки ведро с верёвкой и черпал воду за бортом, а пили железной банкой из-под консервов.

Подошла и их очередь.

Иван с особым наслаждением выпил почти банку прохладной воды и остаток, как и многие, вылил себе на голову. Полегчало. Вернулись на своё место. Вскоре, когда водопой закончился, к барже приблизился пароход, хлопая по воде лопастями широкого гребного колеса. Он был выкрашен в белый цвет с голубыми полосками. Пароход подгрёб к носу баржи. Матрос поднял верёвку с узлом на конце, размахнулся и бросил на пароход. Там её поймали, по-

тянули и за неё пополз канат, уложенный рядом с якорем. Трое из пяти охранников сошли с баржи. Матрос с этой стороны и двое мужиков с дебаркадера убрали трап, затолкав его на баржу. Пароход гуднул и, забурлив гребным колесом, потащил баржу. Вытащил её на середину реки и остановился. Матрос сбросил, довольно большой и тяжёлый якорь за борт и канат закреплённый на нём, быстро раскрутил барабан лебёдки. Баржа чуть сдвинулась назад и остановилась. С парохода бросили матросу верёвку и он, затащив канат на палубу баржи, стал его укладывать кольцами. Пароход снова подал гудок, забурлил колесом и, медленно, как бы лениво, стал разворачиваться, направляясь к городу.

– Так, – произнёс Оглоблин, – похоже, и здесь нас собираются кормить одной водичкой.

– Саня, ты откуда знал, что при голодании надо воду пить? – спросил Степан.

– Да это почти все знают. А вообще, я вам про дядьку Егора рассказывал, который с эссэрами дружбу водил. Так вот, вначале июля восемнадцатого года в Москве произошёл, как говорили, эссэровский мятеж и их там всех арестовали. Ну и в Курске тоже. Попал в каталажку, и друг дядьки, рабочий, член этой партии. Вот там, в тюрьме, они и объявили голодовку. Среди них был врач, он всем об этом толковал. Друга дядьки как рабочего выпустили, а тех осудили. Вот он об этом и рассказывал однажды у дядьки. Санька помолчал, потом произнёс:

– Всё, язык не хочет ворочаться.

Все молчали. Вдруг он встрепенулся, поднялся на один локоть и сказал:

– Тот доктор говорил, что после голодовки можно хлебать только жидкое. Если просто кусок хлеба съесть, можно помереть, – и он снова лёг.

– Почему? – кто-то спросил

– Не знаю, – тихо ответил Санька.

Все примолкли, удручённые этим, так как каждый думал о спасительном куске хлеба или сухаре.

Через какое-то время, когда Ивану вновь захотелось пить, Оглоблин, который продолжал сидеть, вместе с Тарасом, сказал:

– Вон к нам лодка от города приближается.

Все, встрепнулись, стали подниматься. Иван тоже сел и увидел лодку: она довольно быстро приближалась, взмахами четырёх вёсел. Вдали на высоком бугре в знойном мареве виднелся город. Постройки различить было трудно: выделялись только две водонапорные башни.

Лодка причалила к барже, оказалось прибыла долгожданная еда. Матрос спустил с борта небольшую лесенку, привязал поданную верёвку. Сначала поднялся один мужик и вскоре вытащил три бидона, ящик с мисками и большую кастрюлю. Потом поднялись ещё двое мужчин и женщина. Та сразу сказала:

– Кормить будем по двадцать человек в раз, значит, в четыре захода.

Охранники подошли к ним и предупредили, чтобы никакой, толкучки. Затем ко всем обратился один из приехавших:

– Я врач. Знаю, что случилось с вашим питанием, поэтому твёрдой пищи вам нельзя – это опасно для жизни. Будет жидкий суп и чай. А теперь, скажите, кто себя очень плохо чувствует?

Ему крикнули сзади, что двое теряли сознание. Он отправился к ним. Через несколько минут двоих под руки повели к месту питания. Бригада Оглоблина попала в первую и вторую смену.

Иван попал во вторую. Сначала предложили выпить чаю. Он оказался теплым и сладким. Потом подали миску с супом и ложу. Он отошёл в сторону и, стоя, держа миску левой рукой, стал есть. Суп был с пшёнкой и рыбой, но кусков

рыбы не было. Ему показалось, что вкуснее похлёбки он не ел, и подумал, что съел бы штук пять таких порций. Но предупредили, что добавки не будет. Он отдал миску женщине. Та окунула её, вместе с ложкой в большую кастрюлю, в которую матрос вылил свежей бортовой воды, и пода-ла, разливающему суп. Иван вернулся на прежнее место и лёг. Все, кто поел, разлеглись на своих местах, и началась дрема. Никаких разговоров не возникло. Иван скрутил из куртки валик и положил под голову. Накрыв лицо картузом, он задремал, испытывая почти блаженство, если бы не жара.

Все проснулись от каких-то толчков. Оказалось, пароход подцепил баржу и, с натугой, тянул её вверх по течению.

2

Второй день клонился к вечеру, как их команда из шестидесяти человек двигалась пешим ходом по холмистой местности. Сначала по тропе, потом по просёлочной дороге, окруженной лесом. Сейчас, как сказал прораб, последний привал, у ручья, чтобы можно было напиться.

Иван напился и лежал в высокой траве, как и все его товарищи по несчастью. Силы были на исходе. Последний раз их покормили ещё перед сумерками на барже. Оставшийся мужик из столовской команды и матрос скормили третий бидон с кашей, на этот раз несколько гуще прежней. Ночью, под утро, проснулись от толчка. Оказалось, пароход сел на мель. Вода, огибая его, отклонила баржу, так, что она кормой подошла к отмели.

С парохода, через трубу-раструб, представился, начальник комендатуры Воронов и прокричал, что с баржи сойдут все кто жил в деревне. Добавил, что отныне они расконвоированные и передаются в распоряжение треста «Амурзолото», под команду прораба Ивашкина.

На отмель выдвинули трап и они спустились. Из товарищей, по последней землянке, остался только Жёлудь. Заколебался Санька, но Оглоблин спросил:

– А ты, Санёк, шибко городской?

И тот тоже спустился. Прораба доставили на лодке. Он подал мужикам два рюкзачка:

– Несите по переменке, это сухари. Нам идти дня два. Он пояснил, что река называется Селемджа, и не доплыли километров сто.

По последнему сухарю съели на предыдущем привале, тоже у ручья. Ночь проспали на одной из полян. Донимали комары. Иван, лёжа на поддёрвке, замотал курткой голову и руки. Во время жары комаров почти не было.

– На Украине, пугают Сибирью, а тут печэ и печэ, – проворчал Тарас, укрывая локтём лицо.

– Это не Сибирь, а Дальний восток, – возразил Санька.

– И в Сибири такая жара бывает, хотя зимой бывает мороз под пятьдесят, – сказал Харитон Бусых, мужик подстать Павлу, с которым познакомились уже в этом походе.

Прораб, Василий Иванович, сидевший чуть в стороне, на бугорке, был одет в клетчатую рубаху, синие галифэ, такой же синий френч, который лежал на согнутых коленях. На ногах, были хромовые сапоги. Его лицо, с впалыми, заросшими щёками тоже выглядело измождённым, как и у всех остальных. Он приподнял фуражку, протёр рукавом лоб с залысинами, надел её и, как можно бодрее произнёс:

– Ну, что, мужики? Рванём последние пять КМ!

Все стали нехотя подниматься. Дорога вновь пошла чуть в гору, что было неприятно. Но подъём кончился, идти стало легче, и солнце, склоняясь к западу, уменьшило свой пыл.

Иван шёл уже просто, в какой-то забывчивости, машинально. Левой рукой он придерживал куртку, переброшен-

ную через плечо; в другой нёс свою помятую поддёвку, а ноги сами собой отмеряли шаг за шагом.

Степан Хвьяля, идущий впереди Ивана, сказал:

— Что-то длинные у прораба километры.

— Они у него, как аршин у купчишки - растягиваются, — пошутил Николай.

Вдруг, кто-то крикнул: «Река!» Все встрепенулись, крутя головами.

Они только подходили к воде, а две лодки уже плыли к этому берегу. Река была поменьше тех, по которым они плыли, и на том берегу можно было различить постройки, удалённые от берега.

Перевозчики сажали по пять человек в лодку: трое впереди его и двое сзади. Все кто не попал в первый заезд, уселись на прибрежную траву. Оглядываясь на окружающий лес Николай Оглоблин удивился:

— Смотрите мужики, тут ясени и клёны растут вперемешку с ёлками.

— Это не ёлки, — возразил Харитон, — а лиственницы.

— Какие это лиственницы, если у них лапки, как у ёлок, — засомневался Степан.

— Потому лиственницы, что на зиму иголки опадают, как листья, — пояснил Харитон.

Иван попал только в третий заезд лодок. Гребцы менялись. Косматый белобрысый парень, раздетый до пояса, ловко развернув лодку вёслами, причалил кормой к берегу и, сдвигаясь на сидении, сказал:

— Трое проходите на перёд.

Иван уселся на нос лодки, Степан с Санькой перед ним. Когда подошёл Харитон, гребец сказал:

— Треба шоб таки бугай один сидал и посерёдку.

Во втором заезде так же усадили Павла.

Иван первый раз плыл на такой лодке. Вспомнил, как в детстве катался со сверстниками на плоскодонке, на боль-

шом дедовском пруду. Только на нём была лодка. Ныряли с неё, сталкивали друг друга в воду. Там и научился плавать.

Вдоль реки тянул свежий ветерок. Иногда, когда вёсла гребца сильно ударили по воде, мелкие брызги долетали до лица Ивана и приятно освежали.

На берегу их встречала целая ватага мужиков. Они здоровались за руку, обнимали, улыбались, спрашивали кто откуда. Из разговоров выяснилось, что они из Белоруссии. Их сто человек, они строили для новых бараки. Появился прораб с молодым парнем, у которого в руках была папка. Парень сел на пенёк, положил папку на криво сколоченный столик, возле шалаша, и раскрыл её. Прораб сказал:

– Все, кто вновь прибыли, подходите и называйте свою фамилию, имя и отчество. Мне надо отправить список в коммандатуру и для постановки вас на довольствие.

После переписи прораб повёл всех в посёлок. Остановился у столовой, немного длинней других зданий и сказал:

– В раз кормим сорок восемь человек, так что, остальным придётся обождать. Жить будете в тех двух из четырёх бараком.

Он показал в правую сторону, от столовой.

– Идите: разместитесь, положите свою верхнюю одежду и на ужин.

Все направились к баракам. Некоторые поспешили, чтобы пораньше попасть в столовую. В бараке было два небольших окна, печь посередине и нары в два яруса, вдоль стен. Иван бросил поддёвку и куртку с картузом наверх одних из боковых нар. Внизу расположился Степан, рядом Оглоблин, с Санькой. Тарас с Павлом у продольной стены, но тоже рядом. На других, он не обратил внимания, так как заторопился, чтобы попасть на ужин в первую смены.

В этой столовой тоже на столы выставляли бачки с половниками, а глиняные миски, кружки и ложки брали сами,

по ходу. Чайники с чаем тоже были на столе. Бачок был рассчитан на двенадцать человек.

Суп был похож на тот, что ели на барже, по тут попадались куски рыбы. Хлеб был не чёрный, а серый. На столе появились горки из костей. На второе была перловка. Чай горячий и слегка сладкий.

Ели молча. Ивану ужин понравился, да и кому он мог не понравится, после таких голодовок. Забирая миску с ложкой, чтобы отнести на раздачу, Иван взглянул на Степана. Тот улыбнулся, своим осунувшимся лицом, и сказал: «Жить можно».

3

Три дня им дали отдохнуть. На второй день организовали баню. Также в несколько очередей. Но мыться было свободно, всем хватало места. А куски мыла, лежали на лавках, не то, что в тюремной бани. В эти дни их зазывали к себе старожилы, угощали, чем могли: махоркой, белым хлебом, даже кусочками сахара и поясняли, что у кого есть деньги, на центральном посёлке можно купить. Там есть магазин.

На четвёртый день, после завтрака всей команде выдали инструмент: лопаты, кирки и тачки. Ивану досталась лопата.

Прораб сказал:

– Пойдёте работать на вскрышу, в карьер, вот десятник Сергей Николаевич вас проводит. Здесь недалеко.

Десятник был коренаст, круглолиц, со слегка выпирающими скулами. Тёмные глаза, чуть вздёрнутые по краям, делали облик, слегка восточного типа. Он был одет в клетчатую рубашку, тёмные брюки заправленные в сапоги. Шёл уверенным, размеренным шагом. Все шли большой гурьбой, положив на плечи лопаты и кирки. По обок, кому они достались, катили тачки.

Солнце, поднялось над лесом. От его чащи и отдельных деревьев тянулись длинные густые тени по заросшим высокой травой полянам. Под ногами была вытоптанная трава, которая стала круто спускаться в широкую лощину.

Иван понимал, что такое карьер из опыта на кирпичном заводе, но какая там должна быть крыша, про которую сказал прораб, не мог взять в ум, и поэтому спросил:

– Сань, ты у нас самый грамотный, скажи, какая нужна крыша над карьером?

– Хрен её знает! Может, при добыче золота так положено, – для маскировки, как землянки сверху засыпают.

– Наверно, – согласился Иван.

Обогнув, густую рощицу смешанного леса, вышли на поляну и увидели котлован овальной формы, а под небольшим уклоном в стороне от него, отвал из земли и глины.

Десятник подошёл к краю карьера и, показывая рукой, стал объяснять:

– Ваша задача вскрышные работы, то есть: убрать весь грунт и породы, которые лежат выше песчаного пласта.

Иван сконфужено взглянул на Саньку, но тот не повернулся. Десятник продолжал:

– Вот в самом глубоком месте он уже виден. Надо постепенно расширять карьер и оголять пласт, но так, чтобы нижние породы: глинистый сланец и щебень можно было вывозить снизу в этот отвал.

Потом всех осмотрел и спросил:

– У вас назначен бригадир?

– Нет, – сказал кто-то, из присоединившихся в Ачинске.

– Есть! Есть! – выкрикнула сразу несколько голосов, – Оглоблин!

– Кто? – закрутил головой десятник.

– Я, – Николай выдвинулся вперёд.

– Хорошо, – он пожал ему руку, спросил, как звать, тот ответил и он продолжил:

– Расширять котлован надо так, чтобы по обеим сторонам сохранялись уступы-дорожки для вывоза тачками породы снизу. Расставляйте людей и начинайте работать. Да, ещё: обед с часу по сигналу гудка с паровой насосной станции, его здесь слышно.

Десятник постоял ещё какое-то время, наблюдая, как Николай расставляет людей, и ушёл.

Иван прикинул: глубина карьера до трёх аршин. Он, Санька, Клочков и ещё четверо мужиков, были оставлены наверху. Степан, Николай Монин, Гутов и ещё двое, встали расширять уступы. Тарас, Павел и Оглоблин, прихватив с собой Харитона и ещё несколько здоровых мужиков, отправились в низ карьера. Туда же пошли и шесть человек с кирками.

Работа началась. Верхний слой почвы поддавался легко и двое с тачками едва успевали отвозить землю в отвал, хотя расстояние было небольшим. Труднее было тем, которые вывозили породу снизу. Кроме того, что тачку надо толкать вверх, в неё грузили глинистый сланец, щебень, а то и камни.

На небе ни облачка и становилось всё жарче и жарче.

Иван почувствовал, как рубаха прилипает к телу. Увидел, что у Саньки рубаха на спине потемнела и у других тоже, хотел сказать, но, словно, угадав его мысли, Клочков произнёс:

– Как мы будем джожить без воды, до обеда?

– Я же говорил. Без воды человек может прожить шесть семь дней, – ответил Санька, и улыбнулся, – до обеда не подохнешь.

Но зной донимал и всё больше людей, поглядывали на Оглоблина, но молчали. Вдруг, в лесу кто-то фыркнул, Иван и другие подняли головы: из-за деревьев показалась сивая лошадь, запряженная в телегу. На ней восседал старик с ок-

ладистой бородой и большая фляга. Подъехав, остановил лошадь и обратился:

– Хлопцы, снимите флягу.

Побежало сразу несколько человек и, звякнув привязанной кружкой, сняли её. Старик предупредил:

– Надоть, увечером пустую принесть.

Сразу несколько человек ответили: «Принесём!»

Оглоблин предупредил, чтобы у фляги не устраивали толкучку, и отнесли её в тенёк, под кусты. Стали подходить постепенно, но работа замедлилась, так как большинство поглядывало: можно ли идти попить?

Водопой закончился. Многие поснимали рубахи, завязав их у пояса, в том числе и Иван, и работа набрала прежний темп.

Втыкая лопату в грунт, выворачивая его и бросая в тачку, Иван подумал: «Здесь, вроде, получше, чем на кирпичном. Главное харчи лучше, живём не в землянках, ну, а работа – везде работа. Только солнце посильней греет». Он смахнул пот со лба и поинтересовался у Лёшки Клочкова, который работал рядом, хотя в ответе не сомневался:

– Лёш, как думаешь, здесь лучше, чем там?

– Конёво дело! – что должно было обозначить – конечно!

Иван улыбнулся:

– А работа?

– У нас здесь одна работа: бери больше, кидай в тачку! – Лёшка выпрямился, опираясь на лопату и значительно, произнёс:

– Сейчас главное, – не прозевать гудок.

– Уж, что, что, а это не прозеваем, – сказал кто-то из мужиков.

Работа продолжалась. Все поглядывали на солнце которое было уже в зените, – ожидая гудка на обед.

Чтобы основательно вытереть пот, Иван поднял подол рубахи, и утираясь, сказал:

— Тэчэ и тэче.

В это время раздался протяжный звук гудка. Вмиг лопаты, кирки и тачки были брошены и все двинулись к дороге.

Обед прошёл как обычно. Был борщ, перловка и кисель. Конечно, Иван не мог сравнить этот борщ с тем, что когда-то готовила мать, но всё-таки он был лучше, чем в столовой кирзавода. После обеда куряки задымили самокрутками. Им, на второй день, выдали махорку, чем они были очень довольны.

Не торопясь, все двинулись к месту работы.

Во второй половине дня, работа пошла в нормальном темпе, но иногда мужики с тачками не успевали с вывозкой грунта и получались короткие простои. Один из таких моментов увидел прораб, который неожиданно появился у карьера. Он прошёл по краю карьера, проверяя, очевидно, что сделано, и ушёл. Вечером, перед ужином, пришёл десятник и, отозвав в сторону Оглоблина, Захарова и Гучкова, сказал им, чтобы они собрали себе бригаду по десять человек.

Оглоблин взял всех своих, по землянке, и позвал Харитона, с которым сдружился за последние дни. Он пояснил, что на этом карьере будут три бригады по десять человек. Одна в забое, вторая на поверхности и на откосах, третья с тачками. Бригады меняются местами каждый день.

На следующее утро их бригаде достался забой. Здесь сначала приходилось, большей частью работать кирками, а уж потом лопатами. Ивану сподручнее было раздалбливать разборную скалу, чем грузить глыбы в тачки.

Выручали Павло, Тарас, Харитон они вырывали основные глыбы, а он крушил более мелкие куски сланца. Однако перед обедом, Иван, измотавшись и залившись потом, отдал кайло Степану, который сказал:

— Это Ваня не по твоим габаритам. И он стал подгрести щебень, мелкий сланец в кучу, где грузили в тачки Санька,

Лёха и Монин. Бригадир то помогал грузить мужикам глыбы, то работал лопатой, грузя мелочь.

Когда раздался гудок «на обед», все двинулись к дороге. Харитон предложил Оглоблину:

— Пойдёмте через лесок на прямую. Зачем нам кружить по дороге.

Тот согласился, и вся бригада двинулась за ними. В лесу было прохладнее. Харитон как сибиряк и таёжный человек уверенно шёл впереди, приминая высокую траву, обходя кусты и колдобины. Вдруг он остановился и сказал:

— Смотрите, мужики, заросли гонобобеля!

Он приподнял одну из веток куста и все увидели, что снизу она усыпана голубыми, продолговатыми ягодами. Ловким движением ладони он собрал их в горсть и отправил в рот. Все последовали его примеру. Иван тоже засунул в рот горсть ягод. Раздав их, почувствовал во рту терпкий горьковатый вкус и один глаз непроизвольно зажмурился. Однако, вскоре вкус стал ему и приятен. Харитон, продолжая есть ягоды, произнёс:

— Кое-где её голубикой зовут, а у нас гонобобелем. Бабки говорят даже полезительная ягода.

Иван съел несколько горстей, и ягода всё больше начала ему нравиться. Но Харитон сказал:

— Надо идти. После обеда заглянем.

Вскоре вышли из лесу, чуть впереди других бригад.

После обеда, даже ярые курильщики, такие как Тарас, Павел и Николай Монин, не устроили перекур у столовой, а курили на ходу, направляясь за бригадой, чтобы полакомиться ягодами. К карьере их бригада вышла из леса последней.

Вторую половину дня работали в каком-то приподнятом настроении, даже подшучивали друг над другом. Когда Ха-

ритон с Павлом грузили большой камень в тачку, Санька сказал:

— Что вы корячитесь, дайте Ивану, он после ягоды один его забросит.

Рассмеялись. Работа продолжалась.

4

Уже больше полутора месяца бригада Оглоблина работала на карьере. Все втянулись в работу, а смена вида работы, меняла её монотонность. Сейчас они мысленно благодарили прораба, что он так распорядился. Когда первый раз выпала очередь вывозить грунт и породу на тачках, Николай распорядился так: Иван, Санька и Алексей возят на поверхности, Степан Хвьяля и Монин отвозят с откосов, а сам, с самыми крепкими мужиками, вывозит породу из забоя. В другие дни не менял расстановку людей, и никто на это не обижался.

Здесь, тачки были более аккуратные, и Иван не испытывал неудобства.

Последнее время было всего одна неделя пасмурных дней, в которые работалось гораздо легче. В одну ночь, прошёл дождь и осложнил работу с утра, особенно на верху, где образовалась грязь. Но, научившись выгружать замес на кирпичном заводе, они и здесь приспособились.

Площадь вскрытого пласта песка увеличивалась с каждым днём, и десятник сказал, что через месяц, а то и меньше, спецбригада начнёт оборудовать установку для промывки песка.

Недели три спустя, к карьере подвезли трубы и другие металлические и деревянные конструкции, десятник снял их бригаду с карьера и повёл в лес. Едва миновали несколько деревьев, он остановился на маленькой полянке и сказал, обращаясь к Николаю:

– Здесь надо вырыть котлован, диаметром примерно шесть аршин и глубиной, аршина два с половиной.

– Нам, что, Сергей Николаевич, всей бригадой на этом пяточке работать? – удивился Николай.

Тат улыбнулся:

– Это ерунда, главное к нему надо канал прорыть от речки, примерно саженой тридцать пять. Пойдём, покажу.

Николай взглянул на Харитона:

– Намечайте круг в три лопаты и приступайте.

Когда они немного отошли, Николай обернулся и крикнул:

– Откосы пологие, чтобы не обрушались!

Они довольно быстро вернулись, но десятник, не дойдя с десяток шагов, свернул и меж деревьями пошёл в сторону карьера, а Николай подошёл и сказал:

– Как он и говорил, саженой тридцать будет.

– Зачем это всё? – любопытствовал Степан.

– Здесь, сразу за деревьями, у карьера поставят насос, а он больше чем на тридцать аршин не всасывает воду, вот и нужен канал. Давайте, мужики, вытягиваемся цепочкой, каждому участок на длину лопаты. Ширина полторы лопаты, глубина на черенок, без лопаты. Откосы пологие.

Котлован копали Харитон, Павел и Тарас. Николай начал копать рядом. Иван оказался, как обычно, между Санькой и Алексеем. Он вновь удивился, как Оглоблин быстро и понятно объяснил, что и как делать.

Лес укрывал их от солнца, и работать было приятнее, а вот комары надоедали больше. То и дело приходилось шлёпать себя по лицу или шее. Иван втыкал лопату, нажимал ногой, отрывал кусок земли и бросал её в сторону просто механически, мысли тоскливо напоминали ему, что он уже пятый месяц, как оторван он дома. С ужасом думал: выдюжит ли он ещё девять с половиной лет? Сразу вспомнился случай с Родионом Чижковым, случившийся неделю назад.

Их бригада работала на верху карьера и откосах. Был ясный, жаркий, обычный день. Небо постепенно затянуло облаками: все даже обрадовались. Но вдруг надвинулась такая туча, что потемнело, как в поздние сумерки. Наступила, непонятная, гнетущая тишина. Потом поднялся шквалистый ветер, который поднимал ветви ясеней и берёз словно подошлы у девок, а стена из нескольких лиственниц, на краю опушки, наклонялась, словно рожь в поле. Макушки высоких деревьев мотались, как бы стараясь увернуться от напора ветра. Пошёл дождь. Все бросились к деревьям, под их кроны. Иван и вся их бригада забралась под крону клёна и каких-то других деревьев. Сюда побежали и все остальные. Только двое из бригады Захарова, быстро вскарабкались по откосу и скрылись за деревьями, по другую сторону карьера. Дождь усиливался. Послышались раскаты грома, которые всё нарастали. Засверкали молнии. Оглушительный треск и удары грома сливались в такую сплошную канонаду, что все, позакрывали уши. Санька прокричал, чтобы открыли рты. Иван не только открыл рот, но и зажмурил глаза, чтобы не видеть это сплошное сверкание. Дождь перешёл в ливень и листва уже не спасала. Удары грома были такими, что, казалось, вздрагивала земля. Медленно эта канонада стала удаляться. Ливень продолжался, и на всех одежда промокла до нитки. В уходящем грохоте раздался крик:

— Родьку убило! Все переглянулись. Бригадир Захаров выскочил из кустов и побежал вокруг карьера туда, где прятались двое. Все были в замешательстве.

— Как это? — пожимая мокрыми плечами, спросил Иван.

— Наверно, громом, — произнёс Гутов.

— Скорее молнией, — уточнил Санька Соловьёв.

Ещё несколько человек из той бригады побежали вслед за бригадиром. Ливень стал ослабевать. Все вышли из леса.

Пострадавшего, вынесли товарищи, положили на мокрую траву. Все обступили его. Бригадир послал двух своих парней – сообщить прорабу или десятнику. Мужики из его бригады сказали, что это Родион Чижов. На нём была серая в клеточку рубаха, прилипшая к телу, тёмные штаны и сапоги. Он лежал, раскинув руки, повернув голову набок. Лицо выражало просто покой, как будто он отдыхает. Сзади и чуть справа на голове обгорелые волосы.

Бригадир сказал:

– Там две лиственницы почти сплелись, вот он под ними и спрятался от дождя. Так одна расколота надвое, почти до середины.

Все пошли посмотреть. Иван был удивлён: «Какая же у молнии сила, если она развалила такое толстое дерево?» Одна часть расколотого ствола с ветками, изогнулась в сторону, словно стебель ковыля.

Вышли к карьеру. Кто-то предложил отжать одежду, так как дождь перестал. Засверкали голые тела. Выкручивали: рубахи, штаны, майки. Штаны выкручивать, помогали друг другу. Некоторые отжали и исподнее. Иван постеснялся, тем более стало проглядывать солнце. «Обсохну», – решил он.

Десятник приехал на телеге со стариком Михальчем, который привозит воду.

Сергей Николаевич мельком взглянул на карьер, где ещё стояла вода и сказал:

– Всем по баракам.

Подойдя к погибшему, снял кепку и спросил:

– Как его фамилия. Ему сказали. Он с минуту помолчал и произнёс:

– Царство ему небесное. Уложите на телегу.

Мужики подняли его и уложили ногами к возчику. Десятник сел с другой стороны и телега двинулась. Все пошли за ней. Иван видел, как на неровностях дороги голова по-

койного моталась из стороны в сторону, как бы отнекиваясь идти в последний путь.

Углубляя траншеи, Иван с прискорбием, подумал: «Вот похоронила бригада Радиона на отшибе посёлка, где стояло всего два креста и забудут его через пару недель, а родные будут считать года, когда он сможет вернуться».

– Иван, положе делай откос и своди оба откоса на клин, – прервал его раздумья голос бригадира.

Иван поднял голову, взглянул на Николая, но тот не остановился, а пошёл дальше вдоль траншеи, делая и другим замечания. Разогнув спину, Иван пошевелил плечами и почувствовал усталость, большую, чем обычно на карьере. Он понимал, что это от постоянной работы в наклонку. А тут ещё, чем глубже, тем грунт становился плотнее: стала попадать галька и отдельные камни. «Завтра надо прихватить кирку» – сделал он вывод, и продолжил работу.

К вечеру, когда ожидаемый гудок пригласил на ужин, почти у всех не получилось докопаться до нужной глубины из-за плотной, спрессованной гальки с песком.

Все устали и по этому, перед сном не возникло обычных разговоров.

Стараясь уснуть, он отгонял всякие мысли, но мысль о погибшем Родионе, вновь вернулась к нему. Он понял, что до этого не видел так близко умершего человека. Даже, когда заболел отец, его и сестру отселили во вторую половину дома, так велел пришедший фельдшер. Все в деревне называли его только Василий Панкратович. Он сказал, что у отца тиф и надо его везти в волостную тифозную больницу.

Их с сестрой остригли наголо. Отца увезли. А домой он вернулся в закрытом гробу и так и похоронили.

На канале они работали ещё пять дней. С кирками, работа пошла быстрее, и наступил радостный момент, когда приблизились к руслу реки, и тонкая струйка воды устремилась в канал. Несколько человек ринулись углублять дно

реки, и вода потекла бурным потоком. Санька в порыве радости обхватил за шеи Ивана и Алексея.

Речка, была шириной саженей двенадцать, заросшая по берегам тальником, за которым громоздился лес.

До конца работы было ещё несколько часов. Все, не сговариваясь, стали сбрасывать одежду и бросились в воду.

Прохладная вода, словно обожгла тело Ивана, но через мгновение она показалась такой приятной, что вылезать из неё не хотелось. Да и никто не торопился это делать.

Тарас первым решил постирать рубаху. Вскоре началась общая стирка. Стирали штаны и исподнее, раскладывая отжатое на горячую гальку отмели. Потом эта голоштанная команда разлеглась: кто на постиранную одежду, загорать, кто в тенёчке кустов.

Десятник появился неожиданно. Он, очевидно, прошёл вдоль канала и остался доволен работой, потому, что, даже, увидев дрёму голых мужиков, сказал: «Молодцы!» – и ушёл.

– Хороший мужик, Сергей Николаевич, – сказал Санька и хлопнул Ивана по голой спине.

– Побольше бы таких, особенно среди ГПУшников, – сказал Степан.

– Хорошо бы – поддержал его Иван.

На следующий день, они снова трудились на карьере. С оборудованием, видать, произошла какая-то заминка, никто ничего не оборудовал, и их канал был пока не нужен.

По выходным дням у них был банный день, после, или до неё, бродили по лесу, лакомясь сначала гонобобелем, а потом черникой. Однажды, между высокими берёзами, в зарослях кустарника, Иван наткнулся на большое, пустое гнездо. Он поднял взгляд на Харитона, оказавшегося рядом. Тот сказал:

– Это гнездо тетерева. Они на земле делают гнёзда.

Вечерами стали возникать разговоры о золоте. Однажды Оглоблин сказал:

– Мне, как-то Сергей Николаевич поведал, что золотоносные пески залегают на глубине от двух до пяти аршин, как в нашем карьере, но бывает и до двадцати пяти.

– А золотоносные пески какие бывают? – спросил Пётр.

– Он говорил от полутора до трёх, а местами до десяти аршин толщиной.

– А золото крупное попадает? – спросил Иван.

– Да, как песок, а то и мельче. Самородок с полдюйма большая редкость, – пояснил Николай.

Неужели такую мелочь всю выбирают? – удивился Соловьёв.

– Говорят, всё равно остаётся в песке. Потому разрешают на отвалах мыть золото и сдавать в торгсин на бонны, а на них, что хош можно купить, – сказал Николай.

«Почему на нашем карьере не начинают его мыть?» – задал сам себе вопрос Иван.

Работы на карьере продолжались до заморозков.

5

Выпал снег. На следующий день, утром прораб Василий Иванович попросил все бригады встать в шеренгу и сказал:

– Плотники шаг вперёд!

Оглоблин, Гутов, Хвьяля шагнули вперёд. Степан буркнул Саньке:

– Вы что топор в руках не держали?

Куряне дружно шагнули вперёд, а Оглоблин протянул руку назад, дёрнул Ивана за плечо и он оказался рядом с ними. Сразу зашептал Николаю:

– Я ни когда.

– Молчи! – оборвал его тот.

Из их бригады вышли ещё Монин и Харитон. Из других бригад вышло человек десять, но из них он выбрал троих, сказав:

– Мне надо десять человек. Остальные пока свободны. А вам, – обратился к шеренге, – сразу после обеда подойти к прорабской.

Когда подошли в назначенное время, их ждали – четыре запряжённые санные подводы. Из прорабской вышел, Василий Иванович, приказал всем рассаживаться по подводам.

Сам сел на переднюю и сообщил:

– Едем на центральную базу.

Лошади шли ходко, под уклон возницы пускали их рысью и вскоре въехали в посёлок. Здесь тоже были бараки. Проехали мимо конторы и миновали открытые ворота. На огороженной забором территории оказались склады. Подъехали к одному из них. Все сошли с саней. Прораб сказал, обращаясь к последнему вознице:

– Кеша, а ты ко второму складу езжай, набирай всё, что надо и продукты. Я мужиков одену и приду к Матрёне, распишусь.

Тот отъехал, а все, вслед за прорабом зашли в открытую дверь склада. Прораб за руку поздоровался с пожилым кладовщиком, одетым в фуфайку, тёмные брюки и сапоги. Назвав его Николаем Николаевичем, сказал:

– Одеть надо мужиков по полной форме.

Кладовщик повернул голову вглубь склада, где какой-то мужик перекладывал товар:

– Михаил, иди, заполняй накладные!

Тот оставил своё занятие и направился к кладовщику. Какое же было удивление, когда это оказался Миша Жёлудь. Здороваясь, со всеми за руку он улыбался. Степан, покачивая головой, и пожимая ему руку, произнёс:

– Ну, ты Миша и молодец!

– Да я ж всё время с товарами работал. Вот узнали и направили сюда, – объяснил тот.

– Что дружки? – спросил его кладовщик и, взяв торчащий карандаш из-под шапки, подал Мише. Тот ответил:

– Вместе в поезде ехали в двух местах работали. Сев, на табурет у стола, спросил:

– Что будем выдавать?

– Всем всё, сказал кладовщик и перечислил:

– Шапку, фуфайку, ватные штаны, валенки, портянки, ремень брезентовый для штанов, полушубок и меховые рукавицы.

Миша записывал фамилии и имена, перечислял всю одежду, заставлял расписаться, и тот шёл к кладовщику одеваться. Заминка произошла с Иваном: всё ему было большевато. Подавая ему ватник, кладовщик сказал:

– Это меньший размер. Рукава и гачи подверни и порядок. Валенки дам тебе женские, есть ещё парочка.

Когда померили полушубок, все заулыбались. Прораб сказал:

– Поищи, Николай Николаевич. – Раздался голос Жёлудя: – Может отдать ему тот, что для Екатерины Степановны отложили? Когда она там приедет.

Кладовщик согласился:

– Ладно. Иди, принеси.

Когда Миша принёс и отдал Ивану, как бы виновато произнёс:

– Скажем снабженцу, пусть пару маломерок привезёт.

Старую одежду и обувь связали в узлы. Вышли во двор. Три подводы были наготове, четвёртая ещё стояла у дальнего склада. Туда отправился прораб. На одних санях лежало несколько длинных тесин, на них стояли два ящика с инструментом. Рядом все положили свои узлы. Через пару минут на четвёртой подводе подъехал Василий Иванович. Подойдя, сказал:

– Поедете начинать строить посёлок Октябрьский. Будите рубить бараки. Там сейчас есть избушка. Печка есть. Проёмы под окна зашьёте пока тёсом, гвозди там есть. Он повернулся в вознице четвёртой подводы нагруженной несколькими мешками:

– Это, Кеша Горшков, будет у вас за кашевара. Он мужик шустрый, хоть из топора кашу сварит.

– Лучше из крупы, – заметил Хвьяля.

– Есть у него и крупа. Завтра я приеду и всё решим на месте. До места восемнадцать километров. Да, – спохватился он, засунул руку в карман меховой куртки и, что-то достал. Подавая Оглоблину, произнёс:

– Чуть не забыл, возьми рулетку, а то будете по старинке мерить всё аршинами, да вершками.

Расселись по подводам. Миша вышел попрощаться.

Прораб дал команду, и обоз двинулся в путь.

Дорога шла всё время лесом, редко встречались небольшие полянки. Деревья были едва припорошены. Лиственницы с опавшими иглами почти не задержали на себе первый снег и высились чёрными силуэтами

В новой одежде было тепло. Иван навалился на бок Степана и, смотря назад, на убегающие деревья, задремал.

Проснулся он от того, что лошадь третьей подводы приблизилась к их саням и фыркнула ноздрями.

Открыв глаза, он увидел, что наступили глубокие сумерки. Он повернул голову, чтобы взглянуть на Степана:

– Я даже уснул.

– Знаю. Я старался не шевелиться. Дреми, но возница говорит, что осталось немного.

И действительно, спустившись с длинного и пологого увала, кони остановились. Послышался голос: «Приехали» Повставали с саней. С трёх сторон подступал тёмный лес. Увидели довольно большую избушку, крытую на один скат с какой-то пристройкой на курьих ножках. Стали разгру-

жаться. Оглоблин велел сначала занести в избушку своё шмутьё, чтобы не мешало.

В избушке были низкие нары устроенные, у двух стен. С одной стороны над ними два оконных проёма без косяков и рам. Ещё был один проём закрытый железным листом, через который была пропущена круглая труба от железной печки.

Сгрузили ящики с инструментами, тесины. Подошёл Кеша:

– Мужики надо помочь разгрузить продукты.

Сразу несколько человек подошли к четвёртым саням. Подхватив мешки, двинулись к избушке. В след им Кеша, который нёс мешок с выпирающими углами, крикнул:

– Мешки с крупами и хлебом в лабаз!

– Какой лабаз? – спросил, поворачиваясь с мешком, Мотин. – Вон, пристрочка, на жердях, -- пояснил Кеша.

– Зачем туда? – спросил мужик из новичков, нёсший мешок рядом.

– От мышей, – ответил тот

Возчики, привязав лошадь Кнши, попрощались и уехали.

Ящики с инструментом занесли в избушку и поставили их торцом к стене, рядом с небольшим столом с досками вместо ножек. На нём расставил кастрюли, чайник и небольшой ящик Кеша. Он стоял с ведром, не зная, кто здесь старший, обращался сразу ко всем:

– Надо маненько бересты на растопку, дрова есть, у печки. Степан взял из ящика топор и пошёл искать берёзу.

Оглоблин достал из кармана рулетку, встал на нары и замерил высоту проёма. Пётр достал из ящика ножовку. Они сбросили полушубки и вышли из избушки. Иван и ещё несколько человек выпли за ними. Пётр, с помощью мужиков, которые держали тесины, быстро отпилил нужное количество досточек, Гвозди нашлись в помятом ведре под нарами, и проёмы были быстро заколочены, а Пётр изнутри

прибил короткие доски вместо косяков. Кеша растопил печь и водрузил на неё ведро набитое снегом.

После перекура, все разлеглись на нарах. Кеша сказал:

– Покормить я сейчас вас не смогу, а чаем напою.

Он ещё раз выскакивал добавить снега в ведро потом при свете открытой дверцы у печи, наполнил чайник и поставил его кипятить. В этом же свете увидели, что в углу над столом висит ящик, откуда он достал глиняные кружки и стал их ополаскивать в ведре. Потом у стола что-то колотил, похоже как молотком. Когда чайник закипел, бросил туда тёмные кусочки плиточного чая. Он ещё раз выскочил из избушки и в это время, Санька сказал, нарушив общее молчание.

– Шустрый малый.

– Варить бы умел, сказал, кто-то из новых.

– Разносолов не жди, а кашу сварит, – сказал Оглоблин.

Кеша вернулся с круглой булкой хлеба. Чуть сдвинувшись в сторону, чтобы к столу попадал свет, быстро раскроил её на куски. Также быстро раздал ломти хлеба, потом обошёл всех с чашкой, в которой были наколоты кусочки сахара, приговаривая:

– По кусочку, а чай сами разберёте.

Потом разлил чай в кружки, установленные на печи и сказал:

– Берите.

Все не торопясь потянулись к печке.

Иван, откусывая хлеб и прихлёбывая горячим чаем, не трогал кусочек сахара. Он решил съесть хлеб, а потом попить чай с сахаром. Вспомнил, что так он пил чай на рождество, когда мать достала кусок сахара, оставшийся от головки, купленный в последний год НЭПа.

Когда съел хлеб, он положил сахар в рот и с наслаждением стал припивать, слегка остывшим, чаем. В это время возникла мысль: «Что же случилось, что их так добротню

одеди и даже с продуктами выдали сахар?» – ответа не нашёл.

– Спасибо тебе, Кеша, побаловал чайком, – поблагодарил за всех Степан и зевнул, – теперь можно и поспать.

Все закопошились, укладываясь спать. Особых разговоров не возникло, скорее всего, из-за четырёх новичков, но больше опасались Кешы, как вольнонаёмного.

В избушке, не смотря на порядочные размеры, было тепло, и от печки и от скопления людей. Фуфайки сложили под головы, сбросили валенки и укрылись полушубками. Первым стал под храпывать Монин, лежавший рядом с Иваном, а потом и вся братия углубилась в сон.

Утром, выйдя из избушки, обнаружили, что в десятке шагов от избушки стоит стена из высокого тростника, за ним небольшая речка, а за ней уже лес. От неё шёл Кеша, неся ведро с водой. На большой площади перед речкой лес был вырублен и виднелись одни пеньки. Кто-то предложил наломать тростника и настелить на нары. Оглоблин одобрил это и велел Ивану, Клочкову и ещё двоим заняться тростником, а ещё четверым приступить к заготовке дров. Ему подсказал Степан, что недалеко лежит не допиленная берёза, которую он вчера обнаружил. Ему первому и вручил двухручную пилу Николай. Сам Оглоблин и Пётр вытащили из избушки ящики с инструментом и стали рассматривать, что там есть. Пётр уложил рядом с ящиками две, оставшиеся, тесины и, выкладывая на них содержимое, говорил:

– Пил двухручных – две, топоров – шесть, скобелей – для ошкуривания, – восемь, ножевок – три, рубанков – три, долот – два, буровов – два, молотков – четыре, ерунок – один, тесло – одно.

Заметив вопросительный взгляд Николая, пояснил:

– Ерунок – углы отмерять на девяносто и сорок пять градусов, а тесло, не знаю зачем дали, оно нужно, когда корыто вырубают.

Он нагнулся и, достав, показал Николаю, два грузика со шнурами и сказал:

– Два виска, отвеса, – добавил он. Николай внимательно посмотрел на него и сказал:

– Становись-ка ты, Пётр, бригадиром. Я в этом деле не мастак.

– Что ты, Николай, я командовать не умею, а что знаю, подскажу

Из открытой двери избушки высунулась голова Кеша:

– Кто-нибудь принесите дров, поленица под лабазом. Иван, оказавшийся рядом, заглянул под него, набрал дров и принёс в избушку. Когда набирал дрова, обнаружил, что на суку берёзы висит железяка. Подойдя к Николаю, сказал:

– На берёзе рядом с избушкой рында висит.

– Хорошо, а то я думал, как быть без часов?

Пётр разложил инструменты по ящикам, распределив их, какие нужнее в первое очередь, какие нет, и ящики вновь занесли в домик.

Со стороны, где готовили дрова, слышался визг пил: Харитон, взяв топор, сказал Николаю:

– Пойду, поколю дрова.

– Может, ещё, кого прихватишь?

– Да, видно будет, – и пошёл один.

Вскоре, Кеша позвал всех завтракать.

Завтраком все остались довольны, так как в пшённую кашу Кеша добавил постного масла, раньше его никогда не добавляли.

Не успел закончиться перекур после завтрака, как в кошёвке на вороном коне подъехал прораб, Василий Иванович. Выйдя из саней, он поздоровался со всеми, с Николаем за руку. Позвал Кешу и передал ему коробку, как из-под обуви и сказал:

– Повесь ходики, чтобы режим дня соблюдать. Потом, протянул Николаю связку рукавиц – верхонок, со словами:

– В меховых рановато работать.

Николай бросил их Петру, и тот начал раздавать. В это время прораб обратился ко всем:

– Мы с Николаем поедем на место, где начнёте строительство, а все с инструментом идите по следу, здесь недалеко. Николай, садясь в кошёвку, обратился к Петру:

– Раздай инструмент, на меня прихвати и пусть все из своих шмоток возьмут по тряпице, чтобы ватники сразу не замазать живицей.

Они уехали. Иван сунул за пазуху две старые портянки, многие заметив это, последовали его примеру. Пётр взял два топора, Степану вновь вручил двухручную пилу и скобель. Остальным досталось по скобелю, и вся ватага двинулась по следу кошёвки. Миновав мелколесье, поднялись на широкое плато и увидели начальство. Прораб с Николаем стояли чуть в стороне, около нескольких больших штабелей леса. Когда подошли, прораб сказал:

– Мужики, начинаем строить посёлок Октябрьский. Сначала ставите три барака двенадцать метров на шесть. Разметка их сделана, пока кольшки видно. Здесь, невдалеке, разведаны золотоносные пески с хорошим содержанием золота. Работать надо хорошо. В любое время, сюда могут нагрянуть – проверяющие, из управления «Амурзолото», а возможно, из Новосибирска, из «Сибзолото».

При прощании Оглоблин попросил привести застеклённую раму. Прораб записал её размеры в блокнот.

Когда он уехал, Соловьёв сказал:

– Теперь понятно, почему у нас такая амуниция и кормёжка нормальная.

– Конечно, как бы мы строили, в своей одежёнке? Впереди морозы, – уточнил Степан.

По команде Николая, сняли со штабеля два бревна, а потом на них уложили восемь брёвен и Пётр показал, как на-

до работать скобелем, срезая кору с бревна. Харитон пояснил:

– Лучше шкурить с вершины бревна, чтобы скобель не соскакивал с бревна. Потом оказалось, что лучше всех в строительстве разбирается именно он.

Харитон, обойдя штабель с одной стороны, сказал:

– Почти весь штабель из лиственницы.

Позже и Иван стал отличать эту древесину по бурокрасной сердцевине бревна и плотным четким годовым кольцам, про которые узнал только здесь.

Сейчас, стоя ногами по обе стороны бревна, он, держа скобель за обе ручки, одну за другой срезал длинные ленты коры. Она довольно легко отделялась от бело-бурой заболони бревна, которая поблёскивала в лучах поднимающегося солнца.

Рядом шкурил Костя, новичок в их бригаде, дальше Алексей Клочков, а за ним Харитон. Иван, поглядывая на соседей, старался не отставать. Но лучше всех получалось у Харитона. Когда они очистили всего две трети бревна, он уже перевернул бревно другой стороной. Понимая, что за ним не угнаться, все работали в своём темпе.

Подошёл Оглоблин:

– Алексей, Костя и Иван, закончите шкурить эти брёвна, перейдёте к штабелю шестиметровых брёвен. Мы сейчас с Харитоном подготовим вам.

Пётр подошёл и забрал у Харитона скобель. Уходя, тот прихватил пилу, и сказал Николаю:

– Надо ж тусунки, чурки нарезать. На что срубы ставить.

Когда Иван, и те двое, пришли на новое место работы, тут всё было подготовлено, а в стороне, где лежали хлысты леса, повизгивала пила, но Николая с Харитоном не было видно.

Работа продолжалась. Руки особенно не уставали, а вот спина, всё время в наклонку, уставала. Иван, да и все, чаще

стали разгибать спины. До обеденного гонга, они сумели ошкурить по два коротких бревна.

Обед отличился тем, что Кеша сварил больше гречневой каши, а чай оказался менее сладким.

После обеда Харитон, пока многие покуривали, соорудил уровень. Сколотив три изготовленные рейки в треугольник, с равными сторонами, в вершине одного угла вбил гвоздь и привязал к нему отвес, а посередине нижней стороны сделал засечку и, довольный собой, улыбнулся:

– Брёвна надо укладывать - строго горизонтально.

Потом посмотрел на Николая и сказал:

– Жаль лопату не привезли, топорами придётся землю рубить.

– Есть лопаты! – крикнул Кеша, – Под нарами две!

– Хорошо, – сказал Николай, – мы с Харитоном берём лопату, топоры, уровень и идём на место. Все остальные зайдите на лесосеку и тащите от туда, как можно больше веток для костра. Чурки, прежде чем укладывать в землю, надо опалить.

Всё пошли на край лесосеки. Притащив кучу ветвей в указанное место, разошлись по своим местам.

Срезая кору, лента за лентой, Иван чувствовал терпкий, знакомый запах и ни как не мог вспомнить, где ему приходилось его чувствовать. Потом всё-таки вспомнил, что это запах скипидара, которым однажды натирала его мать в детстве, когда он простыл зимой и сильно кашлял. Вновь подумал: «Как они там живут? Кто помогал пахать и собирать урожай? Хватит ли для уплаты налогов и себе на прокорм? Старшая сестрёнка уж скоро заневеститься». Он, в который раз, с надеждой предположил, что может мать, вышла за Вацлова; и тогда им легче. Его раздумья прервались, так как в очередной раз мимо прошли Николай с Харитоном, неся чурку. Он посмотрел на соседа, который чуть

опережал его, и ускорил работу. Когда сравнялся с ним, спросил:

– Костя, а как твоя фамилия?

– Гуськов, – ответил тот, шмыгнув носом.

– Шо зробил, шо в арестанты попал? – спросил Иван на половину по-украински и по-русски.

– В колхоз отказались вступать, вернее из-за одного гада, – он передвинул портянки на бревне, сел и продолжил, – Приходит Тишка Гундин, он у председателя сельсовета на побегушках и говорит: «Вступай в колхоз, а то хуже будет. У тебя конь и две коровы – раскулачим». Я ему: – Ты, сопля зелёная, будешь раскулачивать! – и съездил ему в ухо. Он с крыльца и свалился. Сгоряча я, конечно – по пьянке. А оказалось, его каким-то секретарём выбрали. Через три дня забрали. Я Соньке – жене сказал, что если меня посадят, вступай в колхоз, а то одну с пацаном – выплют. В общем, за всё и вlepили десятку.

Иван качнул головой:

– У тебя, прям как у Миколы Монина: он председателю сельсовета рожу набил.

– Вон костёр распалили, – произнёс Костя, кивнув головой.

Иван посмотрел в ту сторону: там Оглоблин подбрасывал ветки в костёр, а Харитон раскалывал чурку.

– А зачем треба их палить? – спросил Иван.

– Говорят, чтобы не гнили и жучков древесных уничтожить, чтоб дерево не точили, – пояснил Клочков, который закончил шкурить бревно и тоже отдыхал.

К вечеру, всё чаще приходилось выпрямлять спину, да и руки чувствовали усталость.

Когда гонг Кеши известил о приглашении на ужин и об окончании рабочего дня, все, проходя мимо, посмотрели на два уложенные длинные бревна. Под каждым лежало по три расколотые и закопченные чурки, врытые в землю.

После ужина Оглоблин заговорил о завтрашней работе и на следующие дни. Он сказал, что завтра надо заложить лагу под пол и рубить первые венцы, поэтому, кроме Харитона с ним будут работать ещё Пётр и Степан. Оказалось, что Харитон подсчитал, что при этой толщине брёвен, на три барака, надо: восемьдесят одно бревно – короткое и семьдесят пять длинных – это уже с лагами и матками под потолок; да ещё тонкомер для стропил. Так что остальным надо шкурить и шкурить, пока морозы не настали.

Около двух с половиной недель ушло на ошкуривание. Задержки происходили из-за плохой обрубки сучков на тонкомере.

Дни тянулись однообразные. К монотонной работе Иван постепенно привык, и даже спина теперь уставала только к концу дня. Менялась только погода: то светило солнце, то становилось пасмурно, и падал снег. Неприятными были два дня, когда поднялся ветер со снегом и его разряды неприятно ударили в лицо.

За это время Оглоблин, вчетвером, уложили шесть венцов.

Небольшое разнообразие в их жизнь внёс возчик Михайлыч, который, привёз бочонок квашёной капусты и две застеклённые рамы.

В обед все попросили Кешу перед кашей наложить одной капусты и с удовольствием поели её с хлебом. Уплетая её, Санька Соловьев пошутил:

– К такому закусону, Кеша, не мешало бы по шкалику опрокинуть. Это предложение многие одобрили.

В тот же день Пётр остался и из досок, которыми были забиты проёмы окон, переделал косяки и вставил рамы. Избушка стала походить на нормальное жильё. Из оставшихся досок сколотил пару коротких козел, а из длинной тесины выстругал доску и теперь перед едой получался такой узкий

стол, который после еды разбирали, выносили из избушки и ставили рядом с капустной кадкой, недалеко от двери.

В конце третьей недели Оглоблин разделил бригаду на два звена. Второе возглавил Пётр. Николай так распорядился:

— Я к себе возьму Костю и Ивана. Костя немного плотничал, как он говорил, а Иван топора в руках не держал. У тебя Пётр Лёха Клочков, хоть и держал топор, но дома не рубил. Санька, не строил, но видел, как это делается. Он мужик хваткий быстро освоит.

Захар Курашов плотничал, так, что справится.

Первые дни Иван и Костя помогали подтаскивать и поднимать готовые брёвна. Удивил Харитон, когда два длинных бревна не получалось поднять он попросил положить вершину бревна ему на плечо и он по углу сруба забрался до верха и положил бревно в выемку замка, а комель подняли верёвкой. Потом им показали, как делать пропилы, где это необходимо, а уж затем доверили по намеченным зарубкам, углублять замки или как говорил Харитон «ложе лапы», но до конца вырубали Николай или Харитон. Сначала топор не особенно слушался в руках Ивана, но всё же, постепенно он освоил это ремесло. Правда, делать продольную выемку в бревне, ни ему, ни Косте не доверяли. Харитон говорил:

— Сначала надо руку набить и глаз наострить. Уведёте обло, так он называл выемку, в сторону, бревно не ляжет и выправить его трудно.

С наступлением морозов, в начале ноября, работать в меховых рукавицах с непривычки было неудобно, и опять топор вихлялся в руках.

В это время на подводах стали подвозить плахи для пола и потолков. Разгружать и таскать их пришлось Ивану с Костей и Лёшке с Санькой. Зато в самые сильные морозы они пилили эти плахи внутри выложенных стен, за ветром. А

потом строга́ли их рубанками и уклады́вали, под руководством Харитона. Он учил подгонять и сплачивать плахи.

В конце ноября во второй раз приехал Сергей Николаевич – десятник. В это время на первом бараке заканчивали устанавли́вать стропила, на втором начинали это делать. Он похвалил:

– Это хорошо, мужики, но с весны мы привезём сюда рабочих, расчищать площадку под вскрышу песков. У бараков надо будет построить уборную, очков на десять. Сейчас земля промёрзла на штык, а к маю промёрзнет метра на полтора. Так что лучше её выкопать сейчас. Я инструмент привёз.

Возразить ему никто не смел, и не думал, поэтому эта земленая доля, выпала: Ивану Косте и Лёшке с Санькой.

Десятник сам выбрал место и сделал разметку, сказав:

– Здесь ложбинка снегу больше, значит, промёрзло меньше.

Копая эту яму, Лёшка ругнулся:

– Что у нас за судьбина? Никак лопата не хочет с нами расставаться.

– Ты-то, пахарь, помалкивал бы! Вот я, как уехал учиться в Курск, так лопату в глаза не видел, пока в эту катавасию не попал.

– Попал – не брыкайся, – сказал Костя, а Лёшка добавил,

– Может ещё из этой ямы придётся выгребать.

– Ну, уж дудки! Как, золотишко начнут мыть, попрошусь на обслугу – я в железках разбираюсь.

– Саню могут взять, он коваль, – сказал Иван и пояснил, – У мини батько ковалем был, во всех механизмах, толк знал.

– Кузнец, что ли? – догадался Костя.

– Да, – подтвердил Санька.

– Тогда может подфартить, – согласился Костя.

К середине января три коробки барачков стояли. Правда, только со стропилами, но без крыш, окон и дверей. С этого времени и почти до марта оба звена конопатили стены мхом, которого привезли в мешках огромное количество. Иван не мог поверить, что весь он может понадобиться. Привезли всем по зубилу-конопатке, похожих на широкие шпатели только толще и десять деревянных молотков.

Харитон объяснил, как заталкивать мох в паз, а потом забивать его столько, чтобы больше не влазило. Он говорил, что при хорошей конопатке потолок должен подняться на одно бревно.

Работали с усердием, донимали морозы. Решили работать внутри коробки, здесь даже при ветре было теплее, да ещё работа. Мороз спал. Харитон предложил перейти на работу снаружи, но Николай решил закончить конопатку внутри. Когда же вышли наружу опять ударили морозы, да ещё с ветерком. Как не старался Иван колотить по зубилу-конопатке чаще и сильнее, мороз донимал. Он отморозил щеку. Костя со Степаном отморозили носы. По совету Харитона отгирались снегом и шерстяной опушкой рукавиц. Но, как, ни тёрли они, ходили потом с красными носами, а у Ивана щека даже почернела. Дня через три стих ветер, а потом резко потеплело. Закончили конопатку в последних числах февраля. Никто, конечно, не мерил, на сколько поднялся потолок, но от всего количества мха, осталось всего два мешка.

За всё это время у них было всего два выходных, когда Прораб пригонял за ними три подводы, чтобы свозить в баню, на центральную базу.

В первых числах марта приехали прораб и десятник. Поступила команда закладывать столовую. Десятник с Николаем сделали разбивку. Порешали, что звено Петра продолжит строить крыши барачков и другие работы, а их звено займётся закладкой нового здания.

Опять, теперь впятером, занялись ошкуриванием брёвен. Мёрзлая кора хуже отделялась от заболони. По предложению Харитона ошкурили восемь коротких брёвен и десять длинных и приступили к закладке здания. Он резонно заметил:

— Пока срубим несколько венцов, пусть солнце отогревает кору на брёвнах

Мартовское потепление разрешило снять полушубки и работать стало сноровистей.

Когда срубили семь рядов столовой, кончился лес в ближних штабелях.

Приехал на тракторе прораб с санями и двумя рабочими. Сразу отправились к дальним штабелям. Трактор был на колёсах с шипами фирмы «Фордзон». Не доезжая до штабелей, трактор сломался. На второй день пригнали двух лошадей для перетаскивания брёвен. Пока подвозили брёвна, вся бригада достраивала бараки. К маю, они были закончены и привезли каменщиков выкладывать печи.

Лето есть лето, и работать стало гораздо легче, но наступила июньская жара. Однако выручала речка, в которой можно было искупаться даже в обед.

Память о зимних морозах — пятно на щеке Ивана, сошло только в конце мая. За май и июнь, он так освоил топор, что теперь выполнял любую работу: вырубать ли выемку в замке или продольный паз в бревне, главное, чтобы топор был острый. Топоры были хорошие. Пётр про них говорил: «Звенящие». Прекрасно точил их он и Мониин.

К концу июня закончили столовую, а в июле её оборудовали. Когда в два барака заселили людей, что приехали для вскрышных работ, она заработала. Кроме людей на вскрышные работы прибыл паровой экскаватор.

В начале августа приступили к строительству мехцеха. Строительство шло туго: приходилось подвозить лес с разных лесосек, где ещё оставались подходящие лесины.

А в это время механическая служба во главе с механиком, полным ходом монтировала промывочное оборудование.

Ивана, Алексея, Степана и Саньку, отвлекли для устройства перегородок в третьем бараке. В нём сделали общежитие: для obsługi промывочной установки и работников мехцеха. Его закончили строить только в сентябре. К этому времени промывка песков на золото уже началась.

После того, как заработала столовая, остатки продуктов передали в столовский склад, а Кеша уехал. Бригада выполняла мелкие работы, делали: крыльца с козырьками, туалеты, перегородки в мехцехе. Всех, волновало: на какую работу их направят в октябре? Вечером, лёжа на нарах, все надежды и предположения, похоронил Оглоблин, заявив:

— Что вы тут не говорите, а работы для нас кроме лесосеки нет. Прораб говорил, что посёлок будет расширяться, значит, нужен лес, а его нет.

Все примолкли, потому как нехотя, сами предполагали это, но вроде, чтобы не «накаркать», помалкивали.

Почувствовав грустное молчание, Николай произнёс с утешением:

— Хорошо, если обойдётся. Может у них на центральной базе, какая стройка развернётся? Бог их знает. И чтобы уйти от этого разговора, спросил:

— Харитон, по-моему, ты один, не рассказывал, как попал в такую компанию?

Тот хмыкнул:

— Да обыкновенно. Вдарил одного и посадили.

— Подрался что ли? — удивился Николай.

— Нет. Тут такая история вышла. Приходит ко мне наш священник Флегонт: старик, за восемьдесят лет, но ещё крепкий, правда сильно сутулый, но службу вёл хорошо. Так вот, пришёл и говорит, что, намерен, ему председатель сельсовета сказал, чтобы он в этот день был в церкви —

приедет комиссия. Говорит: «Надоть, чтоб от прихожан кто-то был, раз комиссия». Я вместе с ним и пошёл. Не успели зайти в церковь – идёт комиссия: женщина, молодой мужик с портфельчиком и парень. Ведёт их секретарша сельсовета Тонька.

Подошли, поздоровались, то сё и мужичок с портфелем говорит.

– У нас на руках решение, – полез в портфель, и продолжает, – церковь закрыть.

– Зачем её закрывать, прихожане ходят, – возразил Флегонт.

– Здесь будет изба-читальня, – сказала женщина.

– Что? – не понял Флегонт.

– Изба-читальня, – повторил мужичок с портфелем, – поэтому надо снять крест и эту луковку, – показал он пальцем.

– Так вы пришли ломать церковь? Мой дед со своим братом её построили, а вы ломать?! Я вам покажу, едрёна вошь, как ломать! – заорал я, выломал дыню у соседского забора и на них:

– Зашибу! Они попятились. Я к ним. Кричу: – Поубиваю, антихристов! Они побежали – я за ними. Первой бежала Танька, за ней тётка с парнем, а последним этот с портфелем трусит. Я решил его подогнать, думаю, врежу его по заднице, а не рассчитал и ударил по бедру. Он завопил:

– Это вам не пройдёт!

– Захромал, но тех догнал. Я остановился. А через три дня приехали из района ГПУшники: Забрали меня и Флегонта прихватили. Обидно было, меня ладно, а старика за что? Его, куда-то сразу увезли. А мне, через неделю, дали десятку. Зачитали: – За, – он на момент задумался, – за защиту мракобесия и избиение работника Советских органов.

У нас в селе ещё год назад церковь закрыли, а попа увезли и с концом, – сказал молчаливый Захар Курашов.

– Интересно, забрали бы меня, если бы я тому не врезал? – произнёс Харитон.

– Забрали бы, – сказал Соловьёв, – вон как ты хорошо бараки строишь.

– Ладно, шутковать, – прекратил разговоры Оглоблин.

Слова Николая о лесосеке, сбывшись на второй день. Вновь приехал Кеша со своими кастрюлями и мешками с продуктами.

Теперь, здесь, на лесосеке жили в большой двойной армейской палатке. Монин с Захаром, как служившие в армии, всё оборудовали как надо: на землю уложили лапник елей и пихты, и застелили брезентом; в прямке установили железную печь, выведя трубу с коленом в земле и подальше от палатки. В октябре спали разуваясь. С наступлением холодов пришлось по ночам дежурить по очереди у печки, подбрасывая в печь нарубленные ветки. Потом дежурному давали поспать до обеда.

Иван рубил сучья машинально, но правильно, чтобы потом при ошкурировании не было задержек. Мысленно перебирал события прошедшие до этого времени. Это нагоняло на него большую хандру, прежде всего, что не было Саньки. Прораб отправил его в распоряжение механика, переспросив его: на самом ли деле тот кузнец. Сначала он за него порадовался, а потом огорчился, так как теперь, без него стало скучнее, он любил пошутить и развеять тоску. Вместо него включили Василия с лошадей, для трелёвки леса. Единственное, что утешало – это то, что по-прежнему командовал Николай Оглоблин. Он распорядился сразу готовить брёвна для двух срубов: конторы и барака. Пояснил, что до морозов их можно легко ошкурить. В середине ноября Пётр и Харитон начали рубить сруб, двое шкурили, а остальные валили лес. Когда было заготовлено брёвен на два сруба, Оглоблин велел всем, кроме Василия и Лёхи, которые продолжили треллёвку, заняться ошкурированием. Благо

до середины декабря не было сильных морозов. К концу месяца четверо: Оглоблин, Пётр, Харитон и Захар продолжили рубить срубы, а остальные рабстали на лесосеке. С наступлением рождественских морозов, Оглоблин сам звал всех погреться в палатку, чтобы не допустить обморожения. В такие дни, боясь вновь обморозить щёку, Иван то и дело потирал её, как советовали ему. Но случилось, другое – он простыл и стал кашлять, особенно по ночам.

Однажды утром, когда работали на дальней лесосеке и, где осталась не обрубленная лесина, Иван поспешил обрубить её, чтобы не задержать валку деревьев рядом. Он пробирался по довольно глубокому снегу. Вдруг, заметил, что за кустами, что-то мелькнуло. Он остановился и увидел: медленно, из-за сугроба, вышел пятнистый зверь, похожий на кошку, посмотрел на Ивана и несколькими прыжками скрылся в лесу. Иван оглянулся назад, где шли Степан с Лёхой. Дождавшись их, сказал:

– Тут какой-то зверь бродит.

– Большой? – спросил Лёха.

– Вроде не очень. Пятнистый, на кошку похожий.

– Скорее всего – это рысь, – определил Степан.

– Ты, Вань, в случай чего топором отбивайся, – посоветовал Лёха.

Весь этот день, оставаясь один у сваленной лиственницы, обрубая ветки, он то и дело поглядывал по сторонам: не крадётся ли к нему зверь.

Вечером, после ужина Лёшка пошутил:

– Сегодня рысь чуть не съела Ивана. Кое-как отбился топором.

– Ты, Иван, в следующий раз бей её по голове, чтобы шкуру не испортить, – подхватил шутку Василий, – иначе её в торгсин не примут.

– Василий, ты бы шёл овса дал своему Сивке-Бурке, да накрой попоной – мороз крепчает.

Василий ушёл, а в разговор вступил Кеша:

– Как я знаю от местных охотников, рысь на человека не нападает. Она лис, зайцев ловит. Заберётся на дерево, ждёт и оттуда прыгает.

Это пояснение успокоило Ивана на будущее.

К середине февраля один сруб был готов и два венца второго.

За зиму прораб приезжал два раза и остался доволен. В последний раз ему пожаловались, что у многих протёрлись на пятках валенки и портянки стали намочать. Он сказал, чтобы месяц ещё потерпели, а там переобует в сапоги. Кто-то придумал, и Иван последовал совету подкладывать в валенки куски бересты. Однако к концу смены ноги были мокрыми. У печки вечером образовывались очереди на сушку портянок и валенок.

В конце марта приехал десятник. К этому времени, кроме срубов, на небольшой поляне, стояли два штабеля леса. Сказал, что через пару дней начнут вывозить срубы, а потом лес. Отдал Оглоблину банку с краской и кистью, чтобы пронумеровали брёвна срубов и уехал.

Разборка и перевозка срубов заняла чуть больше недели. Иван, как и все таскал брёвна, помогал их увязывать на саях и подсанках, а мысли о наступающем лете хотя и радовали, но не на столько, чтобы забыть, что потом осень, а там снова – лесосека. Вспоминая прошедшую зиму, он помнил только то, что с наступлением морозов, он всё время мёрз. Даже при напряжённой работе: стоило передохнуть, как мороз забирался под одежду. Даже во сне просыпался от холода, когда дежурный задрёмывал и печь гасла.

Прежде чем начинать сборку конторы, Оглоблин попросил прораба организовать им баню. Тот на второй день снял все три подводы с вывозки леса и отправил их на центральную базу. После бани им выдали свежее нижнее бельё, так как прежнее просто сопрело на их пропотевших телах. За-

брали валенки и ватные штаны, выдали простые и сапоги. Ватные фуфайки пока оставили.

В этот же вечер, по приезде на Октябрьский, Иван ещё раз навестил Саньку Соловьёва в общежитии.

Тот лежал на кровати. Увидев Ивана, сел на ней и протянул ему руку:

– Привет делегату лесорубов!

Иван пожал протянутую руку и сказал:

– Ну, ты гарно устроился.

– Нормально, – протянул тот.

– Как прораб узнал, что ты коваль?

– Мне механик Сан Саныч сказал, что ему на складе, когда разговор о кузне зашёл, Жёлудь подсказал, а тот у прораба попросил отпустить.

– Молодец Миша, – с явной завистью произнёс Иван, рассматривая комнату. Первый раз он был у Саньки в кузне. Здесь стояли четыре кровати, на одной спал кто-то, отвернувшись к стене. Больше в комнате никого не было. На кровати, на которой сидел Иван, не было матраца. У окна стоял небольшой стол и табурет.

– Кто с тобой живёт? – любопытствовал он.

– Вот спит Матвей Ильич – машинист экскаватора и Колька, мой молотобоец, ты его в кузне видел. Он ушёл к слесарям в карты играть. Расскажи, как вы на лесосеке жили?

– Погано, жили. В палатке. Как начались морозы, я всё время мёрз. Перестанешь топором махать, сразу пробирает. Уставал сильно. Сань, можэ за менэ скажешь механику? Я с Вацловом – кузнецом сеялки, веялки чинил.

– От чего не сказать, скажу при случае.

Они ещё поговорили немного, и Иван ушёл в свой барак с теплящейся в душе надеждой

Бригада укладывала седьмой венец сруба конторы, когда к Оглоблину подошёл десятник Сергей Николаевич и сказал, что прораб велел передать Ивана Рыбака механику. Иван был недалеко и слышал разговор. Почувствовал, как от радостного волнения, застучало сердце.

Николай взглянул на него и сказал:

– К механику – хорошо. Он паря смышленный, – и подождав его, протянул ему руку. Пожимая, напутствовал:

– Ну, Иван, займись железками, топор ты освоил, може, когда пригодится.

Механика Кошелева Иван застал в его конторке, при мехцехе. Он сидел на табурете у стола и рассматривал какие-то бумаги. Напротив, стояла заправленная кровать, на подоконнике керосиновая лампа. Больше в комнате ничего не было.

– Здравствуйте, Александр Александрович, я Рыбак. Мне сказали, шо бы я к вам зашёл, – сказал Иван.

Тот повернул голову, провёл ладонью по редким седеющим волосам, и произнёс:

– Значит Рыбак? – губы чуть обозначили улыбку.

Иван кивнул головой.

– Мне говорили, что ты имел дело с механизмами.

– Трошке имел.

– Пойдёшь пока кочегаром на экскаватор к Матвею Круглову. Он на вскрыше работает. Жить будешь в его комнате – там есть свободная койка. Иди.

Иван поблагодарил и пошёл искать экскаватор.

Нашёл быстро. Едва вышел за перелесок, увидел его. Экскаваторщик принял дружелюбно. Спросил, как звать и пояснил:

– Работа не сложная: надо поддерживать огонь в топке на одном уровне, вовремя подбрасывать чурки и лишние не бросать. Чурки готовят для всех котлов с торца мехцеха,

под навесом. Там есть тачка. На ней привозишь, загружаешь в кассету рядом с котлом, тачку отводишь, а потом сидишь и следишь за топкой. Иногда, шумовкой и клюкой надо поработать, вычищая поддувало и колосники. Понял?

— Понял, — мотнул головой Иван.

— Тогда залазь на своё место. Чурки там ещё есть.

Иван поднялся на небольшую площадку и сел в металлическое сидение. Над кассетой с чурками и площадкой был железный козырёк. Иван взял клюку и приоткрыл дверку топки: пламя бушевало. Он взял одну чурочку, бросил в топку и закрыл дверку. Подумал:

«Это не то, что топором тюкать на морозе». Но, тут же возникла мысль: «А во время летней жары, каково у топки?» Однако сразу себя успокоил словами, услышанными когда-то от Оглоблина: «Жар костей не ломит»

То и дело его площадка вместе с экскаватором поворачивалась на четверть оборота, когда, зачерпнув ковшем грунт, он разворачивался, чтобы высыпать его в отвал. Сначала это Ивану даже понравилось, а через некоторое время перестал на это обращать внимание. Выполняя указание, он периодически заглядывал в топку, бросал туда одну, две чурочки, закрывал дверцу и, держа клюку в руке, погружался в свои мысли. Сначала они улетали в далёкую родную деревню и он перебирал мысленно все варианты, как матери и сёстрам наладить свою жизнь без него. Отметал все грустные мысли, надеясь на лучшее. Потом думал о своей судьбе, понимая, что ничего нельзя загадывать на будущее. Сейчас ему просто подфартило, как иногда говорил о себе Соловьёв.

Во время обеда он успел поесть и сходить, вместе с Санькой в кладовую и получить матрас, одеяло и подушку. Потом нагрузил тачку чурочками и привёз их к экскаватору. Забросил их на площадку, отвёз тачку и, вернувшись, стал укладывать их в кассету, где они хранятся.

До конца смены израсходовалось около половины запаса чурочек, и Иван прикинул, что завтра утром будет достаточно одной тачки.

Экскаватор на какое-то время замер, посапывая струйками пара, и Иван услышал голос машиниста:

– Ваня, больше не подбрасывай: скоро конец работы!

– Понял! – ответил он, и, открыв топку, пощуровал в ней клюкой. Потом прочистил колосники и стал, шумовкой выгребать золу из поддувала и выбрасывать её на землю. Раздался звук гонга. Экскаватор, крутнувшись ещё несколько раз и замер. Машинист открыл какой-то клапан, и пар со свистом вырвался из котла.

Из-за корпуса машины вышел Матвей Ильич:

– Почистил?

– Ага, – ответил Иван, заглядывая в топку.

– Оставь дверку открытой и пойдём.

Иван спрыгнул с площадки, и они пошли по стерне, приминая сапогами старые стебли и поросль молодой травы.

Солнце висело у горизонта, освещая косыми лучами кудрявые вершины берёз, клёнов и ясеней, покрытых молодой листвой и ещё довольно прозрачные силуэты лиственниц.

По дороге Матвей Ильич поинтересовался у Ивана, как он попал в арстанты. Иван, в который раз, повторил историю своей судьбы. Тот сочувственно покачал головой, но ничего не сказал, и, ничего больше не спросил.

После ужина, Иван зашёл рассказать мужикам из прежней бригады о новой работе. Все за него порадовались. Когда пришёл в общежитие, в комнате, где он поселился, все расположились ко сну. Матвей Ильич, заложив ладони под голову, смотрел в потолок и не взглянул на него, когда он вошёл. Колька – молотобоец курил, лёжа на кровати и стряхивал пепел прямо на пол. Соловьёв, тоже лежал на кровати, но он повернул голову и спросил:

– Ты где-то задержался? Поди, расспрашивали о первом дне?

– Ага. Хлопцам рассказал.

– Ну и как работа?

– Гарно, хорошо, – поправился он, – чурки бросать – не брёвна таскать.

– Это конечно, – согласился Санька.

– Сань, ты вроде курил, вечерами? – напомнил Иван.

– Это было с тоски. Как в кузню перешёл, так бросил. За день и так много дыма наглотаешься. Вот Колян у советую бросить, не хочет.

– Вот докурю и брошу, – ухмыльнулся тот.

Иван снял сапоги, повесил на них портянки и улёгся на кровать. Он пошевелился на кровати и почувствовал что-то вроде счастья: впервые за год и три месяца он лежал на нормальной, отдельной да ещё с пружинами кровати. Сумерки сгущались, и он уснул с мыслями о том, что может и дома всё сложилось хорошо.

День за днём Иван привык к новой работе. Проявлял интерес к работе экскаватора, и это нравилось Матвею Ильичу. Он показал ему, как производить смазку цилиндров, в которых ходят поршни, нагнетая в них винтовым шприцом солидол. Показал, как и куда заливается вода в котёл. Начала донимать жара, но выпадали и пасмурные дни, а иногда экскаватор работал так, что тыльная сторона, где находился Иван, большей частью была в тени. Видно было, что машинист был доволен своим кочегаром. Однажды он даже пошутил, обращаясь к Саньке:

– Иван-то начинает кумекать, спрашивает, как работает золотник. Он, видать, решил меня посадить качегарить, а самому за рычаги.

– Вы что? – удивился Иван, не поняв шутки.

Они оба рассмеялись, а Санька продолжил:

– А у меня Колька всё на лету хватает. Наверно тоже хочет мне кувалду всучить, а самому молоточком позванивать по наковальне.

– А, что, Ваня, нам на них только любоваться? Поработали, дайте дорогу молодым, – поддержал шутейный разговор Николай.

Ивана радовало, что он попал в комнату с такими людьми, как молчаливый и сдержанный Матвей Ильич, Санька, которого он знал больше года, и который всегда ему нравился за бодрость и весёлый, неунывающий нрав и этот бесшабашный Колька, младше его на один год. О нём он уже знал, что попал он сюда за драку. В это время он был учеником слесаря в паровозном депо, пришёл в клуб «Красный рабочий» на вечер слегка подпитый. Его не пустили в зал дежурившие комсомольцы. Девушку он не тронул, а парню съездил по физиономии, завязалась драка. Подскокил ещё один, и он отлупил обоих. Второй, вроде подскокил разнимать их, он оказался секретарём комсомола механического завода. Коляну привязали политику и вместо трёх лет за драку, дали шесть.

С началом лета рабочий день продолжался двенадцать часов, но иногда устраивали выходные, банные дни. Пока бригада Ивана была в лесу, другие плотники из оставшегося тонкомера срубили баню недалеко от той избушки, в которой они жили. Но оборудовали её только в июне.

И вот однажды в такой вечер, после бани, когда Николай ушёл играть в карты, Матвей Ильич сказал:

– Эх, ребята! Как не странно, я приложил руку к вашей судьбе

– Как это? – удивился Санька.

– А очень просто. Я был коммунистом и был делегатом пятнадцатого съезда партии в декабре двадцать седьмого года. На нём было два основных вопроса: один об оппозиционном блоке Троцкого и Зиновьева, который отошёл

от ленинизма, и второй о коллективизации сельского хозяйства.

Блок Троцкого с Зиновьевым разгромили и, наверно слышали, что потом Троцкого выслали из страны. А по сельскому хозяйству Сталин убедительно доказал, что спасение страны и сельского хозяйства только в объединении крестьян. И большинство проголосовали за это и я в том числе, — он помолчал и добавил; — потом сам на этом погорел.

— Почему погорел, Матвей Ильич? — спросил Иван.

— В двадцать девятом году группу коммунистов во главе с кандидатом в члены ЦК и члена Президиума ВСНХа Мартемьяном Рютиным послали в Сибирь на проведение коллективизации, и меня в том числе.

— А что за организация? Эта ВСХ? — спросил Саня.

— Это Всесоюзный Совет Народного Хозяйства, — ответил он и продолжил:

— Разъехались по Сибири. Я попал в Урузовский район. Проехал по деревням: бедняков три, четыре двора на деревню, остальные крепкие хозяйства — не хотят вступать в колхоз. Райком партии, выполняя указание ЦКа, пригрозил, что кто не вступит в колхоз, будет раскулачен. Помню, в деревне Большие Ельники, остановился я у одного крестьянина. У него дом на три семьи. Сам живёт и два сына с семьями. У них три лошади, три коровы, ну и другая живность. Батраков нет. Иногда из района на уборку приезжают мужики подработать. Положенное по налогу всё отдают. С чего это, его раскулачивать? Я выступил на районном совещании и призвал, не торопиться в таких деревнях с колхозами и раскулачиванием.

Вернулись в Москву. Рютин собрал все наши отчёты и написал записку в Политбюро о творящемся в Сибири беззаконии. Его со всех постов сняли и послали заместителем редактора газеты «Красная звезда». А на меня и ещё двоих

пришли жалобы из Губкомов, что мы выступали против колхозов. Тот, кто промолчал, остались в стороне, может, с выговорами, а нас исключили из партии и дали по десять лет. Вот такие пироги.

Иван впервые видел и слышал человека, который был где-то вверху, принимал решения на всю страну и невольно проникся к нему с ещё большим уважением, несмотря на то, что, как он сказал, виноват в их бедах.

А через полмесяца с ним пришлось распрощаться, так как управление решило отправить экскаватор в другое место. На прощание Соловьёв достал где-то чекушку водки, выпили понемногу, закусив хлебом, и поговорили о жизни. В конце разговора Матвей Ильич сказал:

– В известиях пишут, я у механика читал, что на заводах стали выявлять вредителей, так, что мы с вами – первая волна, ждите пополнение. А может, с ними ещё жёстче обойдутся.

Утром он погнал свой экскаватор на центральную базу, в «Пионерский», а Ивана, механик направил кочегаром к котлу промывочного насоса.

Бригада промывщиков встретила Ивана нормально: без расспросов и подшучиваний, как иногда бывает. Машинист насоса, которого звали Владимиром, был чуть старше его. Он рассказал ему обязанности по обслуживанию когла, которые почти не отличались от того, что он выполнял на экскаваторе. Прежде всего, до завтрака, растопить топку насоса и проверить, есть ли вода в подпиточном баке. Машинист – Володя с некоторым удовольствием, пояснил устройства насосной установки:

– Здесь, поршень насоса. Он вертикально соединён со штоком помпы и при подъёме поршня, он всасывает воду в помпу, а при опускании нагнетал её в бак промывочного шлюза. С кумекал?

– Понял, – кивнул головой Иван.

В первый день Иван с интересом рассматривал промывочную установку и работу на ней. На невысокой металлической конструкции был бункер для песка и бак для воды. К ним примыкал широкий, тоже металлический шлюз, который был устлан ворсистым ковром и тонкими узорами из металла. Наклон шлюза был небольшим, а к концу почти пологим. Оператор или промывщик, как его все называли, открывал шибер и высыпал порцию песка в шлюз, затем открывал воду, которая через узкую щель разливалась по шлюзу, смывая песок и мелкие гальки. После этого два съёмщика выбирали из ворса крупинки золота в специальные совочки. За съёмом наблюдал лаборант-охранник. Песок в небольшой вагонетке подвозили двое рабочих из забоя и перегружали его в приёмный бункер. Отмытый песок отгребал от шлюза рабочий, а когда накапливалась куча, грузил его на большой металлический лист с бортиками с трёх сторон. Загруженный лист прицепляли к трактору «Фордзон», и тракторист отвозил его в отвал, где рабочий сдвигал песок с листа.

Иван уже к концу первого дня понял весь процесс работы промывочной установки и, продолжая следить за поддержанием пламени в топке, два раза помог рабочему загрузить лист отмытым песком. Володя – машинист насоса не возразил, хотя сам не помогал в этом. Съёмщики и лаборант, да и промывщик Иван Семёнович, были людьми не разговорчивыми. Владимир, его фамилия была Лурин, наоборот – поговорить любил. Во время остановки, когда котёл едва сипел, он заводил разговор, о чём придётся. Конечно, спросил Ивана, как он сюда попал, но о себе сказал, что ему «не повезло». Рассказал, как у них с фабрики послали двух рабочих слесарей, членов партии, организовывать колхозы в ближнем районе. У одного вроде получилось, а у второго нет, и он вернулся. За это его членство в партии приостановили на год. А про себя ничего не рассказал. Удалось, пере-

броситься несколькими словами с рабочим у шлюза. Узнал, что он из Белоруссии. Из тех, что встречали их этап на центральной базе. Сказал, что и те, что загружают песок тоже оттуда. Иван сказал ему, что один из тех, что готовят чурки для котлов Кирилл Морвович, тоже из Белоруссии.

– Да тут наших много. Здорово подшерстили, – ответил тот.

Работа пошла своим чередом. Иван быстро освоился. Сам вызвался помогать Владимиру, когда он приступил к смазке механизмов, а здесь их было гораздо меньше, чем на экскаваторе. Владимир оценил его желание помогать и стал ему рассказывать устройство золотника, чертя палочкой на земле.

Все, кто работал на установке, кроме трёх рабочих, жили в общежитие. Промывщик, тракторист и Владимир жили в одной из крайних комнат, где было шесть коек. С ними ещё жили три слесаря, два из ремонтного цеха и один дежурный. Съёмщики золота и лаборант жили отдельно. Говорили, что у них ещё две свободные койки, у них иногда ночуют экспедитор и охранник – ГПУшник, когда приезжают за золотом. В другой крайней комнате жило четверо работников столовой и двое заготовителей чурок. Иван спросил у Саньки, почему в их комнате только четыре койки? Ведь есть место для пятой. Тот ответил:

– Когда мы заселялись, таскали кровати и просто, в эту комнату не хватило. Мы с Колькой тут и поселились.

Иногда по вечерам Иван заходил в барак к товарищам по прежней бригаде. Обычно, Степан Хвыля спрашивал, с улыбкой:

– Как, Ваня, механизмы крутятся?

– Крутятся, если чурками досыта кормишь, – ответил он шутливо.

Все конечно знали, что он работает кочегаром.

– Не пыльная работа, – заметил Клочков.

От них он узнал, что контору заканчивают конопатить, крыша почти готова. Начали окосячивать окна, и строить перегородки. Дали двух мужиков засыпать сухую землю на чердак. Раньше самим приходилось это делать. Им сказали, что в конторе будет три выхода из комнат для руководства, из комендатуры и из большой комнаты, про которую ничего не говорят.

Клочков сказал:

– Наверно под каталажку.

Позднее Николай Оглоблин сказал, что из барака, который они сложили и начали ставить стропила, будут делать квартиры для вольных.

Промывка песка продолжалась. За месяц работы он так и не узнал, как звать съёмщиков золота и лаборанта. Однажды, по простоте душевной, спросил у них:

– Сколько сегодня намьли?

– Сколько надо, столько намьли, – ответил один из них.

Больше Иван не спрашивал. Иногда кто-нибудь из них говорил: «Что-то сегодня «маловато» или «Сегодня нормально», но ни когда не называли количество.

Санька, как-то вечером, когда Иван сказал о поведении съёмщиков, произнёс:

– Им, Ваня, наверно запрещено говорить о количестве. Они, наверно, на крючке у ГПУшников, или сами сотрудники. Может, потому ни с кем не контактат, только слушают.

– Точно, – подтвердил Колька и добавил, – ты при них лишнее не сболтни.

– Там не с кем разговаривать. Только с Володькой, но он про такое помалкивает.

– Правильно делает, – заключил Санька.

Каждый раз перед сном вспоминал родных, силился успокоить себя, и что сейчас они зря о нём беспокоятся. Что у него сейчас всё хорошо: работа лёгкая, по сравнению с той, что была или с теми прежними испытаниями, выпавшими

на его долю в Мариинске, и потом в поезде. А сейчас и еда нормальная и сплю на кровати, как нормальный человек. Он понимал, что всё может вмиг измениться по воле какого-нибудь начальника. А когда невольно перебирал в мыслях, всё, что может произойти, отгонял их каждый раз, хотя они снова лезли в голову. Сейчас, на данный момент в заботе о матери и сестрах, молитвенно просил: «Боже, успокой их сердца и помоги им».

В третьей декаде августа никогда не улыбающийся, с насупленными бровями и продолговатым лицом лаборант, произнёс во время работы, глядя на промывщика:

– Песок совсем бедный пошёл.

– Я, Валентин Степанович, его не делаю.

– Начальство, через экспедитора, передаёт, что если так будем работать, нас на одну перловку переведут.

– Что ж, будем, есть одну перловку, – ответил Иван Семёнович, – Можем ускорить промывку, но вряд ли это что даст, а брак увеличит.

– Это твоё дело, – ответил лаборант-охранник, сидя на траве небольшого бугорка и утирая лоб рукавом парусиновой куртки.

Из этого разговора Иван впервые услышал имя и отчество лаборанта. А про его парусиновую куртку, которую тот никогда не снимал, Владимир говорил, что она наверно прикрывает револьвер с кобурой.

Чуть позднее из разговоров между съёмщиками выяснилось, что одного зовут Роман, второго Михаил.

Через несколько дней, после того разговора, приехали: начальник участка Седых Виктор Иванович и десятник Сергей Николаевич. Они поздоровались, постояли, наблюдая за промывкой. Десятник сказал, обращаясь к промывщику:

– Попробуем шурф заложить чуть в стороне.

– Наверно, надо, – согласился тот.

Иван в это время помогал рабочему грузить отмытый песок на лист. Когда загрузку закончили и прицепили лист к трактору, Иван посмотрел, где же начальство. Они стояли, невдалеке рассматривая местность.

Через два дня утром, пришёл десятник с двумя рабочими, а следом приехала подвода, с нарезанными из плах досками. Возчик сбросил их в указанном ему месте. Иван уже знал, что шурф – это обычный колодец, только его копают не до воды, а до песка или залежей руды.

Через неделю шурф был готов. Той же бадьёй, что вытаскивали из него землю, стали вытаскивать песок и носить в приёмный бункер. Первые же смывы показали, что этот песок значительно богаче. Проработали так день, чтобы сравнить с вчерашним днём. На другой день лаборант сказал, что выход золота на шестьдесят процентов выше. Ещё один день поработали из этого шурфа, а потом продолжили мыть прежний песок. Стало известно, что экскаватор занят на втором участке и нет лебёдки, чтобы таскать вагонетку с трёх метровой глубины, на которой залегал пласт у шурфа.

Проработали до середины октября и с первыми заморозками промывку прекратили. Съёмщики сняли ворсистые коврики с промывочного шлюза и уехали на главную базу, в посёлок Пионерский.

Иван с Владимиром, потушив топку котла, слили с насоса воду, смазали все механизмы и пошли работать в ремонтный цех.

Работать в цехе Ивану нравилось. На дворе то снег, то дождь, потом морозы, а тут тепло. Сначала помогал ремонтировать трактор. Промывая детали в керосине, он узнавал их названия и назначение. Тракторист Василий Блинов охотно всё пояснял. Он был старше его года на три. У него были присказки: «О, и к бабке не ходи!» – при удаче и «Вот те раз, собачий потрах!» – при, неудаче. Он был круглолиц

со светло-серыми глазам и вздёрнутыми, словно в удивлении, бровями. С ним Ивану работалось легко и просто.

Потом привезли поломанную паровую лебедку, которую пришлось ремонтировать с Владимиром и дежурным слесарем. Звали его Олег Иванович Глазов. Он был грамотный техник. Говорил, что работал на шахте в Донбассе. Лебёдку ремонтировали больше месяца, потому, что некоторые детали готовили в городе Свободном.

В ремонтный цех часто заходил Кирилл Маркович. Он теперь не только готовил дрова, но топил две печи мехцеха.

С августа он стал старшим в своей бригаде заготовителей дров. Туда добавили четыре человека. Его напарник Анатолий топил печи в общежитии, а остальные только готовили дрова и развозили их на санках в бараки и столовую.

Иван недолюбливал его за случай на кирпичном заводе, а тот при встрече щерился и твердил одну фразу: «Как дела, Хохляндия?»

В середине декабря механик приехал с центральной базы вызвал к себе Глазова и Соловьёва, разложил перед ними чертежи и сказал, что предстоит сделать вагонетку-скип. К этой работе, как подручного слесаря, подключили Ивана. Сам он решил, что подключить его к этой работе посоветовал Василий Петрович – тракторист.

Собрались у Саньки в кузнице, и Олег пояснил, Ивану и Кольке-молотобойцу, что вагонетка сложная, сама должна разгружаться в бункер, когда её подтащит лебёдка.

Дня через два привезли металлические листы пачку уголков, кругляк для осей и другие железяки, как их обозвал Иван, не зная названия «швеллер». Работа началась. Сначала делали заготовки, и Иван в основном таскал, подавал, держал, но потом ему досталась работа - пилить ножовкой по металлу, кругляк на оси. Пилил почти весь день. Но дальше работа была ещё сложнее, надо было отпилить

несколько разных кусков швеллера. Иван пилил больше недели и ещё иногда подменял его Олег.

Все с ним сдружились, и он переселился в их комнату. Он был старше Саньки на один год. У него были тёмные волосы и брови, тёмно-карие глаза, нос с небольшой горбинкой и, заросшее короткой щетиной, лицо. Он, как и многие, брился один раз в неделю в бане, у парикмахера.

В вечерних сумерках, после ужина, велись разговоры о жизни. В один из таких вечеров Олег поведал свою историю:

– Я жил в городе Шахты в Донбассе. После пятого класса в двадцать втором году меня приняли учеником слесаря в мехцех шахты. Мне уж было восемнадцать лет. Через год присвоили первый разряд и направили на курсы рабочего обучения., через шесть месяцев присвоили третий разряд. Стал работать самостоятельно. Два года – в мехцехе, а с осени двадцать шестого – дежурным слесарем на уклоне, по которому лес крепёжный спускают в шахту. Там в деревянном здании стояла большая лебёдка. Я обслуживал механическую часть и воздушную магистраль. У нас стали применять отбойные молотки, это ещё редко где было. В этот же год женился. Старший брат помог халупу построить. Кое-чем с Машей обзавелись. На следующий год, родилась дочь, Зиной назвали. Всё, вроде, путём, а осенью двадцать восьмого, загремел «под тарары». Слышали, про «Шахтинское дело»?

Никто не слышал, и они только пожали плечами. Олег продолжил:

– Стали арестовывать инженеров, якобы они связаны с границей и занялись – вредить производству. Тут я и попал под горячую руку. В тот день надо было долить масло в редуктор и смазать подшипники. Я всё сделал, как надо, и пошёл по уклону в шахту. Прошёл вдоль всей магистрали воздуха – «шинунов» не было. Если дырка в шланге или

трубы плохо соединены воздух вырывается и шипит. Всё было нормально. В одном месте шланг провис. Я ещё подумал: «Надо в следующую смену взять деревянный колышек и поднять его выше. А случилось так: только вторая смена начала работу, в этом месте шланг лопнул. Стали разбираться, кто работал в предыдущую смену – я. А тут ещё подшипники на лебёдке стали греться. Разобрали, а там песок! Меня за жабры. Сразу ОГПУшники в оборот взяли:

– Скажи, кто из инженеров велел тебе это сделать?

– Никто не велел, – отвечаю.

– Значит, ты сам вредитель.

– Набили мне морду и сказали: «думай»

Через пару дней вызвали на допрос. То же самое спрашивают. Говорю:

– Может шланг вагонеткой, для перевозки леса, перебило, если забурилась.

– Там, как ножом надрезано, – говорит следователь

– Так у меня с собой ножа не было, – отвечаю я.

– Ты мог его выбросить. А песок как в смазку попал?

– Может солидол такой привезли? – говорю.

– Нет, везде чистый, кроме, как в ведре.

– А через две недели на допросе следователь показывает листок и говорит:

– Вот показания инженера Критицкого, который признаётся, что велел слесарю Глазову насыпать песок в подшипники и другие дела делать.

Я говорю: никакого инженера Критицкого не знаю и задания мне никто не давал.

Видать ему поддали больше, чем мне. В общем, признали вредителем, но как рабочему сделали скидку и дали семь лет. Обидно, уже по дороге в Сибирь я додумал, как получилось. За неделю до этого в помещении подъёма повесили противопожарный щит. Здание-то деревянное. На щите багор, два топора, два ведра, под ним – ящик с песком. На-

чальник участка увидел, что он не полный и велел мужикам, досыпать. Те пообещали. В углу, у дверей, всегда стояло ведро с солидолом, и рядом поставили этот ящик. Когда досыпали песок в ящик, могли просыпать в ведро, а кто-то из слесарей-сменщиков пополнил ведро солидолом, не заглянув в него. Вот так и получилось. А шланг, точно перебили вагонеткой, но никто не сознается. Под давлением воздуха не сразу, но шланг в этом месте лопнет. Как говорится: «После драки, кулаками не машут», – он вздохнул и провёл ладонью по лицу.

– Олег, может это всё написать и отправить в суд вашего города? – предложил Санька.

– Мне на пересылке один советовал, а второй сказал: «Они уже отчитались и отрапортовали, что выявили и наказали вредителя. Так, что бесполезно.

Он лёг на кровать и предложил:

– Давайте спать. Ничего мы не придумаем, хорошего.

– Больше месяца их группа занималась только заготовками. Олег, рассматривал чертежи, делал разметку мелом или специальной чертилкой, царапая по металлу, а Иван большей частью держал лист железа или что-то другое, пока Санька с Колькой кузнечным зубилом, вырубали эту деталь. Потом в деталях делали отверстия под заклёпки, и Олег подшучивал над Иваном:

– Ну, ты и наклепаешься, вдоволь, пока её соберём.

Саня показал, как делаются заклёпки из круглого тонкого прутка и сказал:

– Так как у нас одна наковальня, надо принести чурку повыше от дровосеков, положить на неё заготовку кувалды и Николай с Иваном смогут делать заклёпки, а мы с Олегом продолжим пробивать отверстия.

Иван принёс чурку, всё сделали, как сказал Саня и начали работу. Иван держал прутки, а Николай от раскалённого

конца отрубал, при помощи кузнечного зубила и небольшой кувалдочки, короткие стерженьки. Иван спросил:

– Длина, один дюйм?

Николай кивнул головой. А он вспомнил, как Олег рассказывал, что некоторые новые чертежи выходят с размерами в миллиметрах и сантиметрах, но и в дюймах тоже. Словно прочитав его мысль, Олег произнёс:

– Дюйм, чуть меньше двух с половиной сантиметров.

Иван с благодарностью взглянул на Олега. Ему нравилось, что он всегда всё объясняет или показывает, как что делается. Всё, что ново, Ивану было интересно. Поэтому, когда Николай собрал с земли совком все стерженьки и бросил в огонь горна, с нетерпением ждал, когда они накалятся. Вот Николай вынул щипцами один стержёнок, вставил в отверстие формы, взял молоток, ловко, в несколько ударов, сделал круглую шляпку и вытряхнул готовую заклёпку на землю. Иван не выдержал и попросил:

– Дай я попробую!

Николай подал ему щипцы. Иван сделал всё, как видел, но шляпка у заклёпки съехала в сторону.

– Бей не сильно и с разных сторон, – пояснил Николай.

Вторая заклёпка получилась нормальной

– Вот Иван наловчился, пусть поделает. Дай, Саня, кувалду, я помахаяю, а ты поддержи. У Олега по важней дела есть.

До конца работы Иван сумел изготовить тридцать шесть заклёпок и считал этот день, самым удачным.

Зиму Иван практически не заметил: до конца марта клепали заклёпки, собирая вагонетку. Правда, Олег сказал:

– Мы не правильно называем её вагонеткой, это маленький скип. Видите, переднего борта нет, чтобы опрокидываться, песок высыпался в приёмный бункер. Так что – это скип.

– Нехай, скип, лишь бы песок возил, – улыбнулся Иван.

– Правильно, – согласился Саня.

В начале апреля Сан Саныч – механик, приехав с центральной базы, сказал:

– Колёс не достали, придётся делать самим.

– А бандажи с ребордой из чего делать? – спросил Олег.

– Вон из уголка пятьдесят на пятьдесят, – мотнул головой механик.

– Слабоваты будут, – засомневался Олег.

– Какие будут. Пойдём, Олег, надо чертёж составить.

Когда они ушли, Колька спросил:

– Что за бандаж с ребордой.

– Видел у вагонов на железной дороге колёса? Вот выступ, чтобы колесо с рельса не сходило и есть реборда.

Колёса делали чуть не два месяца. Уже в конце апреля прислали бригаду рабочих, вскрывать песчаный пласт, и следом пригнали экскаватор. Иван поинтересовался: не Матвей ли Ильич прибыл, но оказалось, кто-то другой.

Первое колесо изготовили неудачным: бандаж при частых ударах по нему молотком слетел с колеса. Пришлось переделывать. Остальные получились нормальными. Олег сказал:

– С горем пополам, но вагонетка-скип готова

На следующий день приступили делать заготовки из швеллера для небольшой эстакады у приёмного бункера промывочной установки. Собирали на месте болтами, укрепили два блока для каната лебёдки, которая будет таскать вагонетку-скип.

Вскоре пласт был вскрыт, уклон выровнен Ивану с Олегом, Володей и Иваном Семёновичем – промывщиком, пришлось укладывать рельсовый путь и устанавливать паровую лебёдку.

Приехали съёмщики с лаборантом, и промывка песка с нового места началась. Ивана снова направил кочегаром к паровому насосу Володи.

Конец мая и весь июнь промывка шла нормально. Даже съёмщики стали утверждать, что съём золота хороший.

В начале месяца заработала контора. Приехал начальник участка. Ему первому оборудовали квартиру. Следом приехал комендант и сразу решил проверить личный состав подневольных. После ужина у конторы собралась вся братия. Всем хотелось поскорей отвязаться от этой мороки. Дружно, пришла бригада Оглоблина. Он за руку поздоровался с Иваном и спросил:

– Как дела?

– Нормально, моем.

– Надо, чтоб было гарно! Видишь, как со жратвой стали зажимать?

Иван понял, что он имел в виду: с июня ввели талоны на питание в столовой и урезали выдачу хлеба. Теперь давали по кусочку на завтрак и ужин и два на обед.

– Это не от нас зависит, – ответил Иван, здороваясь за руку со Степаном, Лёхой и Петром. Степан пошутил:

– Ты там, у котла, не мёрзнешь? Хотя, солнце пригревает.

– Мы иногда от «холода» на речку греться бегаем, после обеда, – в тон ему ответил Иван.

– Смотри, Лёха, они там прямо, как люди живут.

Из разговора с ними, Иван узнал, что звено Петра заканчивает оборудовать квартиры. Оглоблин, со своими, начал рубить конюшню, чуть поодаль от бани. Николай по этому поводу заметил:

– Видать здесь и дальше работы развернут, коли всю базу расширят.

Подошла очередь, зайти Ивану. Комендант сидел с левой стороны стола и повернул к нему лицо. Иван видел его до этого только два раза: при прибытии и когда бригаду направляли рубить первые бараки. У него было овальное с

тонким подбородком лицо, тёмно-русые волосы, широкие в одну линию брови, светло-голубые, слегка на выкате, глаза и большой с горбинкой нос. Он был в форме и гладко выбрит. Иван представился, как это было положено. Тот прошёлся взглядом по списку, на столе, поставил крыжик карандашом и произнёс:

– Иди Рыбак, рыбачь дальше.

Выйдя, Иван махнул рукой на прощание товарищам и пошёл в общежитие. Тревожное состояние прошло.

Все лежали на кроватях, когда он вошёл и обратился к Сане:

– Как думаешь? Комендант теперь будет нас мурыжить каждый день, как на кирпичном?

– Думаю нет, – ответил он, – Сан Саныч сказал, что сегодня он с комендантом уезжает в Пионерский.

Уже перед сном Иван, вдруг сказал:

– У такого горбоносого фамилия – Перебейнос.

Отозвался Олег:

– Подходящая фамилия. Ведь он, наверно, не одному нос поломал.

– Точно, – зевнув, подтвердил Колька.

Промывка шла успешно. Съём золота был хороший. Начальник участка Седых Виктор Иванович часто бывал у промывщиков на карьере и довольно потирал руки.

У Ивана с товарищами тоже поднялось настроение. Вернулся с Пионерского слесарь Гошка, который помогает в ремонте экскаватора, и привёз карты. Теперь частенько по вечерам, а особенно в выходные, после бани, резались в карты. Собирались в большой комнате у Володи, где жил тракторист, промывщик и Гошка. Промывщик Иван Семёнович, как-то пожаловался на то, что молодёжь стала собираться, шумит, не даёт спать. И неожиданно лаборант предложил ему.

– Переходите к нам, у нас одну койку можно занять.

И в тот же вечер Иван Семёнович переселился к ним. Игры пошли бойчее: никто не шикал, что мешают спать.

Жизнь налаживалась, и Иван благодарил Бога, что ему удалось перейти на работу в мехцех. В последнее время его терзала мысль о том, что вот он так живёт, а домашние думают, что он сидит в какой-нибудь тюрьме. А тут ещё произошло событие, которое никто не мог ожидать. На днях механик Сан Саныч взял Олега Глазова с собой в Пионерский, на центральную базу, чтобы он выбрал нужный для цеха инструмент, который поступил на склад. Тот, вернулся па подводе с возчиком один. Привёз ящик инструмента и чемодан.

Вечером, когда все собрались в комнате, он неожиданно выдвинул его из-под кровати и раскрыл: удивления не было предела. В нём лежали: четыре банки консервов, палка сухой колбасы, булка круглого хлеба и две бутылки водки. На общий вопрос: «Откуда?», улыбаясь, пояснил:

– На Пионерском посёлке открыли торгсин – магазин, в котором принимают намытое золото, и выдают специальные боны. Один рубль в болах равен пятидесяти рублям обычных и на эти боны можно, тут же, купить, что хочешь. Вот, мужики по воскресениям и моют золото в латках на отвалах. Один грамм золота – полтора рубля в болах, это семьдесят пять обычных рублей.

– Гарно, – вырвалось у Ивана.

– Здорово, – произнёс Санька и спросил, – ты-то, как успел?

– Это не я. На пересылке в Благовещенске сдружился я с Серёжкой Глововым, с Урала, он сейчас работает машинистом насосной установки, в Пионерском. Они уже там полтора месяца, как начали мыть золото. Встретились, он мне это всё рассказал и повёл в торгсин. За всё это он отдал два рубля с полтиной в болах.

Колька покрутил головой, а Иван спросил:

– А грамм золота это сколько от фунта?

Олег ответил:

– Четырёх, сотая часть.

Иван покачал головой, а Санька сказал:

– Долго мы этим будем любоваться?

– Любоваться не будем, – сказал Олег, – но предлагаю, – сейчас понемногу выпьем, а у меня, послезавтра, день рождения, тогда со всеми посидим.

Все согласились. Колька первый с удивлением спохватился:

– Из чего пить будем, у нас на общежитие одна кружка и та в коридоре к бочку привязана.

Олег загадочно улыбнулся и поднял из чемодана бумажный свёрток. В нём оказались четыре упакованных стакана.

– Ну, ты прямо как волшебник, – восхитился Санька.

Олег выставил их на стол, дунул в каждый из них, выдувая пылинки, потом достал из кармана перочинный нож, со словами,

– У Серёги выпросил, он себе другой купит, – взял палку колбасы, разрезал её пополам и, порезав одну половинку на четыре куска, спросил:

– Хлеба отрезать?

Все промолчали. Он взял булку и нарезал от неё четыре ломтя. Потом взял одну бутылку, ловко ударил её под дно, и картонная пробка с сургучом, отлетела в сторону. Разлив водку по стаканам, сказал:

– Но колбасу я вам хрен буду чистить.

– Да ладно, – протянул Колька.

Все взяли стаканы и посмотрели на Олега. Он произнёс:

– Давайте, мужики, выпьем за то, чтобы всем вернуться домой и чтобы жизнь наладилась!

Чокнулись стаканами и выпили.

Иван почувствовал жжение в желудке, откусил кусок нечищенной колбасы и стал усиленно жевать, прикусывая хлеб.

Все поступили так же, ни кто не стал колбасу чистить.

Прожевав, Иван, с улыбкой и грустью поведал:

— Эх, хлопцы, последний раз япил горилку за день до ареста у дружка Гриньки, а такую колбасу дома ели во время НЭПа, брат привозил из Житомира.

Все стали вспоминать последние застолья

Как раз в день рождения Олега, случилась неприятность. В забое, загружая вагонетку, рабочие не заметили, что под одно колесо попал камень. Закончив загрузку, они дали от-машку машинисту лебёдки Лёшке Сидорову — тянуть. Тот включил лебёдку, и едва она двинулась, колесо, наехав на камень, соскочило с рельса, как принято говорить: вагонетка забурилась. Одного рабочего послали в мехцех за Олегом. Тот пришёл. У вагонетки собрались: Лёшка, Гриша с Владимиром и Иван. По старой памяти, он предложил при помощи ваги поставить передние колёса на рельсы. Олег не согласился:

— Нельзя, реборды тонкие погнём, дел будет ещё больше. Надо разгружать.

После выгрузки песка, все вместе приподняли перед вагонетки, и поставили колёса на рельсы.

Задержка в промывке составила около часа. Во время обеда, кто-то сказал начальнику участка, все решили, что это лаборант, и Олега вызвали для объяснения. Дальше день прошёл, как обычно.

Вечером, как и договаривались, собрались в большой комнате, отметить день рождения Олега. На недоумённые вопросы, других, Олег снова пояснил и только Гошка Дёмин, сказал, что знает про торгсин и прихвастнул:

— Я сам начал делать лоток из бересты, но меня опять сюда с экскаваторщиком услали.

Но Олег ещё раз всех удивил, когда выставил на стол две бутылки водки.

– Ну, Олег, ты на самом деле фокусник! – улыбнулся Санька

Тот ухмыльнулся:

– Мы с Серёгой купили три бутылки, но одна в чемодан не вошла. Я её всунул в две рукавица и положил в ящик с инструментом.

Все заулыбались, довольные такой находчивостью.

Открыв ножом две банки рыбных консервов, Саня выложил из кармана восемь деревянных ложечек, в виде лопаток, но слегка изогнутых и сказал:

– Во! Колька смастерил, – стал резать колбасу.

Олег, нарезав хлеб, разлил первую бутылку и предложил выпить хозяевам комнаты. Тракторист Василий Петрович, как самый старший, предложил выпить за Олега. Те, посмотрев на него, подняли стаканы, чокнулись и выпили.

Олег разлил вторую бутылку и когда, теперь свои, разобрали стаканы, сказал:

– За меня уже выпили, давайте выпьем...

В это время раскрылась дверь и в комнату заглянул, Рюха Моркович, он с минуту смотрел, молча, потом спросил:

– Эскаваторщик где? Его начальник в контору требует!

– Он рядом живёт, – ответил Володя.

– Вот, паразит перебил, – возмутился Олег и продолжил,

– В общем, чтобы всем вернуться домой!

Выпили. Закуска быстро исчезла. Начались разговоры.

Василий Петрович, спросил Олега:

– Виктор Иванович сильно шумел?

– Нет. Спросил: почему сошла вагонетка с рельсов. Объяснил и сказал, что бандаж нельзя было делать из такого узкого уголка. Реборда получилась невысокая.

– Седых нормальный мужик, – сказал Гриша, – зря шуметь не будет.

– Плохо, что нас увидел Рюха-дровосек, – вдруг сказал Володька.

– А что? Трепанётся? – спросил Олег.

– Кто его знает. Но мне знакомый мужик с кухни говорил, который с ним живёт, что Рюха хвалился, что комендант с ним минут пять беседовал и сказал, что они с ним земляки.

– Он к нам в кузню, частенько заглядывает, я с ним поговорю, – сказал Саня.

Несколько дней всё шло нормально, но по указанию начальника участка экскаваторщик начал расширять вскрышу пласта. И вдруг на глазах руководства, тут ещё был приехавший прораб, из-под ковша, поднявшего грунт, хлынул пливун: смесь воды и глины. Трое рабочих едва успели выскочить из забоя, а начальник участка крикнул машинисту лебёдки вытащить вагонетку из забоя. Карьер мигом заполнился пливуном на половину и приток прекратился.

Руководство решило, чтобы ускорить откачку, отсоединить насос от промывочной установки. Пока Володя с рабочими, при помощи трактора перетаскивали его к карьере, Иван побежал к дровосекам и привёз тачку чурок к новому месту установки насоса. Иван подбросил несколько чурок в топку, сбросил шланг с храповиком в пульпу и стал наблюдать: засосёт помпа воду или придётся заливать шланг. Расстояние до воды было небольшое, и вскоре вода от установки полилась по небольшому откосу. Все, кто был у карьера, с напряжением вглядывались: понизится ли уровень воды? И когда стало заметно, что вода убывает, оба руководителя ушли.

Откачивали до позднего вечера. Есть ходили по очереди, и всё же пульпа ещё осталась в карьере. Утром, до завтрака, запустили насос. Пришёл прораб Василий Иванович. Поинтересовался, не прибывает ли пульпа. Ему сказали, что нет. Он сказал: «Хорошо» – и ушёл, очевидно, к начальству. К середине дня в карьере осталась небольшая лужа.

Никто не предполагал, что с прорыва этой пульпы, начнётся полоса неудач.

Когда после обеда потащили насосную установку на место, на полпути сломался трактор. Олег с трактористом провозились до конца дня. Но, всё же пришлось привлекать кузнеца Саньку. Однако, стемнело и ремонт продолжился до середины следующего дня. К вечеру насосную установку поставили на место. Но промыть до ужина удалось только одну вагонетку.

Два дня проработали нормально, на третий день у вагонетки с одного колеса слетел бандаж, и вагонетка забурилась на подъёме. Пока разгрузили её и сняли колесо, прошёл примерно час, а это был уже вечер. Сан Саныч — механик не отходил ни на шаг. Для изготовления нового бандажа привлекли тех же, кто делал, в том числе и Ивана. До, темна, вырубали только заготовки. Санька сказал:

— Надо две, вдруг с первого раза не получится. Механик говорил, что начальник участка ругается, говорит, что с него шкуру снимут: вся надежда, по выполнению плана, на наш участок. На других участках и на нашей первой установке пошли бедные на золото пески, а тут такой съём — и на тебе — аварии.

Как и предполагал Санька, первый бандаж не получился. Сан Саныч возмутился, и в то же время говорил:

— Да не торопитесь. Надо делать медленно, по навёрняка.

Наконец всё получилось нормально. Санька постучал молотком по бандажу, прислушиваясь:

— Слышите, не дребезжит.

Установили колесо, — промывка началась.

Оставалось три дня до конца августа. Как сказал Гриша, узнав от экскаваторщика, лаборант каждый вечер ходил отчитываться к начальнику участка, и есть надежда, что хотя бы план участка вытянем. И в это время прогорает трубка в котле насосной установки. Теперь пришлось тушить топку,

ждать пока она остынет и только потом ремонтировать. Занимались ремонтом Олег и Володя. Хорошо, что у механика в инструменталке нашлись запасные трубки. Как они не колдовали, на ремонт ушло полтора дня.

В оставшиеся полтора дня, очевидно, выполнить план было невозможно, и механик сказал:

– План участка точно крикнул, а управления и подавно. Будут вправлять мозги.

Вечером в разговоре о последних событиях Олег задумчиво произнёс:

– Если серьёзно начнут искать виновных, то, как бы мы не оказались крайними.

– Ну, я думаю, Сан Саныч пояснит, что мы тут не причём, – сказал Саня.

– Если для отчёта будут искать виновного, он же себя не подставит, а холку ему и так намылят, – уточнил Олег.

Иван мысленно соглашался с Олегом, но больше надеялся, что может быть оправдаются слова Сани и механик заступится за них.

Срыв плана по добыче золота, по управлению, конечно, имел последствия.

Механик Кошелев шёл на совещание удручённым, так как понимал, что начальник управления Гречихин, обрушится на их участок и Седых придётся туго, но в итоге переключатся на механическую службу и на него. Главный технолог – Стрелецкий, на одном из совещаний, чуть не год назад, высказался, что в этом районе возможны пlyingуны, и теперь выйдет из воды сухим. Другие участки сошлются на бедность песков и с них – взятки гладки. То, что Гречихин приехал заранее и прихватил с собой коменданта Воронова, усугубляет серьёзность момента. Парторг Куницын может подлить масло в огонь и это опять на голову Виктора Ивановича – он член партии.

Опасения механика оправдались. Начальник управления, заслушав отчёты начальников участков, обрушился с упрёками на Седых, обвиняя его в недостаточном контроле, за работой контингента. Седых оправдывался тем, что все подразделения участка работали нормально, а техника — есть техника и она иногда выходит из строя.

— Что-то она выходит из строя, в самый неподходящий момент, — заменил Гречихин и, посмотрев на Кошелева, упрекнул:

— Похоже, ты, Александр Александрович, снизил обороты! Поясни.

Механик поднялся, понимая, что его доводы будут отвергнуты, но всё же, высказался:

— Павел Васильевич, техника старая, экскаваторы и трактора довоенного выпуска — иностранные, запчастей к ним нет, надо чуть не вручную их готовить.

— Подожди, — остановил его Гречихин, — Сейчас разговор не об этом, а об эксплуатации всего оборудования. Авария произошла на новой установке.

— Она проработала почти весь сезон, а изготовлена была собственными силами, — напомнил Кошелев, — Наверно в ней были какие-то изъяны.

— Изъяны выплезли в самый ответственный момент, — вклинился в разговор парторг и взглянул на коменданта.

— Об этом и разговор. Мы понимаем объективный причины, пульпа, поломка трактора, хотя его поломка не должна влиять на процесс промывки.

Совещание продолжалось в одном русле. Парторг Куницын ничего не предложил, только пообещал на общем собрании коммунистов обсудить создавшуюся обстановку и сделать выводы.

Выступил и начальник комендатуры, майор Воронов. Он упрекнул всех в притуплении бдительности, и даже свою службу. Он сказал:

– Товарищ Сталин говорит: «Всё решают кадры!» А вам, всем, надо помнить с какими кадрами вы работаете. Товарищ Сталин подчёркивает, что чем успешнее мы будем двигаться к построению социализма, тем больше будет недозволенных нашими успехами. Что? Все забыли «Шахтинское дело», когда инженерная служба нескольких шахт, стала на путь вредительства. Вполне возможно, что и здесь мы имеем такой же случай. Лейтенант Перебейнос это и ваши упущения. Я приказываю вам серьёзно разобраться во всех случаях. Завтра же Фёдор Осипович выезжайте на место, — закончил он.

После этих слов Кошелев почесал затылок, и понял, что его служба поредеет.

8

Но пыльной дороге под ласковым сентябрьским солнцем брела четвёрка арестантов и два конвоира. Шёл уже девятый день их скорбного пути. Они уже обо всём переговорили и шли, молча, шаркая ногами по пыли. Нет, нет, каждый из них вспоминал то злополучное воскресенье, когда после бани им передали, что приехал Перебейнос и требует всех к себе. Иван тогда сразу понял, что оправдались слова Олега да ещё Санькин разговор с Сан Саньчем, во время которого, он сказал, что его объяснения, по поводу аварий, не признают. Будет шорох.

Подойдя к комендатуре, увидели рыжую лошадь, запряжённую в кошёвку, а на крыльце двух огэпэушников с карабинами. Стало понятно, что всё оборачивается худо. Вызывали по одному. Первым вызвали Олега. Его не было несколько минут. Он вышел сел на ступеньке крыльца.

– О чём разговор? – спросил Колька.

– Не разговаривать! – прикрикнул один из вояк и, заглянув к коменданту, крикнул:

– Следующий!

До Ивана там побывали: тракторист Блинов, Саня Соловьёв, Гриша Дёмин. Блинов и Гриша сразу ушли, а Саня сел рядом с Олегом и с отчаяньем махнул рукой.

Когда зашёл Иван и представился, комендант приказал сесть на табурет и потребовал:

– Рассказывай, как вы так работали, что всё переломали? – его светлые глаза зло прищурились.

– Мы не ломали. Мы делали и чинили.

– Специально так делали, чтобы ломалось. Ты принимал участие в изготовлении вагонетки?

– Принимал. Но я только помогал.

– Значит, помогал делать такую вагонетку, чтобы она бурилась и ломалась.

Иван растерялся и не знал, как ему объяснить, а тот прозвёл:

– У следователя всё вспомнишь. Иди, посиди на крыльце.

После Ивана побывали: Николай, Лёшка – машинист лебёдки и Володя Вилков. Первых двух отпустили, а Володю задержали.

Через пару минут вышел Перебейнос и заявил:

– Вы арестованы и направляетесь в комендатуру на «Пионерский» к следователю, – сел в кошёвку и уехал.

Через несколько часов пришли в «Пионерский». По случаю выходного заперли в каморку при комендатуре. Коекак разместились вчетвером на узких нарах. Утром стали вызывать на допрос. Первым побывал Олег и довольно быстро вернулся. На вопрос Саньки:

– Ну, что там?

Ответил:

– У них одна песня: «Зачем снова стал на путь вредительства»

Вернувшийся с допроса Саня сказал:

– Я, Олег, твой пособник.

Иван до этого, где-то в глубине души, надеялся, что грамотный следователь, может, разберётся в этом деле. Теперь шёл без надежды.

Следователь оказался совсем молодым, но на петлицах было три кубика. Когда Иван представился, тот предложил сесть и с ехидной улыбочкой на красивом лице, сказал:

– Ну, Рыбачёк, расскажи, как ты помогал..

– Я не Рыбачёк, а Рыбак, – впервые в жизни он дерзнул перечить начальству

Улыбка исчезла с лица следователя, и он жёстким голосом спросил:

– Как гражданин Рыбак оказался пособником вредительства?

– Какого вредительства?

– Вы помогали делать вагонетку, зная заранее, что она будет разваливаться

– Она только раз сломалась. И я только держал и клепал заклёпки и не слышал ни о каком вредительстве.

– Допустим. Но котёл насосной установки ты вывел из строя?

– Там трубка прогорела. Котёл старый с двенадцатого года.

– Трубки, когда в них вода, не прогорают, говорят специалисты.

– А прогорела. Вода в топку полилась.

– Это ты сейчас говоришь. Ясно, тебя на это Глазов подбил, и подсказку дал, как вывернуться. Всё ясно. Иди.

Володя, выйдя от следователя, сказал:

– Иван, ты оказывается вредитель, а я за тобой не уследил.

В этот же день на Саню и Олега надели рюкзаки с провизией, и все бедолаги двинулись из Пионерского. Вышли по другой дороге. Через полверсты Иван удивился:

– Речки нет, через которую мы переправлялись.

– Скоро река Селимджа будет, по которой нас привезли, – сказал Володя, а с той стороны её приток.

Поднявшись на холм, увидели распахнувшуюся даль, а у подножья довольно широкую реку.

Спустились к воде и уже Олег сказал:

– Вон вниз по течению виден деревянный пирс, выступающий в реку, к нему и подгащили баржу.

– А у вас с Ваней пароход ночью сел на мель. Выгрузили на берег, и мы два дня шли до Пионерского пёхом.

Воспоминания прервал голос Володи:

– Что-то мне кажется, мы километров триста прошли.

От этих слов у Ивана чуть не подкосились ноги. Он почувствовал себя таким усталым, что сказал:

– Если сейчас не сделаем привал, я упаду.

Саня в пол оборота взглянул на конвоиров:

– Сержант, может, сделаем привал? Ребята устали.

– За поворотом, деревня, лучше у колодца отдохнуть, – отозвался тот.

– Ну, что? Потерпим ещё немного? – спросил Саня.

Все промолчали, продолжая шагать.

Лес из берёз, ясеней, клёнов и с отдельными пиками лиственниц, ближе к деревням, редел, отступал от дороги. За поворотом вдали стали видны постройки домов и изб.

Теперь все знали, что и конвоиры поняли, лучше всего делать привал в деревне у колодца. А инструкции им, видеть, были иные, потому, что первый привал с едой устроили перед деревней, сразу после переправы через реку Селимджу. Конвоиры забрали рюкзаки, сержант достал булку хлеба отрезал четыре ломтя и подал им. Отрезав себе и красноармейцу, открыл ножом банку рыбных консервов, разложил на два куска. На их косые взгляды, пояснил:

– На вас консервов не дали.

В деревне, дали только напиток у колодца и поторопили двигать дальше. Так же быстро прогнали и через вторую

деревню. В третьей деревне, едва остановились у колодца, как из калитки, дома напротив, вышла пожилая женщина, неся большой капустный лист с варёной картошкой. Угощение с благодатностью принял Олег

– Ешьте, на здоровье, – сказала она, быстро заморгала серыми глазами, прикрыла ладонью рот и, перекрестив их, ушла.

Все сели тут же у колодца и, взяв по одной большой половинке, ещё тёплого картофеля стали есть. Половинок оказалось шесть, и Олег поднялся и подошёл к конвоирам, протянув им лист с картофелем. Сержант смущённо отказался:

– Ешьте, мужики.

Они доели картофелины, выкрутили воротом ведро воды из колодца, напились и, отойдя в сторону, легли на траву у забора. Конвойные тоже напились, и сели чуть подал, прислонившись спинами к забору. Отдохнули.

Когда покидали эту деревню, из открытых ворот последней усадьбы, выбежал белобрысый мальчонка. Босоногий, с драной штаниной на коленке, и с пучком моркови в руке. Подбежав, сказал:

– Это вам.

Саня нагнулся, взял пучок, поблагодарил и спросил:

– Тебя кто послал?

– Мамаля, – сощурился мальчишка.

– Хорошая у тебя мамаля. Передай ей спасибо.

Тот развернулся и побежал к дому.

Морковок оказалось тоже шесть. Они были довольно большие, вымытые, но с ботвой. Саня раздал всем по морковке и, повернувшись к конвоирам, протянул им со словами:

– Тут и на вас было рассчитано.

Они покосились по сторонам и, видя, что деревня кончилась, взяли. Грызущий конвой двинулся дальше.

После этого остановки всегда стали в деревнях.

В деревне Поповка, как потом они узнали, одна женщина вынесла две миски. В одной была картошка в мундире, тоже тёплая, в другой – малосольные огурцы, а в деревне, Молчаново – пол буханки хлеба. В одном селе даже заночевали: под навесом, на сене, возле конного двора. Сентябрь стоял тёплый, и ночевать ещё можно было в лесу под открытым небом, но та ночёвка, на пахучем сене, запомнилась.

Впереди показалась вновь деревня. Иван почувствовал, что силы совсем оставили его. «Когда же кончатся эти двести километров?», – думал он, тупо глядя на дорогу и едва передвигая ноги. «Надо о чём-то думать, – заставлял он себя и вспомнил, как у переправы через реку Олег спросил конвоиров, далеко ли им шагать и сержант ответил до города Свободный. А мужики на пароме сказали, что до него чуть меньше двухсот километров. Тогда Олег сказал сержанту: «Вас-то за что мучают?» Тот ответил: «У нас служба».

Когда до деревни осталось совсем немного, сержант остановил всех и сказал:

– Давайте, последний раз перекусим.

Сошли с дороги и упали на траву. Саня подал свой рюкзак, в котором ещё что-то было. Сержант поделил последний хлеб на шесть кусков, раздал их, вытряхнул рюкзак и произнёс:

– Хлеба дали на восемь дней, а мы топаем уже девятый.

– А скоро притапаем? – спросил Олег, повернув голову и продолжая жевать.

– Должно быть скоро, но я же здесь не ходил и он тоже, – сержант кивнул на напарника.

С трудом поднялись и побрели в деревню. Улица оказалась довольно длинной. Много добротных домов. Колодец оказался ближе к тому краю, куда они шли. Саня был бод-

рее всех и на этот раз тоже он выкрутил воротом ведро воды из колодца. Напившись, все повалились на траву.

Минут пятнадцать никто их не замечал. Первыми их обнаружили рыжеволосый мальчишка лет десяти и помладше девчонка в цветастом сарафане. Мальчишка подошёл к красноармейцам и спросил:

– Дядя военный, это каторжане?

– Нет. Это арестованные, – ответил сержант.

Мальчишка повернулся и побежал, девчонка за ним. Отбежав, он закричал: «Стёпка, иди посмотри! У нас, у колодца, два красноармейца с винтовками и четыре арестанта!» «Ты чё, дурак, орёшь на всю деревню», – послышался голос, очевидно, Стёпки.

Через пару минут подошла женщина средних лет в цветастом платье и переднике. Одной рукой она прижимал к боку сито.

Подойдя, сказала:

– Желаю здравствовать.

Все в разной поздравались.

– Хочу вас горохом угостить. Куда положить? – обратилась к военным.

Сержант снял и подставил фуражку. Она положила в неё две большие горсти и подошла к ним:

– А вам куда?

– А прямо на траву, – сказал Олег, – мы тут разберёмся.

Она нагнулась и опрокинула перед ним сито, стручки гороха образовали довольно большую кучу.

– Большое спасибо! – поблагодарил он и спросил:

– До города «Свободный» далеко?

– Нет, вёрст, двенадцать, – она посмотрела вдоль улицы и, шуря глаза от солнца, вытянула руку, – Вот, на тот увал подниметесь, а там уж видно будет.

Её ещё раз поблагодарили и она ушла.

Все, расположившись кругом, стали лузгать горох. Саня высказал предложение:

– Вы мужики, те стручки, которые зелёные, ешьте прямо со стручками, всё сытнее будет.

Женщина пришла ещё раз и принесла полбулки хлеба, сказав:

– Недели две назад дали в колхозе по два мешка зерна, сказали, каким-то аванцем. Смолоти, вот напекли немного, а то хлеба не было. Возьмите, хот немного пожуёте.

Олег, приподнявшись на колени, принял хлеб и поблагодарил. Когда она уже повернулась и пошла, сказал:

– Дай вам Бог счастья и вашим детям!

Она оглянулась, кивнула головой:

– Кушайте на здоровье.

Олег протянул хлеб сержанту:

– У тебя нож, да и делить ты уже наловчился.

Поев хлеба, управившись с горохом, они попили и двинулись дальше. Их бодрило то, что до конца этого изнурительного пути осталось совсем немного. Но когда они подошли к этому увалу и двинулись вверх по длинному подъёму, он им показался бесконечным.

Иван ощутил, что его сапоги стали пудовыми. Хотелось упасть и не двигаться. А тут ещё Володька вдруг сказал:

– Олег, а почему мы в деревне так мало отдохнули?

После этих слов Ивана стало шатать то в одну, то в другую сторону. Саня подхватил его под руку:

– Крепись, Ваня.

– Не могу.

Саня повернулся к сержанту:

– Надо сделать привал, а то в городе попадаем.

Сержант разрешил, они сошли с дороги и рухнули в пыльную траву.

Сколько они находились в туманной дрёме, ни кто из них не мог сказать. Очнувшийся от неё сержант, заставил парника растолкать всех, и объявил: «Подъём!».

Кое-как все поднялись на ноги и по команде двинулись вперёд. Солнце было далеко на западе.

Когда, наконец, вышли наверх увала, с облегчением вздохнули: вдали виднелся город.

Настроение добавило бодрости, но сильно хотелось пить.

При подходе к городу, сержант приказал свернуть направо, и они вошли в крайнюю улицу. В городе были такие же деревянные дома и избы, что и в деревнях. Только, где-то в центре виднелись несколько двухэтажных дома и, чуть в стороне две водонапорные башни.

У одного из домов, увидев парня, Олег попросил вынести воды. Он вынес воду в большом железном ковшике. Пока они пили – он, с интересом рассматривая их, сказал:

– Пейте, пейте – я ещё принесу.

Улица медленно спускалась вниз. Справа, за домами, открылась голубеющая даль, а ближе широкая, блестящая ленка реки Зеи, по которой их увозили, ^{три,} чуть больше, года назад.

Солнце скрылось за горизонтом, обдав небо ярким заревом. Дорога привела к железнодорожному вокзалу. Это было деревянное, не очень большое здание, выкрашенное в голубой цвет. Вокруг квадратных окон и центрального входа, были резные наличники. Выкрашенные белой краской, они резко выделялись в наступающих сумерках.

Сержант не повёл их в вокзал, подвёл к небольшому одноэтажному дому и велел ждать здесь. Сам зашёл в него, а через некоторое время вышел с бумагой в руках и побежал к вокзалу.

Немногие прохожие с любопытством поглядывали на группу измождённых людей под охраной военного. Вскоре

поток людей к вокзалу увеличился и на них меньше стали обращать внимание.

Вернулся сержант и сказал:

— Нам повезло, сейчас прибывает поезд. Я посадку уже оформил, — и велел двигаться за ним. Шагая следом, обошли вокзал, и вышли на перрон. Над окнами вокзала прочли: «Михайло-Чесноковск».

Их посадили в последний вагон, а в вагоне — в последнее отделение. Здесь Володя, Иван и Саня залезли на соединённые полки, а Олег лёг на одну из нижних. На другой лёг напарник сержанта, а сам он, сел у того ^вногах.

Ивану показалось, как когда-то при переезде из Мариинска в Ачинск, что он только лёг и его разбудили.

Их провели по перрону, мимо красивого здания вокзала. Его освещали два фонаря. Окна были большие арочные с лепниной над ними и крупными буквами название «Благовещенск». В центре большие двухстворчатые двери.

За вокзалом свернули в тёмный проулок, и вышли на пустынную улицу. Кое-где освещались номера домов, фонарями «Летучая мышь». Остановились у двухэтажного здания. На вывеске рядом с дверями можно было различить только три крупные буквы ГПУ. Сержант поднялся на крыльцо и зашёл внутрь. Быстро вернулся и велел заходить. В узком коридоре за столом сидел военный. Тускло светила электрическая лампочка, а на стене висела потушенная керосиновая лампа. Дежурный лейтенант, сделал по поданной ему бумаге переключку и сказал красноармейцу у двери: «Уведи».

Прошли ещё в один коридор и спустились вниз. Здесь другой военный отодвинул на дверях засов, повернул ключ в дверях и распахнул их. Они вошли и очутились в довольно просторном подвале. Свет сюда проникал через небольшое оконце над дверью. Из темноты послышался голос:

– Проходите сюда, мужики, здесь с краю свободные матрасы.

Они легли и сразу уснули.

Шли дни за днями, недели за неделями, а их никуда не вызывали. Кормили два раза в день. В обед давали миску рыбного супа или кислых щей с куском хлеба, а вечером кусок хлеба и кружку чая, но чаще тёплой воды.

Здесь находилось около двадцати человек. Иногда впускали два, три человека, иногда вызывали одного, двух и они уже не возвращались. Все держались своими группами, не пытались заводить знакомства, как будто чего-то опасаясь. Все, очевидно, как и они, считали, что они находятся здесь временно, а меняющиеся люди неизвестно кто такие.

Олегу удалось, разговорить, соседа, который позвал их тогда ночью. Правда, сначала расспросил, откуда сюда попала вся его команда. Олег рассказал, тогда и он поведал, что привезли его сюда с лесоповала из Красноярского края, где-то электрик понадобился, но уже месяц здесь. А спустя два дня рассказал, как попал в арестанты. Пояснил, что был группоргом в комсомольской ячейке ткацкой фабрики в Москве. В двадцать седьмом году на собрании выступил в защиту Троцкого, дескать, как его можно отстранять от работы, когда он вместе с Лениным совершил революцию, создал Красную Армию и разгромил белых. Тогда вынесли признание за расхождение с линией партии. Дальше он с обидой говорил:

– А в двадцать восьмом, когда Троцкого выслали из страны, объявили троцкистом и исключили из комсомола. С тех пор и считали меня троцкистом. Я работал дежурным электриком на фабрике. И вот в январе тридцатого года отдежурил ночную смену, пришёл сменщик, и я ушёл домой. А на второй день вызывают и говорят, что из конторки мастера пропало пять электролампочек. Мастер твердит: «Вечером были, утром нету. Ты ночью дежурил – ты и украл».

Я толкую: зачем они мне, у меня дома нет электричества.

Говорили: «Ты их продал». Как не твердил, что не брал, суд – и семь лет. Когда из суда выводили, кто-то сзади в толпе сказал: «За одно, и от троцкиста избавились».

Олег посочувствовал ему, что тот в девятнадцать лет попал в такую передрагу.

А спустя два дня, его вызвали, и он больше не появился.

Иван, вспомнив о нём, посочувствовал:

– Такой молодой и попал сюда. Грамотный видать – жалко.

Мужик, который лежал рядом с тем, что рассказал о себе, проворчал:

– Приукрасил на счёт политики. За неё бы больше дали.

Ивану не понравилось, что тот не поверил парню, но не возразил.

Каждый вечер, когда подвал совсем замолкал, его мысли уносились в родную деревню.

Однако события вспоминались одни и те же, все предположения о жизни родных. Постепенно и невольно мысль возвращалась сюда в этот подвал. Он перебирал в памяти, всё, что произошло с ним, и всё что может с ним случиться. Хотя он смирился со своей судьбой, но иногда давила обида, за незаслуженные мучения, и в груди начинало ныть.

Шёл конец ноября, а ни его, ни кого-то из них никуда не вызывали. Разговоры вели, в основном, между собой, высказывая разные предположения. Олег говорил:

– Вы не стройте никаких надежд на лучшее, а то потом будет худо. Надо быть готовым к худшему.

Некоторое разнообразие в жизнь подвала, внёс новый арестант. Это был мужчина лет сорока пяти. Высокий статный. Расположился как раз на том матрасе, где лежал тот парень, рядом с Олегом. Он сразу представился:

– Николай Иванович Волынский, инженер из Москвы, статья политическая – десять лет.

Они назвали себя. Он спросил, о их сроках. У Ивана срок тоже был десять лет, и он спросил:

– Статья политическая?

– Ни, matka третий налог не сдала, меня и забрали, - ответил Иван.

Тот, взялся двумя руками за голову, произнёс:

– «Да-а», – и ничего больше не сказал.

Утром, на второй день, когда все проснулись, то увидели, как он занимался гимнастикой. Вытянув руки вперёд, приседал, потом делал наклоны вперёд, доставая руками пол. Когда он кончил и подошёл к своему месту, не дожидаясь вопросов, сказал:

– Надо поддерживать форму и укреплять здоровье.

Он пояснил, что старые большевики, которые побывали в тюрьмах, говорили, что в тюрьме обязательно надо заниматься гимнастикой, иначе мышцы атрофируются и ослабнут.

Иван не понял, что с ними случиться, но, что ослабнут понятно. Только подумал: «У них у всех после девятидневного перехода, ноги болели несколько дней, а вот от лежания не болят».

Примеру новичка никто не последовал, а кто-то с того края произнёс: «На лесоповал пошлют, натренируешься!»

В подвале стояли два длинных стола и две скамейки. Первой половине, тех, кого вызывали к окошечку, чтобы получить еду, ели, сидя, остальным места не хватало и они ели стоя. Для этого столы отодвинули от стены. Сейчас, по прошествии двух месяцев Иван со товарищами ел сидя.

Олег, через какое-то время, спросил соседа, Николая Ивановича, за что его всё-таки арестовали, и что за политическое дело. Он охотно рассказал, заметив сначала:

– Вы, Олег, попали под «Шахтинское дело», по которому пострадало много невинных инженеров и таких как вы. Ещё больше людей пострадало при насильственной коллективи-

зации. Есть такой человек, Рютин Мартемьян Никитич, бывший кандидат в члены ЦКа партии, бывший член Президиума ВСНХа – это Всесоюзный Совет Народного Хозяйства. Почему говорю бывший, потому, что его тоже арестовали, судили и дали десять лет. Он личность знаменательная.

В семнадцатом году – Председатель Совета в городе Харбине, с восемнадцатого два года возглавлял Иркутский военный округ. С двадцатого года на партийной работе в Иркутске, Дагестане, в Москве. Входил в рабочую оппозицию, где сильно критиковали Сталина за узурпацию власти, то есть захват власти. Видные деятели партии Рыков и Колонтай вышли из этой оппозиции, а он остался. По поводу насильственной и не продуманной коллективизации в Сибири, он написал рукописное обращение в Политбюро, где обвинил Сталина в извращении ленинизма.

– Мы о Рютене слышали, – прервал его Санька, – нам один экскаваторщик рассказывал

И тут же, приподнявшись на локте, Иван спросил:

– Николай Иванович, вы про Круглова Матвея Ильича, шо нибудь, слышали?

– Про Круглова знаю. Их несколько человек судили, как будто они выступали против колхозов в Сибири. Это была клевета, но осудили, – пояснил он и продолжил:

– Сталин использовал его «Обращение» в статье «Головокружение от успехов», а Рютина сняли со всех постов и направили работать в газету «Красная звезда».

Он собрал всех одинаково мыслящих людей и предложил создать «Союз марксистов-ленинцев», для обновления партии. В августе тридцать второго года он был создан, а в сентябре разгромлен. Тридцать человек, во главе с Рютиным, осудили на десять лет, в том числе и меня. Обвинили во фракционной борьбе и что мы вроде против Советской власти. А ведь Рютин говорил, что Ленин ввёл НЭП, чтобы

народ окреп после гражданской войны, чтобы заработала промышленность, а потом заняться индустриализацией страны, а Сталин все заветы Ленина извратил.

В середине ноября нас несколько человек привезли в Новосибирск, а в этом году меня отправили сюда.

Иван не очень разобрался во всех этих слова: «фракционная» и «индустриализация» и даже не смог бы это выговорить, чтобы спросить, что это значит. Однако понял, что Рютин хороший человек, раз не соглашался на колхозы и хотел продолжить НЭП. Ведь при НЭПе в деревне зажили нормально, мать даже взяла в кредит веялку. Тут он подумал: «Что это за власть, которая всё больше и больше, садит хороших людей?»

– При НЭПе некоторые зажили лучше, чем до революции, – сказал Санька

– И народ должен был жить лучше, чем до революции, – сказал Николай Иванович, – если бы не извратили, что задумал Ленин.

Через две недели Николая Ивановича вызвали, и больше он не появился. Жизнь в подвале продолжилась.

Шёл месяц за месяцем, а в подвале, кроме людей ничего не менялось. Через две недели ночной поход в городскую баню под усиленной охраной. Туда приглашали парикмахера, и он стриг наголо тех, у кого отросли волосы, стриг или брил бороды. Раз в три месяца в бане устраивали прожарку одежды, в этот момент можно было постирать нижнее бельё. Прибывающие рассказывали свои истории, обвиняя власти в несправедливости. Редко кто признавался в своей вине. Только один вор кичился, тем, что он пять лет жил припеваючи и арестовали его из-за дуры, жены, которая понесла подаренный старинный перстенёк в торгсин, и надела на него гэнэушников.

Пошёл девятый месяц, как Иван со своими товарищами томился в ожидании в этом подвале. Все они впали в такое

безразличное отчаянье, что им было всё равно, что произойдёт, лишь бы что-то определилось.

Наконец прозвучали их фамилии. Один из сотрудников провёл их наверх. Завёл в небольшой кабинет. Доложил.

За двухтумбовым столом, сидел пожилой военный. В голубых петлицах было по две шпалы. У него были тёмные, седеющие на висках волосы и светло-серые глаза. Он был тщательно выбрит. Взглянув на них, поморщился, словно от какой-то боли, и сказал:

– Рассказывайте, за что арестовали?

Олег рассказал о вагонетке, о перегоревшей трубке в котле насоса... Лицо начальника сморщилось в гримасе и, прервав Олега, спросил:

– Кто арестовал?

– Комендант Перебейнос, – ответил Олег.

– У долбо..., – осёкся, взглянув на них, покрутил головой и, не сдержав возмущение, произнёс, – дурак!

Потом посмотрел на сержанта, стоявшего за их спинами, сказал:

– Левин, пусть посидят за барьером.

Их провели мимо дежурного на входе и открыли дверь напротив его стола. Там оказалась небольшая комната с невысоким барьером. Сержант открыл дверку в барьере и приказал им сесть на скамью. Закрыв дверку, ушёл, оставив дверь открытой.

Санька полушёпотом сказал:

– Раз назад не вернули, значит, что-то определится.

– Слышали, как он Перебейноса дураком обозвал? – спросил шёпотом Володька.

– Не только, – хмыкнул Олег.

Иван всё это слышал, о чём они упоминали, и подумал: «Раз этот начальник так отозвался о их коменданте, может не оправдаются слова Олега: «Ждите худшего»

Часа через три пришёл младший сержант с карабином на плече и небольшим мешочком в руке. Открыл дверку и сказал:

– Выходите.

Когда Саня, поравнялся с ним, он протянул мешочек ему:

– Ваша провизия на время пути, каждому по четверти булки. Добираться будем три, четыре дня, так, что растягивайте.

Спустились с крыльца. Внизу ждал красноармеец с карабином и вещмешком за спиной.

– Куда нас направляют? – осмелился спросить Олег.

– На работу, хватит бока отлёживать и дарма харчи жрать, – почему-то зло ответил младший сержант.

«Злитесь, наверно далеко отправляют», – подумал Иван.

На работу – это хорошо, – миролюбиво произнёс Олег, но интересно: куда?

– Куда? Куда? – передразнил тот, – где работали, там и будете работать.

Все радостно примолкли, а Володька в этом порыве, ткнул Ивана под бок.

У торца красивого вокзала они дожидались старшего из конвоя, который пошёл оформлять проезд. Вернувшись, сказал, что скоро прибудет поезд.

Ехали, как и тогда в последнем вагоне. Пассажиры с любопытством разглядывали их, но никто не пытался заговорить. Ехали часа четыре. За окном мелькали телеграфные столбы, перелески или тянулся сплошной лес. Было несколько остановок в населённых пунктах. Вышли вновь на станции Михайло-Чесноковск. У вокзальной комендатуры их закрыли в небольшой коморке.

Олег рассудил:

– Похоже, нас здесь продержат, до следующего утра, давайте с едой потерпим, ведь, неизвестно, как там всё обернётся.

Никто не возразил, хотя есть хотелось давно, однако, то, что они вернуться назад: к знакомой работе, поднимало настроение и согласие на всё.

Правда, у Ивана мелькнула и нехорошая мысль: «А вдруг их места будут заняты и их направят на лесоповал, в плотники, или на новую вскрышу пласта?» Он побоялся произвести её вслух, суеверно боясь накликасть беду и испортить всем настроение. Его мысль, как бы угадал Саня:

– Интересно, как на нас посмотрит начальство?

Все примолкли.

Утром, каждый получил по своей четверти булки.

– Особо не налегайте, а то ещё разжиреете в дороге, – пошутил Саня.

Ели с опаской, поглядывая на убывающий каравай, Саня предложил каждому засунуть свой хлеб за пазуху. Олег выпросил у конвоиров воды напиться, и снова началось ожидание.

Выпустили их, из коморки, в середине дня и повели в сторону пристани. Шли, уже по знакомой улице, и вновь майское солнце грело им спины.

Пройдя с полкилометра, Иван почувствовал, что начинает уставать. Сапоги становятся всё тяжелее и тяжелее. Через некоторое время ноги словно загудели и стали подкашиваться, он невольно ухватился за руку Сани. Тот понял, в чём дело, и подхватил его под руку.

– Ничего, Ваня, уже дебаркадер показался, – сказал он для поднятия бодрости.

Он сам чувствовал, что ноги словно немеют. Олег, шедший впереди, оглянулся и сбавил ход.

Конвойные, видя состояние Ивана, не стали их поторавливать.

Наконец, дорога пошла ещё круче вниз, и они доплелись до дебаркадера. Так как ни баржи, ни парохода не было, они попадали на песчаную почву, скудно поросшую травой.

Конвой уселся на зелёный клочок земли, чуть повыше их. Минут десять, ни кто не проронил, ни слова.

Наверно прошло с полчаса, как они упали на землю. Саня уселся и достал из-за пазухи ломоть хлеба, произнёс:

– Мужики, надо подкрепиться.

Все зашевелились, доставая свои ломти. Ели медленно, откусывая понемногу. Когда все, ополовинили свои куски хлеба и сунули остатки за пазухи, Олег попросил у сержанта разрешения подойти к реке напиться. Тот разрешил. Они поднялись и неуверенными походками спустились к реке. Зайдя в воду, они прежде стали умываться, пофыркивая от удовольствия. Потом, набирая в пригоршни воду, с удовольствием пили. Напившись, вернулись на прежнее место. Володя, укладываясь на траву, признался:

– Напился, от пуза. По-моему даже в голове булькает.

– Это плохо, – сказал Олег, – мозги разжижаться и из уха вытекут.

– Ни чего, я его пальцем заткну, – поддержал шутку Володя

Часа через два небольшой буксир, хлопая загребным колесом, подтащил небольшую баржу. На её палубе с двух сторон, вдоль бортов лежал металлический прокат: уголки, швеллеры, прутки. Матросы спустили трап, и сержант велел арестантам подниматься и идти на корму. Там велел спуститься в открытый люк трюма. Когда они спустились, люк закрыли. Во мраке трюма, благодаря двум другим открытым люкам, они увидели, что их часть трюма отгорожена решёткой, за которой виднелись два небольших штабеля мешков.

Олег прошёл к борту и сел около него на дно баржи. На этот раз, дно было сухим, и все присоединились к нему.

Саня, усевшись и вытянув ноги, спросил:

– Олег, а у тебя ноги не болят?

– Болеть не болят, но немного ноют. Прав был Николай Иванович, когда советовал делать гимнастику. Мы отлежали почти девять месяцев, да ещё харчи хреновые были. С чего в ногах будет сила.

– У меня, каже, совсем не хотят идти, – вздохнул Иван.

– Ты, Вань, парень шустрый, жирка не накопил, – заключил Саня, – подпитки не было, а вот Володя, сидя за насосом его подкопил. Он даже в подвал пришёл кругленький. Сейчас правда по стройней, но остатки какие-то ещё есть.

– Да у меня к концу дороги тоже ноги задрожали, – возразил он.

– Ничего, Володя, ты выдержишь, – подбодрил его Саня.

Послышался шум работы буксира и баржа тронулась. Прошло какое-то время, шум буксира стих, слышались шаги на палубе, скрежет, потом голоса и топот. В ближний люк по трапу стали спускаться люди и поднимая мешки с ближнего штабеля, стали их выносить.

Глядя, как мужики ловко взваливают мешки на плечи и поднимаются по трапу, Иван подумал: «Когда-то и я, в деревне таскал мешки, правда, чуть поменьше, а теперь... Не дай Бог барже сесть на мель, как тогда пароходу: двухдневный переход не сдюжу. Даже если баржа причалит, где надо, как подняться на ту гору?» Он взглянул на Володю, увидел только профиль его лица и сделал вывод: «Точно я самый худюший».

Выгрузка закончилась. Вновь проскрежетало – втащили трап, и баржа тронулась. Была ещё остановка, уже в сумерках. Выгрузили второй штабель мешков, однако баржа не тронулась с места. Они уснули, привалившись, друг к другу.

Баржа причалила к деревянному пирсу. По небу плыли кучевые облака. Старший конвойный, прикрывая зевок рукой, мотнув головой, подал команду спускаться по трапу.

От самого пирса начиналась пологая, но длинная дорога к вершине огромного холма. Из-за большой протяжённости, местные называют их увалами.

Ещё до остановки баржи они доели свои краюшки и сейчас попросились спуститься к воде, напиться. Им разрешили. Начался подъём в гору. Пройдя треть подъёма, Саня обратился к Олегу:

– Давай подхватим Ивана, а то он дальше не сможет идти.

Они взяли его под руки и чуть не понесли. Испытывая неловкость, Иван попросил:

– Сильно не поднимайте, а то плохо идти.

Когда взошли на вершину, они отпустили его. Теперь был длинный уклон почти до посёлка Пионерский.

Хотя идти под гору на много легче, Ивану эти два километра казались очень долгими, и весь путь его мучила одна мысль: «Хоть бы дойти и не опозориться».

Сидя на скамейке, когда старший конвоир зашёл в комендатуре, Иван решил, что дальше он не двинется никуда. Из дверей вышел незнакомый молодой младший лейтенант и сказал:

– Провожатых не будет, идите на Октябрьский.

Когда тот закрыл дверь, Саня спросил:

– Ну, ты как, Ваня?

– Я не дойду. Идите одни. Передохну здесь и приду.

Друзья попрощались с ним за руку и пошли. Он посидел некоторое время и побрёл в сторону складов, надеясь увидеть Мишу Жёлудя.

Когда он подошёл к открытым дверям склада, тот первым его увидел и, шагнув через порог, произнёс:

– Здравствуй, Ваня! Что случилось? У тебя одни глаза остались.

— Вот, освободили нас. Я сильно оголодал, шо в Октябрьский не смог пойти. Хочу здесь передохнуть. Может, чем поможешь?

— Постараюсь Ваня. Переговорю с десятником. Сергей Иванович должен сегодня зайти. Думаю, он поможет. Да, в общежитие или барак вряд ли удастся попасть. Сам понимаешь весна, людей понагнали. Тут одно время один мужик на сеновале конюшни ночевал. Там с задней стороны лестница стоит на сеновал. Попробуй там расположится. Часа через два зайди.

Иван поблагодарил и пошёл к конюшне. Обойдя её, поднялся на сеновал. Сена оставалось немного, но достаточно, чтобы расположиться. Он улёгся на ворох сена, пачал задрёмывать, но тут же, стал себя настраивать на то, чтобы не проспать встречу с Мишей.

Дремал тревожно, вздрагивал. Наконец не выдержал, подошёл к дверце и взглянул на тень от конюшни: определил, что часа два должны были пройти, спустился вниз.

Миша встретил его с улыбкой:

— Тебе повезло. Сергей Иванович тебя вспомнил. Вот дал пять талонов на питание. Сказал, больше не может и посоветовал идти на Октябрьский. Вань, ты сегодня на ужин не ходи, чтобы завтрак с обедом не пропали, а завтра с завтрака и начнёшь питаться.

— Иван согласно кивнул:

— Спасибо тебе, Миша, — и повернулся уходить, но тот остановил со словами:

— На, возьми. Я от обеда оставил, один вольный обещал салом угостить, да не пришёл, — и протянул ему кусок хлеба. Иван ещё раз поблагодарил и пошёл в сторону ворот. Выйдя за забор складов, он с жадностью съел этот кусок хлеба. Прежде чем отправиться к новому пристанищу, зашёл в столовую, где у входа стоял бачок с водой — попил.

В этот вечер он ни куда не выходил. Уснул быстро и проспал до рассвета. С нетерпением ждал гудка на завтрак. Прощупывал в кармане талоны, убеждаясь на месте ли они.

Спустился всё-таки раньше и гудок застал его, когда был уже рядом со столовой. Он сдержал себя, чтобы не обратиться на себя внимание, и зашёл, когда пошла основная масса людей. Женщина на раздаче, поставила карандашом крестик на слове завтрак и отдала талон. Он взял ложку и кружку, она подала ему кусок хлеба, и он пошёл к столу. Сел за третий стол, куда садились опаздывающие, и потому люди часто менялись. Он знал это с прошлого времени. Миски стояли стопкой на столе, он взял себе и стал подавать другим прибывающим. Здоровенный парень, с круглым веснушчатым лицом, подвинул к себе бачок с кашей и стал половником накладывать в миски. В столовой стоял привычный шум: негромкие разговоры, глухой стук деревянных ложек, чавканье отдельных едоков. Каша была пшённой, и Иван ел её с особым удовольствием, ведь в подвале её ни разу не давали. Чай, налитый из чайника, оказался не очень, но сладким. Такого он тоже не пил давно.

Первый день пролежал на сеновале; спускаясь на обед и ужин. Мысли все продолжали крутиться вокруг еды. Он вспоминал о щах и гречневой каше в обед, радовался, что на ужин снова была пшёнка, гадал, что будет завтра на завтрак. Подумал о том, чтобы сходить к Мише и поблагодарить, но отложил на следующие дни.

На третий день, после обеда он решил сходить к Мише и поблагодарить его ещё раз за его поддержку. В дверях склада увидел кладовщика. Поздоровался и спросил Мишу. Тот сообщил ему печальную новость, что Миша заболел, и его увезли в районную больницу, в Мазаново. Удручённый он побрёл назад.

У себя на сеновале вспомнив разговор о Николае Ивановиче Вольнском, решил попробовать заняться гимнастикой.

С трудом присел десять раз и упал. Ноги заныли. На четвереньках добрался до своей лежанки, и с обидой подумал о себе - какой он несчастный.

Через пять дней кончились талоны. Услышав утром гудок, он встрепнулся и, в отчаянии, опрокинулся навзничь. Пролежав полдня, спустился с сеновала, не зная, что делать, и пошёл вдоль конюшни. Тут его осенила мысль, и он зашёл в открытые ворота. Увидев мужика, занимающегося уборкой, спросил:

— Скажите, для поездки в Октябрьский кто-нибудь просил на завтра лошадь?

Мужик выпрямился, сделал на лице сомнительную гримасу и, пожав плечами, ответил:

— Я про то не слышал. Это старшого надоть спросить, а его нету.

Иван с сожалением покивал головой и вышел из конюшни. Он прошёлся по посёлку, поглядывая на столовую, но не решился к ней подойти.

Вечером, лёжа на сене в отчаянии думал: «Что же делать?» Понимая, что помощи ожидать не от кого, стала приходить одна и та же мысль: «Надо идти в контору. Если нет десятника, надо обратиться к начальнику участка». Однако сомневался, что в такое время, когда везде началась промывка песков, он будет здесь. Оставалось, обратиться к кому-то из начальства управления. Почти сделав выбор, его охватило сомнение: «Ни кто, из высокого начальства, не направит в посёлок Октябрьский подводу, чтобы его туда отвезти. Значит, просто определяют в какую-нибудь бригаду: на вскрышу или другие тяжёлые работы, а у него нет сил, выдержать такую работу». Вдруг он вспомнил, что Олег говорил про друга или знакомого, который работает на насосной станции посёлка, тут же с огорчением подумал:

«Не могу вспомнить, как его звать». Он укорял себя за это, но мысль ничего не проясняла. Уже, засыпая, вдруг

решил: «Пойду и просто спрошу, знает ли он Олега Глазова и если знает, расскажу о своей беде». С этой обнадеживающей мыслью и уснул.

Насосная находилась на краю посёлка, у реки. Рядом была невысокая, деревянная вышка, на которой был установлен бак. Возле него стояла повозка водовоза с бочкой, в которую по шлангу наливалась вода. Водовоз придерживал лошадь за узды. Средних лет мужчина в рубашке в полоску, серых, как у всех штанах, заправленных в сапоги, закрыл вентиль у бака, выдернул шланг из бочки и сказал:

– Погоняй!

Водовоз отвёл повозку в сторону. Иван понял, что это и есть машинист насосной станции, которая, посапывая, продолжала работать. Мужчина, было, повернулся к ней, но заметив постороннего, остался стоять на месте. Поздоровавшись, Иван спросил, не знает ли он Олега Глазова. Мужик приподнял в удивлении брови, почесал в задумчивости затылок и ответил:

– Нет. Никогда такой фамилии не слышал.

– Мне мой товарищ говорил, что он прошлой осенью здесь работал, – пояснил Иван.

– Я с нынешней весны работаю, – уточнил тот.

Иван попрощался и побрёл в посёлок. Последняя надежда, рухнула. Его охватило полное отчаяние. Он сел на скамейку недалеко от столовой и подумал: «Может подойти к кухонным рабочим и попросить хлеба, рассказать, как получилось, что он здесь». Однако, сразу сообразил, что они обязаны будут доложить начальству, что по посёлку ходит, какой-то арестант. В этой безысходности, он продолжал сидеть, не сводя глаз со столовой, как с последней надежды.

Прозвучал гудок на обед и народ потянулся к столовой. Вскоре она заполнилась людьми, а он упрекнул себя, что не сообразил: пройти со всеми в столовую, сесть за стол и ска-

зять мужикам, что потерял талоны. Но сам урезонил: никто не поверит, можно потерять один талон, а не на месяц.

Постепенно из столовой стали выходить люди. Он продолжал наблюдать за ними, не двигаясь с места. Столовая опустела. В открытую дверь он увидел оставшуюся на столе миску. Сразу вспомнил, что в столовой требовали: если в миске оставался суп не ставить её на стол мойщика, чтобы в неё не поставили пустую и не разлили на стол остаток. Он приподнялся и пошёл прямо к открытой двери. По пути вспомнил, что кухонные работники, накормив людей, сами обедали и только потом убирали в зале. В дверях он чуть пригнулся, чтобы через окно выдачи хлеба его не увидели, и быстро подошёл к столу. В миске оказалось, чуть не половина рыбного супа. Он быстро выпил всю жижуху, сгрёб рукой гущу себе в рот и увидел ещё одну миску, на другом столе. То же самое проделал и с этой миской. Затем, окинув взглядом столы, стал собирать вываленные на стол варёные рыбные кости и заталкивать в рот, круша их зубами.

Жуя, собрал остальные в руку и выскользнул из столовой.

Лёжа на сеновале с горечью подумал: «В ужин не дают жидких блюд, и вряд ли кто оставит кашу, а на завтрак иногда дают кашу болтушку с рыбой».

С этого дня он каждый день приходил к столовой и в завтрак и обед и ужин. Теперь он не сидел на той скамейке, чтобы «не мозолить глаза», а приходил прямо к окончанию трапезы. Через пару дней он вспомнил о ягоде, которую ели, когда работали на вскрыше. Это место было недалеко и теперь, после удачного завтрака, когда удавалось, что-нибудь съесть, или неудачного он отправлялся в лес.

Вспомнить, как она называется не смог и мысленно называл её голубикой. Горьковато-терпкая, она казалась ему очень вкусной. Радовался тому, что здесь её было, довольно, много

Он считал, что ему сильно везло, что в любой обед в двух, трёх мисках оставались не доеденные. Однажды проходя мимо жилых домов, нашёл обвязанный носовой платок. А когда пошёл на речку помыться, выстирал его. Теперь он, выпив из мисок, кости быстро собирал в платок и выбегал из столовой. Рыбные кости он догрызал на сеновале.

Шёл день за днём. Он приспособился к такому существованию: чувствовал, через какое время после гудка подойти к столовой, чтобы увидеть последних людей выходящих из столовой. Вечерами перед сном, приседал, проверяя на сколько окрепли ноги. Последний раз он присел двадцать один раз и чувствовал, что ещё может, но побоялся перегрузить ноги. Он потерял счёт дням и решил спросить конюха, у конюшни, какое сейчас число. Тот оглядел его внимательно и ответил:

– Тридцатое, – и пошёл в конюшню, но вдруг обернулся и спросил:

– Не ты ли меня спрашивал про подводу в Октябрьский?

– Я.

– Завтра туда обоз пойдёт с продуктами, говорил Федотыч.

– Спасибо! – обрадовано произнёс Иван.

На второй день с рассветом, отправился к складам, боясь прозевать отъезд обоза. Со стороны он наблюдал, как пришли кладовщики, потом рабочие склада. Через некоторое время к складам подъехали три подводы. Иван дождался, когда рабочие начали грузить мешки на телеги, подошёл к возчикам, стоявшим в стороне. Никто из них не возразил против его поездки. Когда обоз тронулся, он сел к возчику, который показался ему наиболее приветливым.

Приехав в посёлок, поспешил найти механика, но его на месте не оказалось, и он пошёл в кузницу. Саня с Николаем

встретили его радостно: первый обнял, прижимая к себе, а Николай, опустил кувалду на наковальню и пожал ему руку.

На расспросы, как он там продержался, сказал, что Миша достал талоны и что спал на сеновале конюшни. Рассказывать, как всё было, на самом деле, ему не хотелось, да и было стыдно. Они сказали, что механик перед обедом обязательно будет у себя, а сейчас ему надо сходить к коменданту.

Направляясь к нему, Иван испытывал неприятную робость. Как он встретит. Ведь именно он Перебейнос обвинил его и друзей во всех грехах, а следовательно не стал разбираться. Перед дверью он вздохнул и тихо постучал. «Войдите!», – услышал он звонкий голос. Открыл дверь и увидел за столом того младшего лейтенанта, который встретил их в Пионерском. Он растерялся и забыл поздороваться.

– Здраваться при входе надо, гражданин Рыбак. Так, по моему, ваша фамилия?

Ага, здравствуйте – растеряно произнёс он.

– Где же вы скрывались, чуть не месяц?

– На главной базе в Пионерском. Я не скрывался, я тогда не мог идти.

– Ладно. Я знаю. Мне Соловьёв о тебе рассказал. Свободен.

Выйдя от коменданта, он испытал настоящую радость, что комендант другой и тут же догадался, что друзья специально не сказали, что произошла эта замена.

Зайдя в свою комнату в общежитии, он был приятно удивлён. Его кровать была в таком состоянии, словно он вышел из комнаты сегодня утром. Заглянул под кровать и увидел свой полушубок, который преспокойно лежал на прежнем месте.

Он упал на кровать, и у него вдруг выступили слёзы. Он, не мог понять, от чего, то ли от радости, то ли от обиды, за несправданное мучение, выпавшие ему.

Сан Саныч тоже поинтересовался, где он пропадал. Иван объяснил. Тот не стал вникать в подробности, очевидно, знал от ребят. Выдал ему талоны на питание на июнь, на один день мая и направил работать кочегаром к Дёмину. Иван уже знал, что Володя работает на паровой лебёдке, а Гриша, пока экскаватор не работает, обслуживает паровую насосную установку у промывочного агрегата.

Встретили его приветливо. Промывщик Иван Семёнович пошутил:

– Всё, братцы, Иван пришёл, сейчас золото пойдёт.

Гриша поздоровался за руку, хлопнул его по плечу и сказал:

– Вникай, а то я не привык работать привязанный к одному месту.

Иван был рад, что он снова на этой работе. Правда, первые три дня было трудно возить тачку с чурками по бездорожью: – сил было маловато. Но нормальное питание и его усердие восстановили силы. Главное, не оправдались его спасения, что в прошлом году, осенью, когда их арестовали, могли набрать новых людей на их места, но случайность помешала этому. Николай рассказал, что только их забрали, на второй день слетел обод с другого колеса вагонетки, и вся работа остановилась. Механика заставили заказать литье колёса и только в конце апреля их привезли и поставили. А в первых числах вернулись ребята. Вот только Гошку поставили на насосную установку.

Жизнь наладилась и пошла своим чередом. Вечерами и в выходные дни вновь в большой комнате начали играть в карты. Две недели Иван кочегарил, а Гоша втолковывал ему работу паровой машины и ухода за ней. Иван говорил ему, что ещё Володя рассказывал ему о смазке узлов. Тот, возмущался, заставлял снова его слушать и даже сказал:

– Ты вникай. Мне Сан Саныч сказал, чтобы я из тебя сделал машиниста.

И вскоре его действительно назначили машинистом паровой установки. В кочегары назначили мелодого парня из дровосеков.

Иван, как-то спросил Романа, так звали его помощника, знает ли он, куда делся Маркович. Тот ответил, что мужики говорят, будто его куда-то перевели сразу после ухода прежнего коменданта. На обычный вопрос: «За что попал, а арестанты?» Роман простодушно ответил:

– Не в тот карман залез.

– Нехорошо, – мотнул головой Иван.

– Чё ж хорошего. Пятёрку влупили.

– Я про то, что воровать нехорошо, – уточнил Иван.

– Знаю. Понимаешь, отец в гражданскую погиб, а у матери нас трое. Работает прачкой. Пицца наша – щи да каша. А тут НЭП: кто в каретах ездит, кто голодный. Нашлись дружки, стали у нэпманов кошельки трясти. Иногда, даже очень удачно. Ну а я уж после НЭПа соблазнился, и у одной дамы кошелек потянул, а мужик за руку поймал. На мой грех, она оказалась женой судьи, ну и всё...

– Хоть у кого, нехорошо, – заключил Иван.

Роман промолчал.

С назначением Ивана машинистом котельной установки, совпала главная новость посёлка: в пустующем отделении конторы, открылась золотоскупка – торгсин.

По-многим просьбам, Санька делал ножи, необходимые для изготовления лотков, для промывки песков с отвала. Изготовил он нож и Ивану.

Лотки готовили из бересты, прибив с одной стороны, чуть изогнутую деревянную планку. Иван быстро сделал такой латок и ранним воскресным утром пошёл на отвал, где оказался не один. Уже несколько человек были у реки. Набрав полный лоток песка, он спустился к воде. Высыпав песок кучкой, зачерпнул небольшое количество песка и опустил на корточки у воды. Зачерпнув её, размешал пе-

сок с водой и стал медленно выливать эту муть. Прополоскав эту порцию песка, он не обнаружил ни одной золотинки. Конечно, огорчился, но и не ожидал быстрой удачи. Зачерпнув новую порцию песка, продолжил промывку. Никто из мужиков, меж собой не разговаривал. Только один, вдруг произнёс: «Кажись, одна попалась!» На его возглас никто не среагировал. Промыв свою кучку и, не обнаружив золотинок, Иван пошёл к отвалу и зачерпнул новую порцию песка. Когда он заканчивал промывать третью пригоршню песка, пришли с полными лотками песка Саня, Олег и Николай. Саня пошутил:

– Пока мы дрыхли, Иван, поди, уже порцию золота намыл.

– Ага, некуда ссыпать, – в тон ему отозвался Иван, а потом добавил, – Ни одна песчинка не попалась.

– Ишь ты, горазд. Хоть бы по пол песчинки попадалось.

Они расположились вниз по течению и разговоры умолкли. Заканчивая промывать этот латок, на светло-коричневом фоне бересты сверкнула искорка. Золотинка была раза в три меньше обычной песчинки. Он медленно слил воду, достал из кармана пустой спичечный коробок, открыл его и, нажав пальцем на блестящую крупинку, поднял её и опустил в коробок. Положив его в карман, продолжил промывку. До завтрака больше удачи не было. После столовой вся эта компания вновь была на реке. А после обеда людей ещё прибавилось. Иван считал, что ему повезло. Гонга на ужин ещё не было, а у него были уже четыре золотинки, правда, маленькие, но три были чуть больше первой. Он спросил Саню:

– Ты сколько-нибудь намыл?

– Мало, – неопределённо ответил тот.

– У меня тоже, но хочу до ужина пойти в скупку, пока народу не набежал.

– А я ещё помою, – сказал Саня, продолжая мыть.

Иван зашёл в общежитие, положил лоток под кровать и пошёл в скупку. С таким количеством намытого золота ему показалось стыдно идти, когда много людей.

Скупка была открыта по воскресениям до сумерек. Он знал, что за грамм золота давали сейчас не полторы боны, как раньше, а целых четыре, а это двести рублей обычными деньгами. Он надеялся, что грамм-то он намыл.

Приёмщик, он же и продавец, был средних лет, худощавый, с большими залысинами, с карими, с прищуром глазами. Говорили, что он всех встречает с улыбкой. Вот и на этот раз, увидев Ивана впервые, улыбаясь, спросил:

— Как улов, молодой человек?

— Не шибко погано, но и не хорошо, — ответил он, вытащив коробок. Продавец поддержал рукой чашечку подвесных весов, а Иван высыпал свои золотишки. Продавец пинцетом стал ставить на другую чашку маленькие железные треугольнички, меняя их, пока весы не выровнялись.

— Ноль восемь грамма, — сказал приёмщик, — Это три рубля двадцать копеек в бонах или сто шестьдесят рублей червонцами.

И тут же спросил:

— Что-нибудь будете брать?

— Да, буду, — ответил Иван и перешёл к правой стороне прилавка. Ближе к нему стоял стеллаж с продуктами, а дальше лежали и висели различные промышленные товары.

Иван стал называть: — Три банки рыбных консервов, булку хлеба, полкило масла, килограмм кускового сахара.

Продавец выложил на прилавок банки, взвесил на весах масло и сахар, быстро отбрасывая косточки на счётах.

Иван увидел эмалированную кружку, попросил её и спросил:

— А у вас перочинные ножи есть и чайные ложечки?

Продавец ответил:

— У нас всё есть.

Положив перед ним всё затребованное, удивился:

— Как же вы это всё понесёте?

И, улыбнувшись, предложил:

— Возьмите эту матерчатую сумочку — восемь рублей.

Иван согласился. Сложив, всё в сумку, получил ещё семнадцать рублей сдачи, поблагодарил продавца и вышел из торговца. Он испытывал неопишемую радость, и даже гордость за свою удачу.

В общежитии он сложил всё в низ тумбочки (верх был у Николая). Не утерпев, он достал из фунтика кусок сахара, покрутил его в руке, выбирая угол по острее, откусил, и спрятал кусок назад. Взял кружку, пошёл в коридор, набрал немного воды и попивал с наслаждением, пока сахар полностью не растворился во рту. В это время раздался гонг на ужин. Он последним глотком допил воду, поставил кружку в тумбочку и пошёл в столовую.

Друзья сели за стол с небольшим опозданием.

— Ну, как? — спросил Иван, намекая на успехи промывки.

— По-всякому, — ответил Саня.

После ужина друзья заторопились в скупку, а Иван пошёл в общежитие. Есть, конечно, не хотелось, но он всё же отрезал горбушку хлеба, густо намазал сливочным маслом, достал кусок сахара, принёс в кружке воды и стал есть, откусывая хлеб и сахар, смоченный в воде. Он испытывал истинное наслаждение, ведь более трёх с половиной лет он даже не пробовал масла.

Друзья вернулись перед самыми сумерками. Тоже принесли разные продукты.

Иван лежал на кровати. Они не утерпели и начали пробовать, кто что купил.

— Ваня, присоединяйся, — пригласил Олег.

— Не, я уже хлеба с маслом поел, — отказался он.

— Вань, а кусочек копчёной колбаски, — предложил Николай.

– Вот колбасы я забыл купить, – признался Иван.

– На, пожуй, – протянул кусок Николай. Иван взял и, жуя колбасу, сказал:

– Я намыл ноль восемь грамма, а вы?

– Я один и одна десятая, – ответил Олег.

– Я совсем хреново – ноль семь, – сказал Саня.

– Выходит, мне больше всех повезло. Я намыл полтора грамма, – сказал Николай.

– Ого! Сразу на триста рублей, – восхитился Иван.

Наступило молчание, только иногда слышалось причмокивание едоков. Иван, вспомнив один разговор, произнёс:

– Мне Роман говорил, что с начала этого года в торговых Иркутка, золотые изделия принимали по шесть рублей с полтиной за один грамм.

– То, Вань, изделия: кольца перстни, браслеты. Это ведь не песок. А четыре рубля в болах – совсем здорово! – сказал Олег.

– Ничего, братцы, если всё так пойдёт, заживём, – сказал Саня и добавил, – надо за оставшееся время побольше намыть, чтобы денег на зиму скопить. К зиме ещё два дома для вольных сдают, значит, магазин и зимой будет работать.

Всех эти слова обрадовали.

Им было невдомёк, что будь они вольными людьми – старателями, намывая своим коллективом хотя бы килограмм золота, могли получать очень хорошие деньги и жить по-человечески.

В посёлке появилось новшество: в связи с тем, что увеличилось число проживающих семей, на магазине повесили почтовый ящик. Некоторые стали писать письма.

Иван тоже купил несколько конвертов, школьную тетрадку и химический карандаш. В выходной день написал письмо домой. Описав, какая у него нормальная жизнь. Даже приукрасил кое-что, чтобы успокоить родных. Бросив письмо в почтовый ящик, стал ждать.

Прождав пол месяца, от нетерпения, решил написать письмо тётё в Житомир. Однако понял, что забыл её адрес. Вспоминая поездку с братом в Житомир, жалел, что к ней не съездили. Но однажды перед сном ему вспомнился разговор с братом во время НЭПа. Когда он упрекнул брата, что не свозил его к тётё, тот сказал:

– Ты что, маленький? Возьми и съезди.

Тут же вспомнил слова брата: «Улица, Сухой дол, сто два». Стал твердить для запоминания: «Сто два, сто два».

На следующий день вечером написал короткое письмо, где рассказал о себе и о том, что нет ответа от матери.

Шли дни в ожидании и работе. В ранние часы утра и выходные дни Иван пропадал на реке – промывая песок с отвала.

В конце июля облетела новость, что ОГПУ упразднено и вместо него создан КГБ – Комитет государственной безопасности при НКВД – Народном комиссариате внутренних дел.

Все судачили хорошо это или плохо?

Николай подытожил:

– Одна сатана!

– Коменданта бы не поменяли. Молодой лейтенант, но сносный, – заметил Саня.

Конец лета выдался дождливым. Были дни со шквалистым ветром, но дожди были короткие. Все занятые на промывке песка, прятались под небольшим навесом. Но были дни, гроза сопровождалась ливнем. Карьер заливало водой так, что работать было нельзя. Вода уходила в песок медленно.

В такие дни, когда дождь прекращался, многие ходили мыть золото, в том числе и Иван.

В один из таких дней Володька предложил отметить его день рождения. Набрали продуктов и две белоголовки, как называли бутылки с водкой. Иван зашёл в кузницу преду-

предить Саню, Николая и Олега, чтобы не торопились на ужин, а зашли в общежитие. Они пришли раньше. Олег предложил для начала разлить одну бутылку и слегка закутить, а после ужина продолжит. Все согласились. Выпили, поздравили «виновника» с днём рождения, закусили и пошли на ужин.

Продолжение было более весёлым: никто никуда не торопился. Володьке пожелали крепче держаться за свою паровую лебёдку, чтобы не сослали, куда-нибудь на вскрышу. Санька сказал:

– Что не говорите, хлопцы, а нам повезло в механической службе. И Сан Саныч – человек хороший, и отношение к механизаторам толковое.

– Да, не сравнить, как другие пашут. – поддержал Володя.

Иван полностью был согласен с ними. Теперь он, да и остальные, сдавая намытое золото в скупку, мало тратили на еду, а большую часть бонов меняли на деньги, чтобы в любой момент можно было купить, что захочется. Даже дома во время НЭПа он не мог себе позволить купить, что ему хотелось, а тут, будучи арестантом, мог. Память притуплялась на всё плохое. Нет, он не забыл отсышку дороги в Мариинске, кирпичный завод, голод в поезде, поход до города Свободный, подвал, обратный путь и голодание в Пионерском. Но это, как-то отдалилось, притупилась душевная боль. А вот рубка первых барачников и их конопатка под морозным ветром с обморожениями и работа на лесосеке, засела в мозгах, и теперь свою новую жизнь он сравнивал именно с этим.

– Дай Бог, чтобы до конца срока тут продержаться, – сказал Олег.

– Ты-то всегда продержишься, ты специалист, а нас с Иваном в любое время могут куда-нибудь услатить, – сказал Володя.

– Не бойсь, вы для начальства уже специалисты, такими не бросаются, – успокоил Саня.

– Что мы всё разговоры разговариваем, – возмутился Николай, – Жизнь нормальная, и надо радоваться. Давайте лучше песню споём, и он запел:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Песню подхватили. Иван стал подпевать в полголоса, стараясь угадать слова по первому слогу. Николай вёл песню. У него был хриловатый, но приятный голос. Песня продолжалась.

На нём рубашонка худая,
Со множеством разных заплат;
Шапчонка на нём арестанта
И серый тюремный халат.
Бежал из тюрьмы тёмной ночью...

Иван раньше не слышал этой песни, и слова её всё больше и больше волновали его. А когда в последнем куплете пропели:

«Отец твой давно уж в могиле», а про брата «Давно кандалами звенит», ему стало совсем грустно. Не желая впасть в такое состояние, он отметил себе: «Мать-то у него жива!» И чтобы и другим поднять настроение, он предложил:

– Хотите я вам спою украинскую песню?

– Ваня, спой про коня, – попросил Саня.

И все поддержали: – Пой, пой! И он запел:

Ой, при лузи, при лужку
При зеленим поли,
При знакомим тобуни
Кинь гуляв по воли...

Его звонкий голос заполнил всё пространство, потому наверно, дверь приоткрылась и в ней показалась удивленная голова Ромки. Иван не обратил внимания на скрип двери и продолжал петь. После слов: «Як пиймаю, загнуждаю шовковою уздою», повтор Николай подхватил по-русски. И дальше при повторах старался подладиться под украинский язык.

Когда Иван закончил петь, Олег сказал:

– Что же ты раньше не пел?

– Причины не было, – ответил он.

– Он однажды пел, – сказал Саня. – когда мы на кирпичном заводе работали.

– Что там для пения причин было больше? – спросил Володя.

– Нет, конечно, просто так совпало. – ответил Иван.

Ромка, который присел к нему на кровать, восхитился:

– Вань, ты лучше поёшь, чем некоторые в граммофоне.

– Не знаю. Про граммофон слышал, но у нас в деревне его никто не видел.

В это время распахнулась дверь, и в проёме показался Боря-бородобрей. Кроме субботы и воскресения у него почти не было работы и, когда стала приходить почта, ему поручили разносить письма, доставляемые в контору.

– Мне сказали, здесь живёт Рыбак, – приподнял руку с письмом.

Я! – поднялся Иван и взял письмо. Борис – почтальон ушёл, и Иван не успел его поблагодарить.

Вся комната с завистью наблюдала за ним: ему первому посчастливилось получить письмо. Иван сел на кровать и судорожно, но аккуратно стал распечатывать письмо. Достав вдвое сложенный листок, стал читать. В комнате было уже довольно, сумеречно, и читать было трудно. Он поднялся, подошёл к окну и, опершись на тумбочку, продолжил чтение. В комнате воцарилась полная тишина. Он прочитал

письмо, молча, вернулся к кровати и, сев на неё, обхватил голову руками.

— Что, Ваня? — первым нарушил молчание Саня.

Матку раскулачили и сослали в Сибирь вместе с сестрёнками, по дороге отчим умер.

— Куда сослали? — спросил Олег.

— На какой-то золотой Центральный рудник в Западно-Сибирском крае.

— Вы, что батраков нанимали? — поинтересовался Олег.

— Никого не мая, — вдруг по-украински ответил Иван и добавил, — в колхоз отказались вступить.

— Вот гады, с бабами воюют! — возмутился Саня.

— Им разницы нет. Они тоже пятилетний план выполняют, заключил Николай.

Все примолкли, оценивая случившееся. Володя с романом ушли. Стали укладываться спать. Уже лёжа, Олег рассудил:

— Раз адрес есть, можно туда написать.

— Завтра же напишу, — отозвался Иван, подсунул письмо под подушку и лёг.

На следующий день работать стали с обеда, так как только к этому времени вода полностью ушла из карьера. Иван воспользовался этим, написал письмо и бросил в почтовый ящик. Теперь он жил ожиданием.

10

Дарья пододвинула табурет к печи, опустила на него, открыла клюшкой дверцу и бросила в топку пару поленьев. Понаблюдав, некоторое время, как языки пламени начали их облизывать — прикрыла дверку. На плите стоял чайник и кастрюля с варившимся картофелем.

Хотя на людях, таких же горемычных, она не заводила разговоры о порушенной жизни, но когда оставалась наедине, такие мысли приходили часто. Сейчас, глядя, как в от-

верстиях печной дверцы проблёскивают огоньки, она вспомнила предпоследний день в родной деревне, в конце марта. Она вышла во двор, чтобы покормить кур. Со стороны улицы раздался голос соседского мальчишки:

Тётя Дарья Вас до сельской рады кличут!

Она обернулась, увидела торчащую над плетнём головёнку и махнула рукой:

– Иди, у менэ к ним дела немає.

Однако вскоре у плетня, появился Панас Бобыль:

– Здоровеньки булы, Дарья Демьяновна!

-- И тебе здравствовать, – ответила она и добавила, – Ты, каже, у головы на побегушках?

– Не шуткуй. Дило сурьёзно. Я к тебе, как голова комитету бидных.

– И скілька же вас – бидных? Ты ж гарны чоботарь, усю деревню обуешь.

– У менэ ж хозяйства не мае.

– Ну и кто ж в комитете? Микола Косой пропойца, да Глашка вислозадая, шо своего мужа уморила, хотела с офицером умыкнуть и больше не мае.

– Ещё есть. Но я к тебе пришёл не лясы точить. Иди к голове. Он гутарит так: «Не вступишь в колхоз, ушлиют в Сибирь. Так, родянска власть решает.

Эта власть второй рокив мого Иванку, где-то мордует. Ей этого мало?

Панас махнул рукой и ушёл.

В сенцах раздался кашель и на крыльцо вышел Вацлав:

– С кем гутарила?

– С Панасом-Бобылём. Он начальником стал: голова комитету бидных, зараза. Грозился в Сибирь упечь, коли в колхоз не вступим.

– Може сходить к голове, погутарить?

– Да кто этого Панаса балаболку буде слушать.

– Он же не от себя. Слухи-то про Сибирь ходют.

– Може завтра пиду по гавкаться, с этими паразитами.

Тут её мысль прервалась. Она приподняла крышку на кастрюли, опустила её назад, вновь открыла дверцу, бросила в печь ещё полено, закрыла дверцу. Продолжая держать клюку в руке, с грустью вспомнила Вацлова.

Он пришёл в конце того месяца, когда забрали Иванку. Положив, деньги за аренду кузницы на стол, он сел на лавку и сказал:

– Как же жить тебе дальше?

Она молча пожала плечами.

– Ну, с пахотой я подсоблю, а как другое.

Она вновь пожала плечами.

– Яж тебэ давно кохаю. Давай оженимся.

– Як же? Ты католик, я православна.

– Тай мы, как млодэньки в Сельской раде запишемся.

Через неделю поженились. Вспомнила, когда вышли из рады, он сказал по-польски:

– Я че бардзо любе.

Она поняла его, что он её любит. Он давно говорил об этом. Ей и самой он нравился: среднего роста, широкоплечий белокурый со светло-серыми глазами.

Пригласили соседей, выпили горилки и жизнь пошла своим чередом.

Постепенно она узнала, что он родился в небольшом городке в Австро-Венгерской части Польши. Родители рано умерли, рос в семье дяди. После пяти классов окончил ремесленное училище. Невеста удрала с каким-то офицером во Францию. Через пару лет, началась война, и его забрали в Австрийскую армию. В первом же бою был ранен и попал в плен. Вместе с русскими ранеными их несколько солдат вывезли в Житомир. Про пленных забыли, и, когда рану залечили, он просто ушёл из госпиталя. Работал уборщиком в

каком-то депо, молотобойцем. Потом пошёл по деревням и набрёл на их неработающую кузницу.

Всё шло, как надо: спыхали, посеяли, провели культивацию, заготовили корма и убрали урожай. Осенью опять голова сельской рады стал заседать с колхозом. Большинство запугали – и те вступили. Он говорил, что осталось только несколько дворов, упёртых, как они. А она отвечала, что всё отдаст в колхоз, даже кур, если вернёте Иванку. Он махнул на неё рукой.

На плите зашипело. Из-под крышки кастрюли вырывался пар и мелкие струйки. Она положила клюку, подошла к столу, взяла вилку и вернулась к плите. Открыв крышку, потыкала вилкой в картофелины. Они оказались ещё недоваренные, и, оставив крышку слегка приоткрытой, села на табурет. Продолжая смотреть на кастрюлю, она вновь погрузилась в воспоминания.

В тот злополучный день в распахнутые ворота вошла компания во главе головы нового колхоза Петра Волочука. С ним – Панас-Бобыль, Микола Косой и трое гэнэушников. Старший из них был всё тот же горбоносый. Он осмотрел двор, взглянул на хату и проговорил:

– Во кулачѣ хоромы отгрохали.

– Шо за кулачѣ? Усѣ, своими руками зроблено, – возразила она тогда. Но на её слова никто не обратил внимания. Голова колхоза зачитал бумагу районной рады, из которой выходило, что семья Рыбак, как злостные враги родянской власти и колхозов, подлежат выселению. Дали полчаса. Она не ревела и не причитала, но слёзы вытекали из глаз, и она, промокая их концами платка, складывала, испечённый накануне хлеб в чистый мешок. В другой, мешок кастрюлю, эмалированные миски и чашки. Туда же сложила деревянные ложки и мешочки с горохом и крупами. Младшая, Янка, глядя на мать, заревела. Вацлав прижал её к себе, и, глядя её по голове, предложил сложить в другой мешок зим-

ние вещи, раз грозятся отправить в Сибирь. В этот же мешок, она опустила связку лука, попавшийся на глаза. Потом старшей, Олесе, велела собрать кой какую обувь, а сома собрала все деньги, завернула их в платочек и сунула за пазуху. Перекрестилась и, поклонившись иконам, пошла из хаты.

Пока они собирались Панас с Миколой запрягли их лошадей в бричку.

Они разместились на бричке, Микола, взявшись за вожжи, сел впереди, один из стрелков сел сзади.

За городом их нагнали ещё две подводы. На них — семьи Божковых и Наливайко.

Из Янушпольского их на поезде привезли в Бердичев. Там погрузили в телячьи вагоны и повезли на восток. Вагон не отапливался. Спасали зимние вещи, но всё равно было холодно. Вацлаву стало очень плохо: он начал кашлять с кровью.

Через две недели их выгрузили на станции со странным названием Яя. Разместили в бараках. Вацлав слёг совсем. Начальство, командующее переселенцами, пообещало найти доктора, но через несколько дней решили отправить его на лечение в Новосибирск и на второй день увезли на поезде.

Кормили одной кашей и давали кипяток. В начале мая ей сообщили, что её муж Вацлав Кобецки в больнице умер. А через неделю шесть семей посадили в поезд и сообщили, что они едут в Мартайгинский район работать на золотом руднике. На станции Тяжин их посадили на телеги и четыре дня везли до этого рудника, который называют Центральным. Разместили в небольшом посёлке, за речкой Кожух, в длинном бараке. Комендатура запретила всем появляться в посёлке для вольных; выдала карточки на продукты. Первые переселенцы заняли несколько изб брошенных после гражданской войны, когда золоторудные шахты были за-

крыты и брошены. Семьи, где были мужчины, не соглашаясь жить в бараке и брошенных избушках, принялись строить дома, (благо лес рядом), и корчевать пни под огороды. В середине второго лета некоторые перешли жить в свои дома. И в одну из освобожденных изб предложили перейти ей с дочерьми. В избушке была небольшая комната и кухонька с исправной печью. В бараке они спали на топчанах, выданных комендатурой. Переезжая в избушку, приобрели кровати, небольшой стол и два табурета.

Все новые переселенцы и те, которых привезли раньше, были из крестьян и, увидев, что около изб нет огородов, попросили у начальства, выдать им или продать лопаты для обработки земли. Вскоре все клочки земли около изб и поляна за посёлком были вскопаны. С большим трудом удалось в первый год достать, а вернее, купить картофель для посадки. Постепенно разжились и другими семенами и на второй год уже выращивали разные овощи.

Она ещё раз проверила: сварилась ли картошка, взяла полотенце и, взяв кастрюлю за ручки, слила из неё воду в стоявшее в углу, под умывальником, ведро. Потом встряхнув кастрюлю несколько раз, поставила на край плиты. Накрыв кастрюлю полотенцем, вышла во двор. Вдали, виднелась улица, между домами школа. Посмотрела: не идёт ли Янка. Её не было видно.

В связи с высылкой, у ней один год пропал, и ей пришлось идти снова в пятый класс. Теперь осталась неделя до двадцатого числа, когда начнутся выпускные экзамены за седьмой класс.

Майское солнце ласково грело. Кое-где зеленела молодая травка, но кусты талины, по берегам речки были ещё без листьев. Она взглянула перед собой, где на небольшом взгорье виднелась золото-извлекающая фабрика с серым конусом терриконика. Поодаль, по ту сторону посёлка, высилась гора, как скала, ярко освещённая солнцем, а ближе

её колёр шахты «Красная», где она сама работала откатчицей вагонеток. Посмотрела в сторону соседской избы, где жила её напарница по работе Мария Егоровна Шутова. Сдружились, когда везли сюда на лошадях: их семьи усадили на одну телегу. Сейчас она звала её Машей – та была на восемнадцать лет моложе.

Соседки во дворе не оказалось, она ещё раз взглянула вдаль улицы и зашла в избу.

Поставив табурет к столу, села на него и посмотрела на часы-ходики. Стрелки показывали несколько минут второго. До начала второй смены оставалось три часа. Глядя на часы, вспомнила, что она одна из первых, прибывших вместе, купила часы. Вообще, деньги тратила бережно: купила лопату, грабли, ситцу на простыни и наволочки и два байковых одеяла. Часы вновь напомнили о Маше, которая первое время прибегала, спрашивая, который час. Они были с Алтайского края. Имели хороший дом пятистенок, две коровы, двух лошадей и другую живность. Отказались вступить в колхоз их и раскулачили. Ехали втроём: Маша, муж Семён Тихонович и сын Борис.

Ему надо было учиться дальше в восьмом или поступать в техникум. Однако переселенцам запрещалось уезжать из посёлка, а школа-десятилетка была построена только в прошлом году в посёлке Октябрьском. Теперь он только заканчивает восьмой класс.

Янка вот-вот должна прийти, но в нетерпении Дарья поднялась и прежде чем шагнуть к окну, задержалась у полки. На ней, рядом с посудой, стоял довольно большой обломок зеркала, найденный где-то Янкой. Посмотрелась в него. Взглядом обвела своё лицо: подсунула прядь волос под платок. Провела пальцами возле правого глаза, и осталась, довольной: морщин не было, хотя ей уже за пятьдесят.

Увидев вдаль, Янку, успокоилась. Последнее время, она жалела, что мало видится со старшей дочерью, хотя догово-

рились с Олесей работать в разные смены, чтобы Янку не оставлять одну. Теперь, чаще встречались с ней у фабрики, чем дома. Когда приехали сюда, ей было двадцать лет. Уехать куда-нибудь нельзя – пошла работать. Так как у неё была семилетка, взяли учётчицей по приёму руды, на обогатительную фабрику. Хорошо, что молодёжи разрешают посещать клуб, недавно построенный в посёлке.

Дарья стала снимать посуду с полки, готовя всё к обеду.

11

В один из дней Олег, который помогал в ремонте экскаватора, сказал:

– На новом участке, за посёлком, экскаватор раскопал два шурфа и содержание золота там такое же, как на этой установке. И залегание примерно до трёх метров. Похоже, к весне там оборудуют промывочную установку. Сан Саныч намекнул, что, наверно, придётся делать такую же вагонетку-скип.

Однако, всё шло по-прежнему. Правда, вскоре в их магазине хлеб стали продавать вольным только по каким-то книжкам или карточкам. Донетали слухи, что кое-где очень голодно. Но на боны хлеб можно было купить.

Олег с его догадкой, оказался прав. Едва закончилась промывка песков, механик вновь собрал их команду и сказал, что делать вагонетку придётся. Дна через три привезли необходимые материалы, Олег принёс от механика замызганные чертежи и разметка и заготовка началась.

Иван, придерживая лист железа, на котором Санык с Николаем, по разметке, отрубали концы, спросил:

– Снова будем делать колёса, которые могут развалиться и нам надают по шее?

Не дрейф, Ваня, Сан Саныч не дурак. Он тогда, на всякий случай, восемь литых колёс заказал, — успокоил Николай, положив кувалду на плечо.

Работа шла своим чередом. Подкопив деньжат, они теперь по вечерам чаёвничали. Сан Саныч перешёл жить в квартиру и свой старый чайник, в котором ему кипятили воду на горне, он оставил Сане. Теперь они себе кипятили воду и прямо в этом чайнике заваривали китайский плиточный чай.

В один из таких вечеров Боря-почтальон принёс Ивану письмо от матери.

Письмо было написано по-русски, как требует комендатура. Про раскулачивание ни слова, только о ссылке. Написала, что живут в брошенной кем-то избе, что работает на шахте откатчицей, что Янка учится, а Олеся работает. Но главное, что она разговаривала в комендатуре, и ей сказали, что он может перевестись к ним, если напишет ходатайство в Главное управление Сибзолото в город Новосибирск.

Рассказал содержание письма ребятам. Все посоветовали написать такое ходатайство. Олег сказал:

— Сходи к коменданту, покажи письмо. Он вроде ничего мужик. Вот послабление дал — один день по понедельникам отмечаемся. А в других местах каждый день ходят.

— Знаем мы с Иваном такие места, — заметил Саня, а потом добавил, — Ты сначала к Сан Санычу зайди.

Он так и сделал. Механик прочитал письмо, кивнул головой, вроде соглашаясь с написанным и сказал:

— Это надо делать через комендатуру и начальника участка, а самому надо натаскивать Романа, чтобы заменил тебя.

Перед ужином Иван пошёл к коменданту. Постучал в дверь, услышал: «Войдите». Вошёл, поздоровался. Лейтенант стоял у окна:

– Здравствуй, Иван Рыбак, ответил он, усаживаясь к столу, – Что у тебя?

– Гражданин лейтенант, вот мать письмо написала, - он шагнул к столу, протягивая письмо. Тот взял письмо, сказал ему: «Садись», – стал читать.

Лейтенант был ещё в старой форме, с голубыми петлицами, только в них прибавилось по одному квадратику или «Кубику», как все называли.

Прочитав, сказал:

– Подойди к начальнику участка, Виктору Ивановичу, пусть он напишет такое ходатайство от твоего имени и завизирует его, я тоже подпишу.

На второй день в конторе начальник участка заставил своего помощника помочь Ивану написать такое ходатайство. Когда бумага была готова, начальник завизировал её и велел помощнику написать на листочке адрес Управления «Сибзолота».

Иван в этот же день подписал бумагу у коменданта.

С момента, когда бросил письмо в почтовый ящик, снова началось долгое и томительное ожидание.

ЧАСТЬ 3 РУДНИК «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ»

1

С последней остановки и ночлега выехали затемно, хотя, слева за сопками, чуть брезжил рассвет. На его фоне, были хорошо видны дымки из печных труб посёлка с названием Макарак. Оно показавшееся ему забавным, когда услышал его впервые, во время длинного спуска, при въезде в посёлок. Иван удобно устроился на соломенной подстилке саней, оперев высокий воротник полшубка на деревянную перекладину загородки, устроенной в конце саней. Как пояснил возница Павел Егорович, она сделана, чтобы при перевозке ящиков с концентратом те не сползали с саней, когда идёт подъём в гору. Левой рукой он придерживал чемодан.

Возница был пожилым мужиком с окладистой бородой, в лохматой лисьей шапке.

Проехали через мост. Иван поинтересовался, что за река, и возница ответил: «Кия». Дорога пошла круто вверх, и Ивану пришлось сесть в санях, так как шею начало давить, да и ехать, когда ноги на много выше головы, неудобно. Огромные деревья подступили с обеих сторон, с сугробами снега на ветвях. Вскоре их ветви сомкнулись, образовав тёмный туннель.

Мысленно он рисовал себе встречу с матерью и сёстрами и радостно волновался. Но в то же время душу скребла грусть по родному гнезду: по дому, построенному отцом, по вишнёвому саду у дома, по полям и перелескам, где пропадал с детства, по дедовским прудам. Тоскливо подумал, что никогда не увидит родные места. Печалился и том, что сей-

час родные ютятся в какой-то избушке и ему предстоит стеснить их ещё больше. Вспоминал, о своих товарищах по несчастью, которые для него так много значили.

Радостным событием стало возвращение в Октябрьский Матвея Ильича Круглова. Его экскаватор понадобился для увеличения вскрыши пласта и проведения траншеи от карьера к речке, чтобы большая часть воды при ливне утекала в речку.

В первый же вечер он зашёл в их комнату. Все обрадовались ему. Он поздоровался со всеми за руку. Саня, узнав, что он поселился в угловой комнате, предложил:

– Переезжайте к нам.

На его замечание, что здесь нет места, Саня подошёл к столу, выдвинул его на середину комнаты и сказал:

– Олег, пойдём, принесём кровать.. Они вышли втроём, а через пару минут внесли кровать вместе с постелью и установили её, у окна, между двумя кроватями. Олег тут же вынул всё из верхнего отделения тумбочки и сложил всё в свой чемодан.

– Быстро решаете вопросы, – улыбнулся Матвей Ильич, усаживаясь на свою кровать.

С этого дня, по вечерам, проходили беседы, в которых Матвей Ильич объяснял разные вопросы. Иван всегда внимательно его слушал и мысленно окрестил такие беседы умными разговорами.

Одну из таких бесед Иван запомнилась особо, потому, что коснулась его. Прошло недели две, как тот приехал, и в разговоре Саня поведал, что мать Ивана раскулачили. Матвей Ильич посочувствовал Ивану и продолжил:

– Я уж про эту глупость говорил. И про Рютина рассказывал. Но ведь об этом предупреждал видный деятель партии Бухарин Николай Иванович, соратник Ленина. Когда Сталин стал рьяно нападать на кулаков, крепких хозяйственников, называя их врагами социализма, Бухарин написал

статью, в которой предложил путь вrastания кулака в социализм. Он говорил, что крепкие хозяйства будут своим трудом помогать социализму. Сталин обвинил его в правом уклоне и убрал со всех высоких постов. Сейчас он редактор газеты «Известия», Тысячи крестьянских дворов разорены, а знающие дело мужики, работают, где попало. Да ещё мучаются их жёны и дети.

Иван тогда, в который раз, не мог понять: почему власти неуютны умные люди?

Октябрь принёс холод, а вскоре и морозы. Они занимались изготовлением вагонетки. Роман и Володя ремонтировали Володину паровую лебёдку. Олег, закончив разметку деталей, помогал Матвею Ильичу в текущем ремонте экскаватора.

Сейчас, сидя на санях, он вспоминал, с каким тоскливым нетерпением он ожидал ответа из «Управления Сибзолото».

Наконец он пришёл двадцать седьмого ноября.

Все перечитали это разрешение, а Матвей Ильич сказал:

– Переезд к родным – это хорошо, но, Иван, готовься к худшему. Если пошлют работать в шахту, это тебе не на вскрыше махать кайлом. Потом попросил ещё раз бумагу, прочёл и, показывая пальцем в текст, сказал,

– Вот это может тебе помочь.

В этом месте было написано: «Заклочённому Рыбаку Ивану Павловичу, машинисту паровой насосной установки разрешён перевод на рудник «Центральный» Тисульского района».

Он посмотрел на Ивана и добавил:

– Попадёшь в механическую службу, будет полегче.

Сейчас это продолжало беспокоить Ивана и он спросил возчика:

– Павел Егорович, а у вас на руднике паровые насосы работают?

– Нет, – обернулся тот, – раньше были, а года четыре назад в Макараке построили тепловую электростанцию. На буром угле работает, из Ржанки возят, а к нам провода по столбам провели. Теперь почти всё на электричестве крутится.

Он отвернулся и понужнул лошадь.

– Эти слова огорчили Ивана ещё больше. Он связал это огорчение ещё с одним высказыванием Матвея Ильича. Было это в середине декабря. Он уже две недели готовился к отъезду, ожидая, когда встанут реки и лёд окрепнет. Он купил средней величины чемодан, накупил продуктов: консервов, комкового сахара, чаю. Саня посоветовал купить полушубок, нормальную шапку и валенки. Всё это он купил в торгсине, кроме валенок. Продавец уговорил его купить фетровые бурки, маломерки, которые кроме него никто не купит. Они оказались чуть большеваты, но тот предложил купить ещё пару шерстяных носков. Когда по просьбе друзей он всё это надел, все восхитились.

Ты, Вань, прямо, как главный технолог управления в этих белых бурках, – сказал Олег.

На другой день он пошёл в контору, попросить выдать ему какой-нибудь документ. Там все читали свежие газеты и возмущались. Он понял, что убили какого-то Кирова. Начальник участка послал его в комендатуру, где ему выдают путевой лист. Комендант тоже читал газету и не ответил на приветствие. Иван напомнил, зачем он пришёл. Тот отложил газету, покрутил головой, достал из стола отпечатанный листок, поставил на нем штамп, подписал, подал ему и снова взялся за газету.

Придя в общежитие, Иван сказал:

– Вся контора читает свежие газеты.

– О, Вань, значит, реки встали, можно ехать, – заметил Саня.

– Там говорят, какого-то Кирова убили, – продолжил Иван.

– Кирова?! – переспросил Матвей Ильич, приподнимаясь на кровати. Иван подтвердил.

– Ох, ты! Плохо. Умная голова. Это член Политбюро, Первый секретарь Ленинградского обкома, – пояснил Матвей Ильич. Помолчал, некоторое время и произнёс:

– Ну, братцы, теперь Сталин подкрутит гайки, только держись. Так что, Ваня, повезло тебе: после этого вряд ли перевод дали. Сейчас везде врагов начнут искать.

– Приедешь в Свободный, не заходи в комендатуру на вокзале, – посоветовал Олег, – чего доброго отменят все переезды. Не пожалей денег, купи билет в хороший вагон и уезжай.

Так и сделал. Но долго не мог выехать, так как с экспедицией, которая вывозит золото на лошадях, посторонних не берут, а обоз с продуктами не приходил, чтобы с порожняком уехать. Всё завозят летом по реке. Только двадцать седьмого февраля удалось выехать: механик Сан Саныч, отправляясь в командировку, взял его с собой.

Рассвело. Дорога то поднималась в гору, то спускалась в очередную лощину. Деревья то подступали к дороге, то отступали или вовсе исчезали, когда выезжали на широкие поляны.

Вспоминая отъезд, Иван жалел, что не удалось попрощаться со Степаном Хвyleй, Оглоблиным, Петро и Лёхой: их бригаду снова отправили на лесосеку. С ребятами из общежития посидели хорошо, как раз был выходной. А в понедельник он уехал.

Иван поинтересовался:

– Павел Егорович, у вас здесь всегда так много снега?

– Нынче меньше, чем обычно, февраль был не бурный.

Иван удивился: неужели может быть ещё больше, итак все ветки на елях висят вниз под тяжестью снега.

Подумал о своих. Как-то не верилось, что сегодня вечером их увидит. Похвалил мысленно мать за то, что подробно описала, как к ним добираться.

На станции Тяжин он провёл меньше суток. Он зашёл в зал ожидания небольшого деревянного вокзала и сразу решил спросить, у кассирши, как попасть на рудник «Центральный». Но, только начал ей объяснять, она прервала его и посоветовала обратиться к дежурному по станции. Пожилой мужчина с усталыми глазами в красной фуражке всё объяснил, сказав, что с Центрального рудника сюда привозят концентрат, и с ними можно доехать, если возьмут. Уточнил, что приезжают часто, обычно, к поезду, который прибывает в шесть пятнадцать вечера.

Коротая время, обошёл вокруг вокзала. В приставционном магазине купил сайку из белой муки. Ещё в Пионерском, стало известно, что с января были отменены карточки на хлеб и продукты. По совету продавщицы, на базарчике купил кружку молока и перекусил.

Весь день коротал, сидя в зале ожидания. Читал на большом расписании названия поездов и их номера. Над расписание в белых квадратиках была дата: «5 марта 1935». В указанное время, дежурным по станции, прибыл поезд. Иван встречал его, стоя на перроне. Едва поезд остановился, из-за вокзала, на радость Ивану, выехало трое саней и остановились у почтового вагона. Высокий мужчина в очках, с листом бумаги в руках, поднялся в вагон. Двое охранников с карабинами, стали по обе стороны обоза. Возчики начали грузить в вагон маленькие и сравнительно большие, деревянные ящики. Погрузка заняла несколько минут. Когда мужчина, с бумагой в руке, выпрыгнул из вагона, Иван подошёл к нему и изложил свою просьбу, показав при этом

свой «Путевой лист». Тот сказал, что они его заберут с собой, только выезжать будут утром.

Предложил переночевать в их оборотном пункте. Там выяснилось, что ещё придётся ночевать или в райцентре Тисуль, или в другом посёлке.

Теперь, когда это всё было позади, он больше думал о предстоящей встрече и удастся ли ему попасть в механическую службу?

При очередном спуске въехали в деревню, раскинувшуюся на просторной поляне. Возница назвал её Большой-Натальевкой и добавил, что когда едут с грузом, здесь останавливаются, чтобы дать лошадям отдохнуть. Кони так привыкли, что останавливаются сами. В этот момент он обернулся и с усмешкой сказал:

– А порожные, каналы, не останавливаются – домой торопятся.

Начались бесконечные подъёмы и спуски. На верху этих крутых холмов виднелась вершина заснеженной горы. Показывая на неё кнутом, Павел Егорович сказал:

– Гора Лохматая издалека видна.

Поросшая лесом вершина, как бы повисла в воздухе, отсечённая от основания не то туманом, не то тучкой.

Проехали свёрток дороги. Словоохотливый Павел Егорович, пояснил:

– Это на реку Кундат. Там хотят драгу запустить для добычи золота. Жалко реку. Там хариусы стадами ходят.

У следующего свёртка, вновь пояснил:

– Это к реке Кожух, она и в нашем посёлке протекает.

На большом перевале остановили лошадей на небольшой отдых. С этого места была видна ещё одна высокая гора. Иван невольно залюбовался ею. Солнце, спускаясь к горизонту, вонзило в неё свои лучи, а она, отражая их, устремляла лучи в небо, образовав светящуюся корону.

– Что за гора? – спросил он.

– Это – ~~Кож~~матая, – ответил возница.

– Как красиво лучи разбросала, – восхитился Иван.

Уже в сумерках начался длинный спуск. Вдали светилось несколько огоньков.

– Вот подъезжаем к «Центральному», – сказал Павел Егорович.

Дорога пролегла прямой лентой. Справа тянулась извилистая лощина реки Кожух, как подсказал Егорыч. У дороги появились дома и вытянулись в длинную одностороннюю улицу. В некоторых окнах виднелся свет. В конце этой улицы, справа, слабо освещённые, угадывались промышленные корпуса, а с левой стороны из сумрака вырастала огромная гора, вершина, которой высвечивалась, на фоне потемневшего неба.

Ивана захлестнуло волнение: с одной стороны радость скорой встречи с родными, с другой неизвестность предстоящей перемены в жизни и работе. Здесь придётся думать не о себе, где тебе лучше, а о семье. Всё зависит от окружающих людей. Там ему повезло с бригадой Оглоблина, а потом с Санькой и Олегом. Там он был связан с ними одной бедой, стали друзьями, а здесь он – пришлый новичок.

– Тебе куда надо? – спросил, оборачиваясь, Павел Егорович.

– Здесь где-то посёлок для переселенцев.

– Есть такой. Алла-Кожухом называют. Я подвезу.

Первые подводы свернули на право, а они продолжали ехать прямо. Миновав небольшой мостик, и проехав ещё немного, остановились. Возница, показывая кнутом, сказал:

– Пойдёшь по этой дороге, там мосток через речку. За ней длинный барак и отдельные избы. Где свет горит, постучи и тебе подскажут.

Иван встал с саней, взял чемодан, с благодарностью распрощался с возчиком и двинулся в темноту.

Вдали, кое-где виднелись огоньки. Перейдя мост, он направился к крайней избе, в которой светилось окно. По еле различимой тропинке, утопающей в снегу, пробрался к окну и постучал. В избе мелькнула тень, послышался звук открывающихся дверей и голос:

– Кого надо?

– Скажите, где проживает Дарья Демьяновна Рыбак?

– Третья изба по нашему ряду.

Иван поблагодарил, вышел на дорогу и пошёл к указанной избе. В окне тоже горел свет. Он подошёл к дощатой двери сеней, постучал и услышал голос матери:

– Кто там?

– Це я мамо.

– Ой, сынку! Янка, Иванко приехал!

Звякнуло по железу, и дверь распахнулась. Он поднялся на две ступеньки и вошёл в сени.

– Здравствуй, мамо!

– Здравствуй сынку!

Мать обняла его, поцеловала и начала всхлипывать. Он обхватил её одной рукой и поцеловал.

– Проходи в хату, я закрою.

Он вошёл в открытую дверь, и к нему бросилась Янка:

– Здравствуй, братэ!

Он опустил чемодан и обнял сестру:

– Здравствуй, Яна! Яка ж ты стала гарна дивчина!

Мать закрыла дверь и, утираясь передником, сказала:

– Заждалися мы тэбэ.

– Ось и дыбрался до вас. А де Олеся?

– Она в прошлом роки вышла замэж за Степана Крутова, – ответила мать, поднимая керосиновую лампу со стола и вешая её на гвоздь в косяке окна.

– Кто такой? – спросил он, снимая полушубок.

– Грамотной, где-то в управлении шахты работает.

Янка взяла у него шапку, он повесил полушубок на вешалку. Мать, увидев его новый полушубок и белые фетровые бурки, сказала:

– Як ты гарноно одитый.

– Купив всё пиред вытездом.

Мать сняла с полки миску с ложкой, предложила ему помыть руки и садиться к столу. Но он прежде положил чемодан на табурет, открыл его небольшим ключиком, и стал доставать содержимое и выкладывать на стол: банки с рыбными консервами, большой свёрток с сахаром, несколько плиток китайского чая.

Мать сказала, что у них рыбные консервы бывают редко, да и то стали появляться, когда отменили карточки. Чай бывает, но дорогой. Сахар появляется, но всегда очередь надо отстоять. Янка по просьбе матери сложила это всё, кроме плитки чая, в шкафчик под столом, а мать, пощупав кастрюлю на плите, стала наливать борщ, в эмалированную миску. Пока Иван мыл руки под жестяным умывальником, Янка отрезала от булки ломоть хлеба. Подойдя к столу, он удивился:

– Що, я одын буду исти?

– А мы тильки поили, – ответила мать.

Он ел борщ, сваренный матерью, а душу бередила мысль: «Неужели это на самом деле?» Ему борщ казался таким же вкусным, как раньше, в родной деревне. Хотя мать, сидя рядом на табурете и любясь на него, говорила, что в нём не хватает красного сладкого перца, мяса и маловато лука. А он успокаивал её и говорил, что борщ очень вкусный.

Янка наблюдала за его едой, привалившись к стене.

– Ты ещё учишься, как писала мама, – сказал Иван по-русски.

– В девятом классе, – почему-то смутившись, ответила та.

– Ей весной выполниться висемнадцать рокив, – сказала мать.

– Ничего, хай учиться. Грамотной жить легче, – уточнил он.

Чай пили вместе. Когда мать выставила баночку с кусочками сахара, Иван подхватился и шагнул к своему чемодану. Открыв его, засунул руку в карман на крышке и достал маленькие щипчики для раскалывания сахара.

– Во, шо продавец поратовал взять, – сказал он, протягивая их матери.

Она похвалила покупку, тут же расколола кусочек сахара, и довольная улыбнулась.

После чая Янка перенесла лампу в комнату, а мать приглашая туда пройти, сказала:

– Бачишь в якої холупе мы живемо?

– Бачу.

Здесь стояли две кровати, большой сундук, и больше почти не было места. Янка пояснила, что на узкой кровати спит она, а на широкой мать, а раньше они с Олесей. На двух небольших окнах висели белые занавески, а на подоконниках лежали учебники, и стояла чернильница.

– Вся одежда на вишалке, да в сундуке, – сказала мать и пояснила, – Достався нам не знамо от виткого.

Присели на кроватях.

– Тобѣ, придѣтся в кухни кровать поставити, – сказала мать.

– Ничого, помистимуся, – ответил он и добавил, – може и на полу поспати.

– Кем ты там працювал? – поинтересовалась мать.

– Я вам в листи писав. Остане час машинистом паровой насосной установки.

– А де ты проживал?

– В общежитии, який сам будовал з плотниками, – ответил и тут же спросил, – Будовати хаты здесь разрешают?

– Будуют, хто може.

Потом он расспросил Янку, о её учёбе, похвалил, что она продолжает учиться. Спросил о брате. Писем от него не было.

Поинтересовался у матери:

– Комендант строгий?

– Строгий. Раз в день ходимо отмечаться. Романом Ильичом кличут.

Расспросил об Олесе. Мать пояснила, что живут неплохо. У него квартира в двухэтажном доме. Не побоялся жениться на ссыльной. Теперь тоже ходит отмечаться. Хорошо, что молодёжи разрешают ходить в клуб к вольным. Там познакомились.

– Она працное?

– На обогатительной фабрике приёмщицей руды.

Першли в кухню.

Мать, пошуровала клюкой в печи, прикрыла флюгарку, чтобы тепло не уходило через трубу, и ушла в комнату. Вернулась со стяжённым одеялом и небольшой подушечкой. Попросила Ивана отодвинуть скамейку от стены, постелила одеяло вдвое вместо матраца, посоветовала, накрыться своим полушубком и сказала по-русски:

– Завтра у кладовщика в бараке можно попросить матрац и топчан, пока койки нет.

– Я бы не хотел появляться пока в комендатуре, а кладовщик сразу сообщит. Надо осмотреться, узнать, что за работы имеются, с людьми поговорить, а оттуда сразу на работу ушлют.

– Це тебе самому решать, – сказала она и, пожелав им спокойной ночи, ушла в комнату.

Они ещё немного поговорили с Янкой, потом он разулся, взял полушубок и улёгся на приготовленную лежанку. Сестра пожелала ему хороших снов, потушила лампу и ушла спать. С чувством полного успокоения, он уснул.

Началась первая декада апреля, почти месяц, как Иван приехал сюда на «Центральный рудник». Надо было идти в комендатуру, а он откладывал, со дня – на день. Ему всё здесь не нравится. Прежде всего, погода. Там на востоке, март был действительно весенним, а здесь, то метель, то мороз. Первые два дня решил очистить возле избы снег. Прочистил дорожку к дому, отбросил снег от поленницы, прокопал дорожку к уборной, а через два дня начался буран и почти всё снова замело. Буран утих, и на другой день ударил мороз, аж до двадцати градусов. В лавке, в одном из бараков, был только хлеб, кой какие крупы и лапша, не то, что в торгсине. Огорчило, что в комендатуру ссыльные ходят отмечаться каждый день. Печально удивило и то, что иногда на подходе к посёлку для вольных дежурят какие-то подростки – комсомольцы, которые говорят, что переселенцам можно проходить только в промзону, к фабрике и к шахте «Красной» или в сторону улицы Октябрьской и к шахте «Дмитриевской». Правда, когда он отправился искать магазин, где бы, можно было купить кровать, его не остановили. Рассказав это соседу Семёну Шутову, с которым познакомился на второй день, тот улыбнулся и пояснил:

– У тебя ж бурки, как пропуск. У нас в посёлке в таких бурках ходят человека три – и все высокие начальники.

На второй день, вечером, Янка проводила его к сестре Олесе. Та обрадовалась ему. Собрала на стол угощение. Он отметил, что она стала красивой и степенной женщиной. Потом, пришёл её муж Степан. Познакомились. Степан ему понравился. «Рассудительный мужик. Головастый», – подумал о нём Иван. Встреча прошла без выпивки.

В первое же воскресенье мать сама предложила отметить его приезд с близкими ей соседями. Однако из-за того, что их изба очень мала, договорились устроить складчину у

Уткиных. Мать пояснила, что это они отдали ей эту избушку, когда построили себе новый дом.

Собрались в два часа. Хозяева: Михаил Степанович и Ульяна Ивановна, – ему понравились. Михаил был чуть постарше его, спокойный, рассудительный, он даже внешне походил на Оглоблина. Ульяна – задорная, быстрая.

Семён Шутов, был хотя и старше, но общительнее и бесшабашнее, а жена Мария Егоровна – деловая и частенько понуждала мужа.

Когда Иван чистил у избушки снег, тогда они и познакомились, она сказала:

– Вот видишь, Сёма, человек только приехал и уже наводит порядок, а нас скоро до крыши завалит.

Сёма посмотрел на хмурое небо и сказал:

– Бесполезно, он ещё навалит.

И оказался прав.

Изба у Уткиных была просторная: кухня с небольшой аккуратной печкой, горница на два окна. Сразу за кухонной перегородкой стояла широкая кровать, напротив, у другой стены сундук. На перегородке вешалка, завешанная цветной занавеской. Посередине, ближе к окнам, большой стол, видать самодельный, но сделанный добротнo. Около него две скамьи и два табурета, поставленные для гостей. На окнах белые занавески.

Стол уже был заставлен сковородками, мисками с разной едой, выставленной хозяевами и принесённой гостями. Пока женщины обустроивали стол, хозяин, видя, как он и Семён рассматривают его жилище, не без гордости говорил:

– Хотел русскую печь сложить, а печник сказал, что сейчас больше с духовкой ложат, хлеб-то в пекарне пекут, да и муку не продают. Я согласился. Прорубил за печкой окно и Ваньке, сыну, комнатёнка получилась.

Обвёл взглядом стены и добавил:

– Летом будет два года, как построил. Через год стены осадку дали, оштукатурили.

Уселись за стол. Первую рюмку выпили за знакомство. На столе было: квашёная капуста и солёные огурцы, жареная картошка, тушёная капуста, куски жареного зайца, галушки из тёртой картошки с творогом и сметаной, жареная рыба и две банки рыбных консервов.

Михаил, предложил тост за женщин, а потом Семён за то, чтобы они с Иваном тоже построили приличные избы. Мария, чокаясь с ним стаканом, сказала:

– Ну, Сёма, теперь ты у меня не отвертись!

Дарья Демьяновна при третьем тосте только пригубила, сморщилась и махнула рукой:

– Хватит! – сказала по-русски, -- У вас, у молодых много тостов наберётся.

Ульяна запела звонким красивым голосом:

Степь да степь кругом,
Путь далёк лежит...

Подхватила песню Мария и их голоса слились воедино. Поддержал их и Михаил. Не зная всех слов, Иван постеснялся подпевать. А песня напомнила ему, как он недавно впервые услышал радио. В поисках, где бы можно было купить кровать, ему подсказали, что такой магазин есть на улице Верхне-Январской. Открыв дверь, услышал эту песню. Звук разносился по магазину из круглой чёрной тарелки, висевшей на стене. Это было так необычно, что он остановился напротив её, не обращая внимания на посетитель, на продавщицу. Песня закончилась, и приятный женский голос произнёс: «А сейчас прослушайте народную песню «Эх, дубинушка, ухнем» в исполнении Фёдора Ивановича Шаляпина. Раздалась музыка, и густой, приятный голос запел. Он тогда стоял, как замороженный. Перед ним прошло несколько посетителей, и он не обратил на них никакого внимания. Его окликнула продавщица:

– Молодой человек, что вы хотели купить?

Он подошёл к прилавку и сказал ей, что ему нужна кровать. Она ответила, что они редко бывают, и посоветовала сходить на базар, где кто-то может продать. Он поблагодарил и пошёл к выходу, косясь на тарелку, из которой продолжала звучать песня. О том, что в посёлке есть радио, он знал. И, что уже в некоторые дома оно проведено, ему рассказал Семён, но услышав его, был поражён.

За столом песню допели. Михаил налил ещё понемногу водки в стаканы мужчин, предложил выпить за удачу на работе. Иван загадал, чтобы ему попасть в механическую службу, кивнул в знак согласия хозяину и выпил. Закусив огурчиком, стал есть жареную картошку, которая ему нравилась. Женщины попробовали консервы, похвалили Дарьины галушки. Хозяйка взглянула на него и предложила:

– Ваня, попробуй зайчатины, что ты всё на картошку палегаешь.

– Я попробую, – ответил он, но не сразу взял заячью ножку.

Мясо оказалось чуть горьковатым, но вкусным.

Мать ему говорила, что зимой зайцев привозят из соседних деревень на санях, как дрова. Иногда, по воскресеньям, привозят прямо к нашему посёлку и на горке продают. Бывает, и другое мясо привозят, но оно на много дороже.

Хозяйка с Марией вновь запели. На этот раз не знакомую, про какую-то – разлучницу. Михаил с Семёном решили выйти покурить. Он вышел вслед за ними. Они закурили, и разговор зашёл о работе. Михаил говорил:

– Если на счёт зарплаты, надо идти в шахту, но работа тяжёлая и пыльная. На поверхности – легче, но и платят меньше.

– А в шахте, что за работа, – спросил Иван, хотя уже, кое-что представлял себе о ней.

– Смотря, где работаешь. Есть проходчики, которые выработки проходят, хода прорубают в породе, – пояснил он, взглянув на Ивана. – Есть забойщики, которые руду добываю, есть коногоны, которые на лошадях вагонетки с рудой или породой к стволу отвозят.

– А ты кем работаешь?

– Я забойщик, всю смену обушком махаю.

– Что за обушок?

– Та же кирка, только с одним зубом.

– Там особенно не размахнёшься, второй зуб мешать будет, – пояснил, вступивший в разговор Семён.

Он тогда рассказал о своей работе на востоке и о желании попасть в механическую службу.

Семён заметил:

– В кадрах нашего брата особенно не спрашивают. Где рабочие нужны, туда и направляют.

– Нет, почему? – возразил Михаил, – Если есть бумага, что работал в такой службе, могут туда и направить.

Это Ивана успокоило, и он спросил Семёна:

– Мать говорила, ты, вроде, не в шахте работаешь?

– Я на фабрике работаю. Мы со сменщиками следим за работой электрооборудования. Иногда приходится потаскать железяки, но работа нормальная. Так что давай к нам на фабрику.

– Хорошо бы, – с некоторой грустью, произнёс Иван.

Вернулись в избу, за стол. Но он пробыл не долго. Мать собралась уходить. Её отговаривали, но она сказала:

– Вы молодые вам можно, а мне пора.

Он удивился, как она так сказала по-русски, и заявил, что тоже должен идти:

– На улице скользко, особенно чуть ниже по косогору, надо проводить.

Они попрощались, поблагодарили хозяев и ушли. Он был благодарен матери, за это знакомство с хорошими людьми.

4

Солнце светило Ивану прямо в лицо. Он шёл в комендатуру. Вдоль дороги, по улице Октябрьской, как и везде, лежал осевший снег. Правда, кое-где виднелись проталины, но у домов, стаяк и заборов лежали бугры снега.

На накатанной и унавоженной конским помётом дороге, встречались небольшие лужи. Прохожих было мало, но, то и дело проезжали санные подводы. Когда он в очередной раз посторонился, пропуская подводу с гнедой лошастью и возчиком, погоняющим её стоя в пустых санях, вспомнил о покупке кровати. В одно из воскресений, отправился на базар. Ему подсказали, как к нему пройти, а ориентиром служила высоченная скала-гора, возвышающаяся в восточной части посёлка.

На базаре было довольно много людей. С одной стороны стояло несколько крытых ларьков. Один был увешан ободранными зайцами с белыми задними лапками. Продавали молоко, мясо, овощи. Прямо с подвод продавали картошку. Проходя вдоль вереницы продавцов, где продавали всякие вещи: черенки лопат, топоры, разный инструмент. Один мужик продавал подшитые и новые валенки. Кто-то ему заметил: «Сейчас сапоги надо продавать, а не валенки». Он без обиды ответил: «Это рядом». Действительно, сосед продавал пару сапог. Подошёл к старику, который продавал табуреты, спросил у него, где могут продавать кровати. Тот ответил, что если деревянные, то обычно здесь, а железные там, где всякие железки продают, Он показал на крайний ларёк.

Протиснувшись к этому месту, он сразу увидел прислоненную к стене сетку кровати и две спинки. Около них стояла средних лет женщина в пальто с лисьим воротником

и в пуховой шапи на голове. Она попросила за неё семьдесят рублей и тут же добавила, что сын может отвести кровать к вам домой. Это его вполне устраивало и по этому, торговаться не стал. Отдал деньги, женщина махнула рукой и вскоре, появился здоровенный парень. Она сказала: «Надо отвести». Он взял в одну руку сетку, в другую две спинки и двинулся, раздвигая людей. На краю базара стояла гнедая лошади, запряжённая в пустые сани. Он уложил кровать, и предложил ему на неё сесть. Стоя в санях, спросил куда ехать. Он объяснил. Тот, молча, хлестнул лошадь, и гнедая рванула с места рысью.

Комендатура находилась в бараке. Вывеска висела с левой стороны дверей и была видна с дороги.

Иван вошёл в небольшой тамбур и постучал в обитую чем-то дверь. Ничего не услышал и, приоткрыв дверь, спросил:

– Можно?

– Войдите! – послышался женский голос.

Он вошёл. За, невысокой загородкой, сидела симпатичная, коротко стриженная женщина. Поздоровался. Она ответила. Он достал из кармана своё направление, и, протягивая его, сказал:

– Мне надо встать на учёт.

– Вам надо зайти к коменданту, – ответила она и кивнула головой в сторону двери, слева. Он подошёл к ней и постучал. Послышался голос: «Войдите». Он вошёл и поздоровался. За столом сидел мужчина, лет сорока в военной форму. В голубых петлицах были две серебряные звёздочки разделённые такой же полоской.

– Здравствуй, – протянул он и одновременно его брови чуть приподнялись в удивлении:

– О, какой щегол!

Иван, протягивая ему перевод, проговорил:

– Мне на учёт встать, – а в голове пронеслось: «Опять горбоносый! Правда, нос небольшой».

Принимая бумагу, чуть прищулив тёмные глаза, тот спросил:

– Откуда такой франт?

Иван понял, что причина такой встречи – бурки. Ответил:

– С управления «Амурзолото».

Прочитав бумагу, комендант взглянул на него прищуренными глазами и, как-то выдвинув вперёд нижнюю челюсть, процедил сквозь зубы:

– Что же ты, гражданин Рыбак, так долго добирался? Аж три месяца.

Иван был готов к такому вопросу и ответил:

– От посёлка «Пионерский», где контора прииска до железной дороги двести километров. Станция «Михайло-Чесноковск» в городе Свободный. Река Селемджа встала в середине декабря. Но никаких обозов не приходило, чтобы с ними уехать. Всё завозят летом по реке.

– Что же там зимой никакого сообщения, – недоверчиво покачал головой комендант.

– Золото вывозят, но с ними посторонним ездить запрещено. Поехал в командировку в Благовещенск в конце февраля механик Кошелев и взял меня с собой.

– Всё равно долго добирался, – он вновь покачал головой, потом подавшись вперёд и понизив голос, спросил:

– Ты по дороге, случайно, никого не ограбил?

Иван не ожидал такого вопроса, и слегка растерявшись, молча, помотал головой, но, тут же нашёлся, и возразил:

– Я же не бандит. Я всё купил в торгсине перед отъездом.

Комендант что-то написал на бумаге и протянул ему:

– Зайди в другую комнату, там поставят на учёт, а завтра в отдел кадров рудника. Хватит болтаться.

Иван попрощался и вышел. В соседней комнате пожилая худая женщина с большими глазами и тоже с короткой стрижкой. записала его в большую книгу, предупредила, что отмечаться надо приходить каждый день с восьми утра до восьми вечера.

Управление рудника находилось в центре посёлка на улице Ленина. Это было двухэтажное деревянное здание с невысоким крыльцом. Отдел кадров был на первом этаже.

В комнате, за столами сидели две женщины. Иван протянул свой перевод одной из них. Она прочитала его и сказала:

– Вам надо зайти к начальнику Виктору Ивановичу, соседняя дверь.

Начальником оказался пожилой человек с лысеющей головой, седыми висками, в очках и с аккуратно подстриженными усами. Прочитав перевод, блеснув очками, взглянул на Ивана и произнёс:

– У нас паровые котлы не используются.

– Я знаю, – поспешил он пояснить, – зимой, когда промывки песков не было, я работал в мехцехе. Ремонтировали оборудование.

– Понятно, – кивнул он головой, – у вас, какая ни будь, справка есть об этом?

– Нет.

– Я могу вас направить на работу в мехцех, если вы согласны пойти учеником слесаря.

– Я согласен, – не задумываясь, ответил он.

Начальник сделал надпись на его бумаге и, подавая, сказал:

– Обратитесь к Вере Захаровне.

Ей оказалась вторая женщина, постарше. Она была в синем платье, волосы на голове были гладко уложены на пробор. Прочитав бумагу, на её симпатичном и строгом лице ничего не отразилось. Она поднялась, открыла дверцу,

шкафа, взяла одну из многочисленных папок и села к столу. Положив его бумагу в папку, взяла листок бумаги быстро на нём написала, потом выдвинула ящик стола, достала печать, хукнула на неё и приложила к листку. Подавая ему, сказала:

– Обратитесь к начальнику механического цеха Петру Ивановичу Сомову.

На улице он прочёл: «Начальнику м. ц. Сомову П. И. Направляется на работу Рыбак Иван Павлович на должность ученика слесаря».

Он был рад, что попал в механическую службу, хотя понимал, что оплата будет некудышной. Определённость с работой успокоила его, тем более, мать это тоже обрадовало. «Слава Богу, не в шахту!» – подытожила она свои опасения.

Однако было волнение, от не известности: какие люди, и как они встретят его? Здесь много вольных, и не все доброжелательно относятся к ссыльным. Об этом он слышал от Семёна. Успокаивал себя словами, сказанными как-то Санией Соловьёвым: «Готовься, к худшему, и может, что-нибудь обрадует».

5

Шёл третий месяц, как Иван работал в механическом цехе. Здание было большое с бетонными стенами. Позже узнал, что сначала было деревянным, но, загорелась кузница рядом, и пожар перекинулся на цех. И хотя сгорел не полностью, решили выстроить стены более прочные. Окна были большие. Под ними располагались два стаяка: токарный и сверлильный. За ними стоял стол мастера, а дальше верстаки слесарей. У одной торцовой стены находилась двухэтажное сооружение. Лестница наверх вела в кабинет начальника и красный уголок, а под ними располагалась инструменталка и вход в подвал, где была котельная. За глухой стеной цеха располагалась электроподстанция, и рядом –

кузница. В цехе ещё было место, где под вытяжным кором работал электросварщик.

У широких ворот, под потолком, была балка, на которой висела ручная грузоподъёмная таль.

Встретили его, как он сам считал, нормально: кто-то поинтересовался, кто он и откуда, а кто проявил полное безразличие и вспоминал о нем, если надо было, что-нибудь подать, принести или помыть грязные детали в ёмкости с керосином. Позднее стали давать детали для первой обработки, то есть опиливать их папильником или обрубать зубилом. Из-за этого инструмента он очень хорошо запомнил первый день. После того, как он побывал у начальника цеха, который встретил его приветливо, пошутил на счёт его фамилии, дескать, теперь у нас будешь рыбачить, расспросил о прежней работе и, написав что-то на листке, подал его со словами: «Найди Николая Николаевича, мастера цеха». Спустившись в цех, увидел в окне инструменталки женщину. Поздоровался и спросил её, где можно найти мастера. Она кивнула головой и сказала:

– Вон, около ребят слонит, что редуктор ремонтируют, в кепке.

Иван подошёл к ним, поздоровался и спросил:

– Вы Николай Николаевич?

– Я.

Он протянул ему записку. У того при чтении, две косматые точки бровей чуть приподнялись. Взглянув на него светло-голубыми глазами, произнёс:

– Значит, Рыбак Иван Павлович? Хорошо. Иди вон к тому верстаку с большими тисками. Я сейчас подойду.

Когда отвернулся и пошёл, услышат за спиной вопрос, кого-то из слесарей: «Кто такой?» Ответа не услышал.

Через пару минут мастер подошёл и сразу спросил:

– Зубилом с молотком работал?

– Приходилось.

– Сейчас проверим, – сказал он, подошёл к стеллажу, где лежали куски металла, стержни, листы железа. Выбрав небольшой лист железа, вернулся к нему. Вставив лист в тиски, так, что над тисками торчала узкая полоска, сказал:

– Выдвини ящик верстака, достань зубило и молоток.

Он достал. Мастер взглянул на него и, приглаживая усы, сказал:

– Вот железо одна десятая дюйма, надо быстро отрубить полоску.

Иван подставил зубило к листу и стал бить по зубилу. Лист чуть надорвался.

– Понятно. Ты куда смотришь? – спросил мастер.

– На зубило. Чтобы не промахнуться.

– Так не рубят. Надо смотреть в то место, где рубишь.

Иван посмотрел на лезвие зубила и продолжил бить молотком по зубилу.

– Бей сильней! Видишь почти не рубиться.

Он ударил сильнее.

– Ещё сильней, от локтя, – настаивал мастер.

Он ударил сильнее, но на второй раз промахнулся и молоток ударил по руке. Он отдернул руку, бросил зубило на верстак. На косточке указательного пальца выступила кровь. Он засунул окровавленное место в рот.

– Это ерунда. До свадьбы заживёт. Не обращай внимания. Так все начинают.

С этими словами он взял зубило, забрал у него молоток и за пять ударов срубил эту полоску. Потом достал из ящика линейку и чертилку, как он пояснил, и вынул из тисков лист. Положив на верстак, разметил её, проведя на ней четыре полоски.

– Чтобы зря не рубить, изобразишь пять пластин. Пригодятся для устройства заземлений. Приступай. И не бойся.

Ещё раз говорю. Смотреть надо туда, где рубишь, – и отошёл.

Иван вставил лист в тиски и приступил к рубке. Сначала с опаской, но потом всё сильнее, стал бить молотком по зубилу, соблюдая указание мастера. К его удивлению он больше ни разу не промахнулся. И когда к нему снова подошёл мастер, у него было отрублено три полосы. Тот наблюдал за ним и похвалил:

– Молодец. Когда все нарубишь, края зачисти напильником.

В тот день он всё сделал, как велел мастер, и тот остался доволен его работой. Иван сравнил мастера с механиком на приiske. Тот был Сан Саныч, а этот Николай Николаевич. Правда, по облику они различались, но чем-то они походили друг на друга. Однако, чем, он пока не определил.

Иван обтачивал напильником несколько небольших втулок, вставляя их по очереди в тиски. Остальные слесаря занимались ремонтом двух редукторов и насоса. В это время открыли ворота, и в цех въехала тележка с редуктором, толкаемая трактором. Бригадир Владимир Крагин крикнул Ивану, чтобы он помог Тюрину разгрузить. Он положил напильник и отправился к тележке. В это время Анатолий уже забрался на тележку, подцепил редуктор крюками и приподнял талью. Спрыгнул с тележки и, крикнул трактористу, чтобы выезжал. Тот выехал из цеха. Иван уже не первый раз занимался разгрузкой. Он подкатил низкую трёх колёсную металлическую тележку под висевший редуктор. Анатолий талью опустил его на тележку и отцепил крюки. Иван поднатужился и медленно покатил тележку по чурочному полу под другую таль, где обычно ремонтировали оборудование. Стоявший рядом Владимир Глухих, приподнял редуктор талью, а Иван откатил тележку на место, где она обычно стояла, и вернулся к своему верстаку.

Работая напильником, он рассуждал: «Хорошо, что попал сюда. Отношения с людьми сложились нормальные. Хотя в первые дни Николай Зуб обращался к нему с пренебрежением. Несколько раз говорил: «Эй, шкет! Поддай монтировку!» Или ещё как. Но Владимир Глухих, тоже из ссыльных сказал тому:

– Тебе же не нравится, когда тебя «Зубилом» обзывают. Тем более Иван на два года старше тебя. Смотри, я за хамство и врезать могу. Тот отмолчался, но обзываться перестал. Глухих по росту был, чуть ниже бригадира Владимира Крагина, но, пошире в плечах.

Был ещё один ссыльный Борис Ивлев. Оба были не особенно разговорчивыми.

Все собирались во время перерыва на обед. Столовая в посёлке была далеко. Поэтому ели за длинным столом, раскрывая свои сидорки, принесённые из дома. Мать сшила ему мешочек с завязкой, куда он обычно клал хлеб и банку из-под консервов, в которую накладывал сам или мать солёные огурцы, или варёную картошку, или ещё что.

Когда заканчивали с едой, возникали разговоры. Самым разговорчивым был Валентин Плушков. Он был охотник и частенько рассказывал охотничьи истории. Все его слушали с интересом, но соглашались с Николаем Зубом, который язвил:

– «Ну, ты Валька, и привирать горазд». Тот горячился, доказывая, – обратное.

Валентин первый стал расспрашивать Ивана про то, где он раньше работал и жил. Пришлось рассказывать, не вдаваясь в подробности. Когда он сказал про то, как их везли голодными пять дней, тот же Зуб заявил:

– Брехня, вы бы все подошли.

Заступился Борис Ивлев, сказав:

– Ты, Колька, ничего такого не испытывал и думаешь, если пару дней брюхо не набьешь, сразу окочуришься. С

твоей харей можно дольше прожить, если ты со страха с ума не сойдёшь. Зуб обиделся:

– У тебя у самого харя кирпича просит.

Перепалку прекратил бригадир:

– Хватит, балаболить. Заершились, как пацаны.

После еды все направлялись на водопой, к бочку у инструменталки.

Хотя уже месяц, как его привлекали к ремонту оборудования, в основном, разных редукторов, ему продолжали давать задания по изготовлению шпонок, опилование разных втулок и баббитных вкладышей, скользящих подшипников. Случилось так, что однажды бригадир похвалил его при мастере за аккуратность, а другие слесаря подхватили это и стали увиливать от такой нудноватой работы, поясняя, что у него лучше получается.

Часто приходилось ходить в кузницу за вкладышами скользящих подшипников, где их отливали. Там познакомился с кузнецом Василием Ивановичем и молотобойцем Захаром. В одном из разговоров узнал, что первый – ссыльный с Урала, второй – местный. Оказалось, что он год назад построил избу недалеко от Уткиных. Кузнец был старше Ивана лет на семь. Захар был совсем молодой, долговязый, совсем не походил на настоящего молотобойца. Кузнец подшучивал над ним, а тот только улыбался.

Однажды в разговоре Иван сказал, что тоже собирается построить избу, только надо сначала разряд получить, чтобы больше платили, а плотничать он умеет. Василий Иванович согласился, что деньги везде нужны: на трелевку леса, если коня брать с конного двора, на тес и плахи, хоть покупать, хоть возить на раскиловку. Да если кто пособлять будет, тоже надо.

Познакомился Иван в цеху и с электросварщиком Юрием Кирилловым. Когда впервые увидел сварку и подошёл понаблюдать за его работой, тот предупредил:

– На дугу не смотри. Глаза заболят.

– Какую дугу? – удивился он тогда.

– На вспышку.

Он прикрыл глаза. Бригадир, который с ним работал, пояснил, что они сваривали скип для вывозки породы на террикон. Иван, увидев сваренные листы железа, сказал им:

– Мы похожий скип, только меньше, чуть не зиму клепали заклёпки, соединяя листы.

– Вот затем и придумали сварку, – с некоторой гордостью заявил Юрий.

Участвуя в ремонте редукторов, Иван стал различать их конструкции: какие от лебёдки, какие от транспортера или питателя. Больше всего меняли скользящие подшипники, срезанные шпонки, редко меняли шестерни. Промывали, меняли масло. Много приходилось трудиться над откручиванием и закручиванием множества болтов.

Однажды во время обеденного перерыва, Глухих спросил у Ивана:

– Слушай, как тебе удалось перевестись на этот рудник? Я пробовал перевестись на другой, со мной говорить об этом отказались.

– Мне перевод подписали в конце ноября. А когда оформлял отъезд, в конторе все читали газеты про убийство Кирова. Я тогда не знал кто он такой. Рассказал мужикам в общежитии и экскаваторщик Матвей Ильич, умный мужик, из Москвы, сказал: – «Тебе повезло. Теперь, гайки закрутят. Вряд ли сейчас дали бы перевод».

– Может быть поэтому, – согласился Глухих.

– А про Кирова, – произнёс Иван, – говорили, что убил какой-то Николаев. Интересно, много ему дали?

– Много дали, – хмыкнул Глухих, – расстреляли. И ещё тринадцать комсомольцев прихватили. Вроде наших: Сашки Степанова да Васьки Мохова.

– Тоже расстреляли? – удивился Иван, взглянув на молоденьких парней. Сашка уже работал слесарем, Васька – учеником, как он.

– А то.

– Да нам на комсомольском собрании посёлка секретарь райкома комсомола всё рассказал, – заявил Сашка и продолжил, – Они создали подпольную террористическую организацию под названием «Ленинградский центр». Их нашли по адресам, записанным в записной книжке Николаева.

– Что, если адрес где-то записан, уже преступник? – спросил Ивлёв.

– У них там целый план был разработан. Они были настоящими врагами Советской власти, – убеждённо заявил Сашка.

Глухих махнул рукой и встал из-за стола.

Разошлись по рабочим местам. Иван последние дни работал вместе с Глухих и Ивлёвым. Первый сам попросил его у мастера работать с ними вместо Тольки Тюрина, слегка бесшабашного парня.

Оказавшись втроем у разобранного редуктора, Иван сказал:

– Володя, тогда Матвей Ильич сказал ещё: «Теперь начнут врагов выискивать». Видать так и вышло.

– Я сам так же подумал, – сказал он, и по-деловому продолжил, – Забери у токаря проточенные вкладыши, на два с половиной дюйма, пройдишь по смазочным канавкам напильником и носи сюда.

Иван сразу направился к токарю. Вдогонку услышал слова Бориса:

– Ваня, сделай побыстрее!

Эту работу он выполнял уже не раз. Пройтись напильником по мягкому баббиту, труда особого не составляло, и он делал это быстро и хорошо.

Приближалась осень. Выполняя совет матери, Иван занялся расширением подполья. Он и сам думал об этом, но сначала надо было заниматься весенними работами: скопать небольшой огород у избышки, потом в поле, где решили увеличить площадь под картошку, затем посадка и вынужденный ремонт избы и забора. Нынче, он и сестра, освободили мать от копки земли и от окучивания картошки.

Теперь он привлёк Янку носить землю. Он уже на один штык лопаты углубил подполье и сейчас расширял одну из стенок. Он выставил, в очередной раз, полведра земли на пол и Янка быстро вынесла его во двор. Вернувшись, поставила ведро и сказала:

– Може буде сегодня? Уже свечерело. Суббота. Я хочу в клуб сходить.

– Ты смотри, Янка, тебе надо десятый класс кончать, а ты всё танцульки и танцульки.

– До учёбы ещё десять дней.

– Ладно, иди. Маме скажи.

Он насыпал полное ведро земли и поднял его на пол. Перед глазами, в открытых дверях, мелькнуло платье Янки. Выйдя следом, он высыпал землю на кучу, и взглянул вслед убегающей сестре. Подошла мать и он, кивнув головой в сторону сестры, которая подбегала к пешеходному мостку через речку, сказал:

– Вон как торопится. Видать дружок завёлся.

– Шо ты хочешь? Ей девятнадцатый рокив идэ, – ответила она, произнося в перемешку с украинскими и русские слова. Он и сам в разговоре дома, часто так поступал, особенно, когда разговор заходил о работе или общественных делах.

– Шо ты таку гору насыпал во дворе? Нехай носила б в овраг.

– Я, мамо, завалинку у избы обсыплю, шо б земля меньше промерзала.

Дни шли за днями. Иван освоился на работе, где ему доверяли выполнять почти все работы. Напарники Владимир и Борис рассказывали ему и правила, эксплуатации механизмов: через какое время надо мерить уровень масла в редукторах и когда его надо менять, как регулируется натяжение ремённых передач и как часто надо прокручивать маслѐнки, смазывая скользящие подшипники. Мастер Николай Николаевич предупредил бригадира, чтобы он объяснил обоим ученикам, то есть ему и Ваське Мохову, правила техники безопасности, которые должен знать каждый слесарь.

В семье тоже всё шло своим чередом. В те дни, когда смены его и матери совпадали, Янка, вернувшись из школы, успевала сварить обед к их приходу. Хорошая погода позволила выкопать картошку в поле, а сосед Семѐн организовал сброситься соседям, на выделение на конном дворе подводы для вывозки картошки с поля.

Снег начал падать в начале октября, но потом растаял, а окончательно упал в конце месяца. В середине ноября начались бураны, и теперь все службы направляли людей на очистку дорог. От мехцеха, в первую очередь, направляли учеников, а иногда и парочку слесарей. Дорогу расчищали так, чтобы могли разъехаться две подводы.

Ещё полмесяца назад Николай Николаевич сказал ему:

– Пора тебе, Иван, сдавать экзамен на разряд.

Он тогда неуверенно ответил:

– Смогу, наверно.

Время шло, а экзамены не назначали. Это удручало его и он начал винить себя, что не ответил мастеру, что готов к экзаменам. Ещё угнетающей обузой сидела в мозгу обязанность: являться после работы в комендатуру. В это время там создавалась очередь, поэтому в последний месяц, экономя время, он приходил домой, умывался, обедал, а потом направлялся в комендатуру.

Шёл февраль. Приближалась годовщина, как Иван прибыл на Центральный рудник. Он был доволен. Ему вновь повезло: его взяли на работу, на обогатительную фабрику, куда его звал сосед Семён, когда он с ним познакомился. С искренней благодарностью вспоминал мужиков из мехцеха. Однако последнее время там тянулось в томительных ожиданиях экзамена. Наконец, сразу после нового года, бригадир предупредил, что комиссия соберётся завтра.

Председателем комиссии назначили профорга цеха, токаря Петра Фомича Лушина, кроме того он был один из трёх коммунистов мехцеха. В комиссию вошли: мастер Николай Николаевич и бригадир Владимир Крагин. Собрались на втором этаже, в красном уголке. Комиссия села на стулья за столом, накрытым красной материей. Сзади них на стене висел портрет Сталина. Иван сел, напротив на одну из скамеек, стоящих рядами.

Вопросы задавал в основном Николай Николаевич. Бригадир задал всего два вопроса по эксплуатации. Пётр Фомич спросил, зачем нужны профсоюзные организации, на что Иван немного растерявшись, ответил, чтобы рабочие действовали вместе. Тот поправил его, что они нужны для отстаивания интересов рабочих. На этом экзамен закончился. Николай Николаевич объявил, что ему присваивается второй разряд. На другой день ему выдали удостоверение с печатью и сказали идти в отдел кадров управления рудником. Там его отправили на обогатительную фабрику, так, что ему не пришлось даже проситься сюда.

Контора фабрики, небольшое деревянное здание, примыкала одной стеной к забору, из колючей проволоки, огораживающей фабрику. Контора и фабрика были завалены снегом. Прочищенными были дорожки и, видно было, что недавно очистили от снега окна.

В коридоре конторы никого не было. Он прочёл на дверях таблички: «Механик», «Главный технолог», «Начальник фабрики», «Бухгалтерия». На другой стороне «Красный уголок» и на одной двери таблички не было. Так как направление было написано на начальника, он постучал в дверь к нему. Услышав разрешение войти, вошёл и поздоровался. За столом, сидел средних лет мужчина с русыми, слегка всклокоченными, волосами в очках. Кивнув головой на приветствие, он внимательно посмотрел на него поверх очков.

Иван шагнул к столу и протянул направление:

– Вот, к вам направили на работу.

– На работу – это хорошо, – медленно произнёс он и, что-то написав на бумаге, подал её обратно:

– Зайдите к механику Михаилу Васильевичу, он определит ваше место работы.

Если начальник не удивился его фамилии, очевидно из-за того, что сестра работала здесь приёмщицей руды, то механик поднял свои брови в виде двух уголков, и спросил:

– Никто не напутал, записывая фамилию?

– Нет. Правильно написано.

– Ну, что, Рыбак, – его серые глаза чуть сузились, а веснушчатое лицо слегка улыбнулось, – поработаешь две недели в первую смену. У нас два слесаря выходят в помощь дежурным. А там, наверно, пойдёшь дежурным слесарем в смену.

Он что-то написал на небольшой бумажке и протянул ему:

– Зайди к начальнику охраны, дверь напротив, он тебе пропуск выпишет. Завтра к восьми утра придёшь в слесарную.

Начальник охраны, худощавый с большой лысиной, лет сорока, заинтересовался:

– Спецконтингент?

Иван подтвердил. Тот открыл железный ящик, достал бланк пропуска, аккуратно вписал в него его фамилию, инициалы, также аккуратно приложил печать и, молча, подал. Взяв пропуск, Иван попрощался и вышел.

Гошка, слесарь напарник, был уже в слесарной, когда в это утро Иван пришёл на работу. Слесарную трудно было назвать мастерской. Это была небольшая комнатуха, где стоял верстачок с тисками, допотопный сверлильный станок с ремённой передачей, в другом углу, наждак, более современный. Было одно окно, одна скамейка и одна электрическая лампочка под потолком.

Ивана удивило, что Гошка стоял у верстака и уже что-то пилил напильником. Такой прыти он от него не ожидал. Но оказалось просто: механик побывал в цеху и, выходя, встретил Гошку и дал ему нагоняя, что со вчерашнего утра крепление защитного кожуха на ремённой передаче, питателя мельницы, болтается. Вот Гошка и готовил петлю крепления. После этого пояснения он сказал:

– Везёт тебе, Иван, ты к механику на глаза не попадаешься.

– Так ты же опытнее, он всё равно тебя найдёт. Давай я попилю.

– На, – тот передал напильник Ивану, – тут чуть-чуть пилить осталось, я заготовку нашёл. Потом надо просверлить три отверстия, полдюймовое, под болт и два под заклёпки. Вряд ли в цех сварочный аппарат дадут. Будем клепать.

– А мне не впервой. Ты только разметку сделай, где сверлить.

Прошло больше двух недель, как Иван работал с Гошкой, а его в смену не переводили. За это время он успел познакомиться с работой всей фабрики, начиная с приёмных бункеров, куда вываливали привезённую руду с шахт, с дробилки, где руда размельчалась, потом по ленточному транспортеру попадала на питатель и в шаровую мельницу.

У транспортёра стояло двенадцать женщин – сортировщиц, которые убирали породу с этого транспортёра, на другой. Тот, сбрасывал породу в бункер, и скипом лебёдка вывозила её в отвал, за территорию фабрики. Руда размальвалась в мельнице и попадала в цех флотации, который иногда называли заводом. Там, в чанах сгустителях, руда заполнялась раствором воды с цианидом, перемешивалась, насосами перекачивалась в пульно-отстойники, затем в чаны золотых растворов. В них оседал золотой концентрат, а пустая пульпа-шлам сливалась в жёлоб и за пределы фабрики в специальный отстойник (озеро), которое почему-то называли «Хвосты».

Концентрат отправляли в Новосибирск на специальный завод, где из него извлекали золото. Конечно, Иван не знал все тонкости производства, но в эксплуатации и ремонте отдельных агрегатов уже разбирался.

Когда петля из пластины была обточена, Иван протянул её Гошке:

– На, размечай.

Тот взял её и, доставая из верстака инструмент, сказал:

– Пока ты шилил, я в ядике два болтика нашёл, так что, клепать не будем. Я сам просверлю, а ты сходи, узнай, когда питатель можно остановить.

Иван вышел из слесарной и направился к двери флотационного цеха. На дворе было ещё темно. Единственный фонарь на столбе гускно освещал дорогу и тропинку к цеху. Зайдя в него, он двинулся по проходу вдоль кирпичной стены. В этом цеху стена была на два метра кирпичной, а выше бревенчатая. В других цехах кирпичная кладка была ниже. Окна располагались в бревенчатой части. Потолок и крыша тоже были деревянными.

Проходя мимо, он здоровался с мотористами и операторами, занятыми своими делами. Махнул рукой Семёну Шу-

тову, который со вторым элекгриком что-то делали возле компрессора.

У питателя мельницы остановился, осмотрелся, отыскивая моториста. Увидел его у стола мастера смены и сразу сообразил: «Надо у мастера и спрашивать, а не у моториста». На смене был Тимофей Иванович Коньков, с которым он уже несколько раз общался. На его вопрос, на счёт питателя, тот ответил, что минут через сорок закончится загрузка мельницы и можно будет остановить питатель, минут на двадцать, от силы на полчаса. Иван поспешил в слесарную, опасаясь, успеет ли Гошка просверлить отверстия.

Иван не забыл, как недружелюбно Гошка встретил его в первый день. Узнав, что он из переселенцев, заявил:

– Ох, и ненавижу я вас, кулачье!

– С чего это? И потом я среди переселенцев, пока ни одного настоящего кулака не встретил, – возразил Иван.

– Все вы овечками невинными прикидываетесь, – стоял на своём Гоша.

Ивану не хотелось такому упёртому, что-то рассказывать, но было обидно, что первое время, он обращался к нему: «Эй, кулачье!» Но на фабрике было с десятков переселенцев, а может быть и больше. Был среди слесарей и Вася Кряж, переселенец с Кубани. Здоровенный парень, с тёмным чубом над голубыми глазами. Услышав, такое обращение к Ивану, поднёс кулак к Гошкиному носу:

– Ещё раз услышу такое -- размажу по стенке.

Тот было похаракорился, но обзывать перестал. Позже Иван узнал от него, что их семья жила в деревне недалеко от города Владимира, на реке Клязме. Отец его батрачил у одного зажиточного мужика, которого он и называл кулаком. Рассказывал, что тот был жадюга и обдирал батраков, как хотел. Однажды его отец на другой день, после престольного праздника не вышел на косьбу, так он осенью припомнил ему это и не додал целый куль жита. Другие

мужики тоже на него жаловались. От обиды отец записался в «Столыпинские переселенцы» и в десятом году их привезли в Томскую губернию. На выданные деньги купили избёнку, а на лошадь не хватило. Землю выделили, а как без лошади? Пришлось снова батрачить. Потом отца сманили сюда на золотые прииски. Тут он мало-мало заработал, перевёз семью, купил избёнку, а тут гражданская война. Пошёл в партизаны. В двадцатом году при ликвидации одной белой банды, его убили.

Когда Иван вернулся, Гошка уже примерял, болтики, просовывая их в отверстия петли. Взяли необходимые инструменты, и пошли в цех.

Мастер дал команду, и мотористы остановили транспортёр и питатель. Сортировщицы, продолжая сбрасывать серые куски породы с ленты, поинтересовались у мастера: надолго ли остановка. Он ответил, что не больше, чем на полчаса. Они отошли от ленты и уселись на скамьи, стоявшие вдоль стен.

Иван разводным ключом быстро открутил гайку и снял отломившуюся петлю. Гошка надел новую на болт и прикрутил её ручными тисками к железной полосе ограждения. Заставив Ивана и подошедшего дежурного слесаря Костю, держать ограждение, начал ручной дрелью сверлить отверстия. Просверлил довольно быстро, вставил снизу болты, закрутил на них гайки. Потом заставил Ивана срезать ножовкой по металлу торчащие болтики и оставшиеся кончики расклепать молотком. Когда это было сделано, Гоша повернулся к мастеру:

— Всё, Иванович! Можно запускать.

Одна из сортировщиц крикнула:

— Не могли подольше! С вами не отдохнёшь!

Мастер ругнул её и дал команду мотористам включить оборудование. Цех наполнился привычным шумом. Повесив лямку сумки с инструментом на плечо, Иван двинулся

следом за напарником. Он почувствовал некоторое уважение к Гошке, за смекалку и сноровку, хотя в коллективе тот слыл баломутом и разгильдяем. Если бы не прямое указание механика, он вряд ли занялся бы этим ограждением. Говорили, что он побывал комсомольцем, но учинил драку с одним из них; оказался неправ, и его исключили.

По пути пришлось задержаться и отремонтировать механические грабли над одной из пульпо-ёмкостей.

В обеденный перерыв, подставив скамейку к верстаку и разложив на нём свои сидорки, приступили к еде. Чаще всего Иван брал с собой ломоть хлеба и бутылку молока. Весной прошлого года Уткины купили корову, и теперь мать каждый день покупала у них молоко. Гошка обычно приносил хлеб с куском сала.

Закончив нехитрую трапезу, Иван спросил:

– Тебе сколько лет было, когда отец погиб?

– Двенадцать.

– А как это случилось, знаешь?

– У меня брат, на семь лет старше. Рассказывал, что при Колчаке действовал карательный отряд под командованием полковника Алиферова. Когда колчаковцы отступили, он продолжал здесь расстреливать, рубить шашками и вешать всех, кто поддерживал новую власть. Здесь под Центральным его банду, человек пятьсот, настигли: отряд красноармейцев и партизан, и разгромили. Он удрал с остатками к Саралинским приискам. Там банду окончательно разгромили. Остатки разбежались по тайге. Вот в том бою отец и погиб.

– А того полковника поймали?

Гошка состроил гримасу:

– Не знаю. Никто не говорил.

Дома, вечером, вспомнив рассказ Гошки, Иван подумал: «Вот Колчак воевал с советской властью, ведь он должен был быть за крестьян, а он посылал в деревни карательные

отряды, убивал людей. Что же получается? Любая власть против мужика. Причём, сами мужики себя изводят».

По понедельникам надо было приходиться раньше: в красном уголке проводили политинформацию. Кто-нибудь из руководства читали статьи из газеты «Правда», «Известия» или местной «Приисковский рабочий». Иногда рассказывали новости, переданные по радио.

Политинформацию проводил: начальник фабрики Боком, главный технолог Левин, редко механик Трунов и чаще других секретарь партийной организации, начальник охраны Игорь Васильевич Гаренский.

Небольшой зал красного уголка заполнялся почти полностью. Ивану, да и другим, больше нравилось, когда выступал главный технолог Марк Давидович. Он говорил без бумажки, редко что читал из газеты.

В это утро выступал секретарь парторганизации. Сначала он сказал, что строительство социализма идёт полным ходом, что уже на всю мощность работают «Днепрогес» и «Кузнецкий металлургический комбинат» – первенцы первой пятилетки. Уже больше года работает Магнитогорский металлургический комбинат. Строятся другие фабрики и заводы. Прочёл небольшую статейку об успешной работе некоторых подразделений Центрального рудника. Потом поднял худощавое, с близко посаженными глазами лицо и сказал:

– На очередном пленуме Центрального комитета нашей партии возник вопрос об антисоветской деятельности Зиновьева и Каменева. Хотя они осуждены по первому делу, но вскрылись неизвестные до сих пор дополнительные сведения.

Гошка, сидевший рядом с Иваном, тут же поднял руку. Секретарь дернул головой в его сторону. Тот поднялся и спросил:

– А разве их не расстреляли за убийство Кирова?

Глаза секретаря чуть раскрылись, поднимая брови:

– Нет, – ответил он, – они не убивали Кирова. Их осудили, что они не предотвратили убийство.

На этом политинформация была окончена.

Когда подходили к проходной фабрики, Иван спросил Гошку:

– Слушай, а ты что такой кровожадный? Всех бы расстреливал.

– Да ты знаешь, какого они революционера ухлопали?

– Тебе ж сказали, что они не убивали.

– Да, помогали они в этом деле. А знаешь, какой Киров борец был. Когда я учился в школе в Томской губернии, нам про него рассказывали, он даже в Томске жил и боролся с царём.

– Плохо, конечно, когда убивают, но и расстреливать не хорошо, – произнёс Иван.

В этот день вышел из отпуска бригадир слесарей Борис Бронников. Он спросил Ивана, как он освоился на работе, потом сказал, что Костя Веригин уходит работать на шахту и, через пару дней, ему придётся пойти работать в смену. Когда они с Гошкой остались вдвоём, тот его успокоил:

– В смене работы меньше. Я работал – мне нравилось.

Первые дни посменной работы складывались нелегко. Иван ещё никогда не работал по ночам. Однажды в такую смену он даже задремал, сидя на скамейке, и его разбудила одна из сортировщиц, когда его позвали в цех флотации. Но недели через две, – три он привык и даже был доволен, особенно по весне, когда начались посадки на огородах. С ночной смены, он спешил в комендатуру отметиться, спал часа четыре, а потом мог работать на огороде или в поле почти весь длинный день.

Он решил поменьше привлекать в весенним работал Янку, заставляя её готовиться к выпускным экзамена. У него вызывало гордость, что его сестра будет иметь среднее об-

разование. А когда окончились экзамены и она получила аттестат, Иван устроил небольшой праздник, пригласив на него соседей Шутовых. Тогда в разговоре о её дальнейшей учёб всем было понятно, что куда-то уехать учиться не разрешат, и Мария предложила пойти ей на курсы счетоводов, которые открываются при управлении рудника. Янка согласилась.

Семён, похвастался:

– Борис в прошлом году, после окончания школы, поступил на шестимесячные курсы электрослесарей и сейчас работает на шахте «Тысячной» и прилично получает.

Мария завела разговор о строительстве нормальной избы, заметив:

– Вон Уткины сейчас живут, как люди, скотину держат.

Семён почесал затылок своей светло-русой головы и взглянул на Ивана:

– Что? Может сообча возьмёмся? Вдвоём ловчей.

– Интересно, билет на лес дорогой? – спросил Иван.

– Говорят не очень. Лесничий живёт где-то на Первомайской. Прямо на дому выписывает. Главное, чтобы деляну за нашим посёлком выделил.

-- Да всем нашим, кто строился, здесь деляны выделяли, – уточнила Мария.

– Мама, може начнём строить? – спросил Иван.

– Коль можешь, гарно было б.

– Я несколько срубов рубил. Сруб шесть метров на четыре поедёт? – взглянул он на Семёна.

– Пойдёт, – согласился тот.

– Лес здесь ядрёный, но на срубы надо брёвна в среднем по десять дюймов. Яна дай листок бумаги и карандаш. Та принесла и положила на стол.

Иван аккуратно сдвинул стаканы в сторону, и начал писать на листке, рассуждая вслух:

– На две стены шестиметровых брёвен – двадцать четыре. Четырёхметровых тоже. На распил для плах примерно двенадцать брёвен по шесть метров. На распил для тёса для кровли восемь брёвен по три метра.

Он ещё по мороковал и произнёс:

– В общем надо хлыстов – пятьдесят с лишним. Это с учётом из тонкомера срубить стайку, ну и всякие стропила.

– Ну, ты Ваня, прямо, как бухгалтер, – покачал головой Семён.

Иван взглянул на него и сказал:

– На распиловку я прикинул шестнадцать лесин, но можно спилить лесины диаметром не десять, а пятнадцать, а то и двадцать дюймов, тогда потребуется восемь – десять лесин.

– Конечно, так и надо, – согласился Семён, – как будто всё было решено.

Мария, как говорится: «Взяла быка за рога»:

– Завтра мы с Демьяновной во вторую смену. Я иду с утра искать этого лесника и постараюсь выписать два порубочных билета на нас и вас. Согласны?

– Согласны, – ответила Дарья, – но я буду возражать, когда сын уже раньше об этом гутарил.

7

Июнь выдался неустойчивым: то грело солнце несколько дней, то лил дождь. Огородники радовались, а валить лес в дождь несподручно. Валку начали в первый выходной, после договорённости. Рано утром пошли в хозяйственный магазин и на базар: купить хорошую пилу и топоры. Иван говорил:

– Надо топоры звенящие, с оттиском, с крылышками. У нас на востоке такие были.

Семён засомневался, что, такие, удастся найти. Но им повезло. У одного старика оказались именно с «крылышками». Иван, щёлкнул по топору и тот действительно зазвез-

нел. Оба купили -- не торгуясь. Пилу и скобели приобрели в магазине.

К вечеру первого дня поняли, что комары звереют час от часа. На другой день, когда Семён пришёл с работы, а Ивану надо было идти в ночь, пошли на лесосеку, прихватив с собой бутылку керосина. Так посоветовал Михаил Уткин: и пилу от живицы отмывать, и от комаров спастись. Так, по вечерам, проработали неделю, а днём Иван на поваленных деревьях обрубал сучья. Но посменная работа Ивана на фабрике -- осложнила работу в лесу. Семён предложил:

– Ты, Вань, поговори с бригадиром, он мужик нормальный, может, переведёт в первую смену, хотя б на лето. Вечером после работы можно часов пять работать.

Бригадир Бронников, спросил, зачем это нужно, и когда Иван пояснил, взглянул на Гошку:

– Ты как? Поработаешь посменно?

Иван опасаясь, что тот откажется, поспешил пояснить:

– Гоша, до осени.

– Да на лето, с удовольствием.

Иван с благодарностью, пожал ему руку. У него были опасения, что тот может заартачиться, просто из-за своего характера.

Лес был смешанный. Подходящего леса было много: пихты, ели, сосны. Попадались кедры, но в билете было написано: «Кроме кедра».

Семён, хотя и был на десять лет старше, но здесь на лесосеке полностью доверял Ивану, как более опытному. Иван говорил, что все деревья надо валить в одном направлении, чтобы трелевать было легче.

В выходные дни ими помогал сын Семёна -- Борис.

Иван сильно уставал при спиливании деревьев, ведь на востоке он в основном обрубал сучья. Он помнил, как долго ему показалась валка первого дерева. В это время он с благодарностью вспомнил Николая Оглоблина, который обере-

гал его от самой тяжёлой работы. На второй лесине заняла спина, и он со страхом думал о том, что предстоит спилить больше сотни. Но постепенно он втянулся, и Семён иногда притормаживал его рвение. А Иван думал: «Главное поскорей свалить нужное количество хлыстов, то есть сделать самую тяжёлую работу, и приступить к работе более знакомой». Ему не терпелось начать главную работу: рубить сруб – строить дом. Но до этого ещё было далеко.

Лесосека была недалеко и обед в выходные дни приносили Мария или Янка. В будни они брали еду с собой.

В середине июля установилась жара. Даже вечером он продолжала донимать. Трава поднялась выше пояса. Она мешала при обрубании сучков: надо было её утоптать, чтобы увидеть сучки. В один из выходных на лесосеку раньше обычного пришли Мария и Дарья, принесли обед и прихватили с собой топоры.

– Вы, что, мама, удумали? – удивился Иван.

– Сучки подмогнём рубить. Я четыре года дрова рубила, сучок, как-нибудь отрублю.

– Их надо рубить под самый корень, чтобы при ошкурировании, за выступы не цепляться, а эти топоры тупые, – Иван взял у матери топор, потрогал лезвие ногтём и сказал:

– Возьми мой топор, – достал из-под куста топор и подал матери. Взглянув на Марию, сказал:

– А второй занят, у Бориса.

– Мне не надо, ответила она, – Он вчера этот топор наточил.

– Так, команда «Ух», – обратился к женщинам Семён, – рубите боковые и верхние сучки, нижние мы потом сами обрубим. К ним трудно подбираться.

Женщины довольно быстро приноровились к работе, даже когда работали на шахте в первую смену, приходили на лесосеку вечером. Иван с Семёном удивлялись, как они

терпят напасти комаров, отказываясь намазываться керосином.

В короткие отдыхи Иван рассказывал о работе на лесосеке зимой, когда он мёрз и, простыв, долго потом кашлял. Семён делился воспоминаниями, как они жили на реке Алей в предгорьях Алтая.

В выходные дни им удавалось свалить десять, двенадцать лесин, в будни, по вечерам, штук пять. Сначала казалось, можно и больше, но спина в наклонку не выдерживала, и приходилось менять работу – рубить сучья. Всё же, к середине последней декады июля свалено было сто пять хлыстов. Несколько дней ушло, на обрубание сучьев, и можно было приступать к трелёвке. Но решили начать это дело в воскресенье, чтобы выписать лошадей, на конном дворе, на целый день. Три вечера занялись сжиганием сучьев, чтобы потом сдать лесосеку леснику и чтобы они не мешали при трелёвке.

В воскресенье, утром, как они договаривались при выписке, две лошади, запряжённые в длинные дроги, поднялись на бугор за посёлком, где их поджидали Иван с Семёном. К удивлению и даже радости Ивана, одним из возчиков оказался Павел Егорович, с которым он приехал сюда на рудник. Сейчас он показался ему намного моложе, хотя борода была такой же окладистой. Пожимая ему руку, Иван напомнил о себе. Тот ответил, что помнит его. Второй возчик, был моложе, но тоже в возрасте.

Уселись на дроги и поехали к лесосеке. Павел Егорович спросил:

– На передках трелевать легче, если пеньки не часто.

– Не часто. Мы же выборочно валили.

Подъехали к опушке леса. Здесь их дождался Борис, который ушёл раньше. Он сидел на старом берёзовом пне. Возле него на траве лежали две смотанные верёвки и стоял бидон с водой. Он поднялся и спросил:

– Дядя, Ваня, докуда будем трелевать?

– Вот сюда и будем вытаскивать. Тут места хватит. Здесь порежем на брёвна и отсюда вывезем.

Семён с Иваном приподняли дроги, освобождая передок от шкворня, и возчик повёл лошадь с передком к ближайшим хлыстам. То же самое сделали и со вторыми дрогами, и работа началась. Видно было, что возчики не впервой занимались этим делом, и ловко управляли лошадьми. Иван, Семён и Борис приподняли комель первого хлыста, Павел Егорович чуть двинул лошадь назад и колёсный передок подsunулся под комель. Семён быстро привязал его верёвкой и, взятая под уздцы лошадь, двинулась вперёд, увлекая хлыст лесины. Так же ловко погрузили и второй хлыст. Семён сказал:

– Борис, иди: развяжешь там верёвки.

Когда возчики с лошадьми вернулись, Осип Иванович, так звали второго возчика, сказал:

– Зачем парня гонять? Что мы верёвку не развяжем?

Работа шла успешно. Последний день июля выдался жарким, но зато комаров было мало.

До обеда с ближней части лесосеки вывезли тридцать четыре хлыста. Обед принесла Янка и Мария. Сестру Иван сразу отправил домой, завтра ей предстояло в первый день идти на курсы. Мария расстелила старое покрывало и выложила на него содержимое двух сумок, а бутылки с молоком и четыре кружки поставила в тенёчек под куст. Семён, нарезая большим ножом, ломти хлеба, пригласил возчиков, присоединятся к трапезе. Те без особого стеснения, сели на траву рядом.

Все, не сговариваясь, принялись за хлеб с луком, только Борис взял огурец, сославшись, что лук очень горький. Ели молча. Только когда стали разливать молоко, Иван спросил:

– Павел Егорович, вы что-нибудь слышали про полковника Алиферова? Мне рассказывал один мужик на работе,

что он лютовал. Но его банду разгромили. Не знаете, его поймали?

Тот обтёр усы и, держа кружку у бороды, произнёс:

— Говорят, его убили, но точно не знаю.

— Убили, убили, — сказал Осип Иванович и, почесав не выбритую щёку, добавил, — жинке соседка рассказала, у той брат кучером работает в Райкоме партии; приезжал и рассказывал. — Когда банду разгромили, Алиферов удрал на лыжах на какую-то станцию. Там его денщик жил, с которым воевал с германцами. Тот ему баню натопил, напарил его, потом самогонем напоил. Зная от людей, сколько тот душ погубил, зарубил его топором и закопал где-то.

— По-зверствовал он здесь, — сказал Павел Егорович, — тут ещё долго ель с крюком стояла, на которой вешали. В один день несколько арестантов заползли под амбар и так спаслись. Один из них, Воробьёв, потом начальником рудника был.

— А, что за революционер Погребной? Тут даже улица его имени? — спросил Семён.

— Ты, что папка не знаешь? — Заговорил Борис, — Демьян Погребной был подпольщик. Здесь на приисках бунты рабочих были — жизнь была тяжёлая. Иногда заставляли по двенадцать часов работать. Он тут ездил по всей округе, рассказывал, как надо бороться. В июле девятнадцатого он приехал в посёлок Старая Драга. Колчаковцы обещали награду за его поимку, вот нашёлся гад и выдал его.

Его пытали, пороли нагайками, а он своих не выдал. Повели на расстрел. Он вырвал винтовку, заколол конвоира и побежал к лесу, а оттуда выехала конная колчаковская разведка. Его подстрелили в ногу, схватили и поволокли назад. Офицер, который его пытал, приказал его бросить в костёр. Так заживо и сожгли.

Все помолчали. Потом Павел Егорович, взглянув на Бориса, сказал:

– Видите, как молодёжь, лучше нас знает историю.

После обеда, удалось вывезти ещё двадцать хлыстов. У возчиков рабочий день кончился и они уехали. Чтобы вечер не пропал, Семён послал Бориса за двухручной пилой. Это Иван предложил вывезенные хлысты, распиливать на брёвна.

8

Шёл конец августа, а Гошка пока ни чего не говорил о возвращении в первую смену. Когда их смены совпали, тот похвастался:

– Я сейчас шишкарю с двумя дружками, шахтёрами, с которыми смены совпадают. Уже три мешка орехов заготовил.

– А я четыре венца новой избы срубил, – тоже хвастанул Иван.

Он был горд тем, что начал это строительство, что осилил валку леса, что помог Семёну срубить два венца.

Они выбрали место на бугре, напротив друг друга. Жалели, что несколько дождливых дней в середине месяца задержали работу. К седьмому августа вывезли брёвна, а к двенадцатому закончили шкурить. Потом срубили первый венец избы Шутовым и, погода испортилась. Через неделю Шутовы наняли опытного плотника, и теперь Иван рубил только свой сруб, но укладывать брёвна помогали друг другу.

На политинформации секретарь партийной организации, вновь завёл разговор о Зиновьеве и Каменеве.

Гаренский обвёл всех внимательным взглядом и сказал:

– Вот что пишется об этом в газете «Правда», – он развернул газету:

– «С девятнадцатого по двадцать четвёртое августа состоялся открытый Московский процесс над шестнадцатью обвиняемыми по делу «Антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра» над Зиновьевым, Каменевым,»

невным, Евдокимовым, Бакаевым, Мрачковским, Тер-Вагоняном, Драйтцером и другими. Все обвиняемые подтвердили свои показания в причастности к убийству Сергея Мироновича Кирова, в связях с Троцким, дали показания на Томского, Бухарина, Рыкова, Сокольников, Серебрякова и были осуждены на смертную казнь».

В зале послышались шепотки, тихие разговоры.

— Может, кто хочет выступить? — спросил Гаренский.

Никто не захотел. Тогда он заговорил сам:

— Видите, как оправдываются слова Иосифа Виссарионовича Сталина о том, что чем мы ближе подходим к строительству социализма, тем больше недоброжелателей — врагов. Советский народ клеймит позором врагов-отщепенцев и одобряет решение суда. Но не только наш народ, вот послушайте и он прочитал:

— «Наблюдавший за судом член английского парламента Деннис Притт заявил: « Я считаю весь процесс и способ обращения с подсудимыми образцом для всего мира».

Когда шли после работы в комендатуру, Семён сказал:

— Что-то, Ваня, многовато врагов набирается. Упомянули: Рыкова, Бухарина. Выходит их тоже могут взять за жабры?

— Жалко здесь нет Матвея Ильича, он бы всё растолковал, — сказал Иван и, помолчав, добавил, — Головастый мужик.

На второй день, утром, когда Иван пришёл на смену столкнулся с Гошкой. Он с ночной смены собирался уходить домой. И сразу наел на Ивана:

— Что я говорил! Мне вчера Борис рассказал о политинформации, и я сам прочёл в газете, братан выписывает, про Зиновьева и Каменева. Их раньше надо было к стенке поставить!

— Что ты распалился. Разобрались же.

– Долго разбирались, чуть не год. Ясно, что вражины. Зачем чикаться? Шлёпнуть и конец!

– Так, Гоша, нельзя, разбираться надо, – стоял на своём Иван.

Тот махнул рукой и пошёл к выходу.

То, что Гошка сам прочитал в газете, Ивана не удивило, ему рассказывали, как тот не без гордости заявил, что его брата избрали секретарём партийной организации на шахте «Тысячной». До этого он работал начальником участка.

За летнее время Иван хорошо сработался с бригадиром Борисом Бронниковым. Тот был в меру строгий, но, никогда, ни на кого не кричал. Ивану, нравились такие люди, и сам он был таким. Правда, командовать ему не приходилось, но повышать голос, на кого либо, не допускал. К любой работе относился серьёзно и делал качественно. Так что на работе всё складывалось хорошо.

Дома жизнь шла своим чередом. Янка училась на курсах, мать продолжала работать на шахте. Иван предлагал ей подыскать работу полегче, но она отвечала:

– И чего я буду роблить у дому? Вот сбудуешь нову хату, купим скотину – другое дело.

Первое воскресенье сентября выдалось ясное с мелкими облаками на небе. Иван, взяв нужный инструмент, поспешил на бугор, к своему срубу. Семён с нанятым плотником уже приступили к работе. Он поздоровался и сразу приступил вырубать жёлоб на четырёхметровом бревне. Он рубил и поглядывал вдоль бревна, как поучал когда-то Пётр Гутов, чтобы не увести жёлоб в сторону.

Теперь, работая на строительстве своей избы, он реже вспоминал родную деревню и хату под железной крышей. Мысли убегали вперед: как лучше обустроить новое жильё. Примером служила усадьба Уткиных. Иван вырубал второе углубление в бревне, когда Семён позвал помочь уложить

очередное длинное бревно. Они заканчивали седьмой венец. Иван воткнул топор в бревно и отправился помогать.

Втроём подняли один конец бревна и уложили на угол сруба, потом приподняли, специальным ухватом, второй конец и Семён поднявшись по трапу, уложил бревно на место. Плотник Тихон Николаевич принёс это приспособление – ухват. Он хорошо помогал в работе.

Когда Иван подготовил второе бревно, они пришли ему помочь. Короткие брёвна на шестой венец уложили быстро и без ухвата.

Обедать, Иван ходил домой, а им Мария обычно приносила поесть туда.

Когда он вернулся, Мария собирала пустую посуду в корзину. Семён, увидев его, сказал:

– Ваня, иди, покурим.

Семён знал, что он не курит, но это означало: посидеть, отдохнуть. Иван сел рядом с ними на брёвна. Они свернули свои цыгарки и задымили.

– Передохни, Ваня, а то ты скоро нас обгонишь, – пошутил Семён.

– Вас обгонишь. Вон у вас уже два коротких готовы.

– Николаич мне продыху не даёт, – кивнул в сторону плотника Семён.

Тихон Николаевич прищурил и без того узкий глаз, от струйки дыма, и прозвнёл:

– Пошто лениться, взялся за дело – делай.

– Тихон Николаевич, вы давно здесь живёте? – спросил Иван.

Прежде, чем ответить, он вынул цыгарку изо рта, провёл указательным пальцем под усами, и сказал:

– Я родился в этих местах, в деревне Окунёвке. Потом отец сюда перебрался. Он тоже плотник был.

– Николаич, – обратился к нему Семён, – а до революции, кто тут всем командова?

Николаич почему-то хмыкнул, выпустил из уголка рта струйку дыма и произнёс

— Был тут хозяин всей Мартайги Иваницкий. Его владения, все прииски по обе стороны Кузнецкого Алатау. С этой стороны и в Хакасии. Где-то после войны, он умер, и всё досталось его сыну Константину Иваницкому. Когда сюда приехали представители советской власти, ещё до гражданской войны, и объявили, что все прииски переходят к государству, он быстро собрал манатки и уехал в Китай, в город Харбин. Говорят, прихватил с собой семнадцать с половиной пудов золота в слитках. Но по слухам, всё не забрал. Часть спрятал где-то в районе Азаргаи. После гражданской, новая власть пыталась найти, но не нашла.

— Семнадцать с половиной пудов! — покачал головой Иван.

— Даже представить трудно, — подытожил Семён и, плевав на окурок, бросил его в траву.

— Пойду, — Иван поднялся, — надо сегодня парочку больших брёвен положить.

В сентябре Ивану удалось срубить и положить десятый венец, и пришлось прервать строительство из-за осенней уборки урожая. В первых числах октября задождило, потом начал падать снежок, его согнало, но погода не установилась. В конце месяца пошёл снег основательно, а в ноябре всё завалило снегом.

Иван продолжал работать в первую смену. Случилось так, что Гошка в начале сентября не вышел в первую смену. Бригадир велел подежурит за него Ивану. А на второй день

Механик и бригадир устроили в слесарной Гошке «головоломку». Механик Трунов стыдил его:

— У тебя брат — видный человек, парторг шахты, а ты разгильдяй! Как это можно делать прогулы? И работаешь ты не очень старательно.

Гошка оправдывался:

Мы шишкарили. Далеко ушли. Колька, напарник, спустился с кедёрки и прыгнул вниз. Неудачно — сломал ногу. Мы с Васькой его ташили. Добрались — к середине дня.

— Я проверю. Хорошо если не врётся.

— Зачем мне врать? — насупившись, произнёс Гошка.

Ивану искренне было жалко его: такое ведь может произойти с каждым.

Когда неделю спустя Гошка заговорил с Иваном о переходе его в первую смену, он согласился, но бригадир возразил:

— Иван останется в первой смене, — и не стал объяснять почему.

Эксплуатация и мелкие ремонты в цехе, где установлена дробилка, питатель, транспортёр и всё оборудование у шаровой мельницы, не вызывало у Ивана затруднений. Сложнее было в цехе флотации. Там, по технике безопасности, всё надо было выполнять в резиновых перчатках, так как применяемый раствор цианида очень ядовит. Он не имеет особого запаха, который бы предупреждал об опасности.

Если меняли какой-нибудь насос, то отсоединённый тщательно отмывали снаружи и внутри, прежде чем унести в слесарную или отправить в мехцех.

В ноябре на одной из политинформаций, начальник фабрики Степан Макарович зачитал сообщение о шахтёре из Донбасса Алексее Стаханове, который в августе за одну смену, добыл сто две тонны угля, при норме семь тонн.

Всех удивило такое сообщение, хотя здесь на фабрике мало кто понимал в шахтёрском труде и, как такое возможно.

Но в январе по радио и в газетах начали говорить и писать, о развернувшемся по всей стране «Стахановском движении». В разных городах трудовые коллективы стали принимать повышенные обязательства по выполнению пла-

нов. На фабрике, кроме политинформаций, стали проводить сменные собрания и всего коллектива.

На общем собрании, где присутствовало всё руководство, выступили парторг и главный технолог. Первый говорил, что весь коллектив фабрики должен поддержать это «Станхановское движение» и взять повышенные обязательства.

Попросивший слов сменный мастер Коньков обратился к парторгу:

– Игорь Васильевич, как мы можем брать повышенные обязательства, если мы зависим от шахт. Сколько нам руды привозят, мы её всю перерабатываем. Остановки, в основном, бывают из-за недопоставки руды.

– Вот вы говорите – в основном, – заметил парторг, – значит, бывают и по нашей вине. Надо чтобы их не было.

Главный технолог поддержал парторга и далее сказал:

– Я не сомневаюсь, что коллективы шахт тоже примут повышенные обязательства, и руды будет поступать больше. Мы должны быть к этому готовы. Механической службе надо подумать о резервном оборудовании, сделать дополнительные заявки на него, отремонтировать неисправное. Иметь запас необходимых материалов. Более тщательно подходить к эксплуатации оборудования и более добросовестно выполнять свои обязанности. Не нарушать технологию. Если всё это выполнить, я уверен, что выпуск концентрата мы увеличим.

В слесарной Иван сказал бригадиру:

– Борис, я думаю, здорово будет, если в запасе будет новое оборудование.

– Ты прикинь, если сейчас все предприятия запросят новое оборудование. Где его набрать? Так что хорошо, если механик «выбьет» хотя бы запасной вакуумный насос. А так будет одна болтовня. Крутиться заставят пошустрее.

Дверь отворилась и вошёл пожилой мужик в ушанке и полушубке:

– Здорово, мужики! Борис, кто будет обшивку к чану разгружать?

– Сейчас выйдем. Ты, Петрович, сюда поближе продёрни подводы. Мы тут разгрузим, – и, посмотрев на Ивана, сказал, – сходи, дежурного слесаря позови. Сегодня Кряж на смене.

Доски для днища чана были разной величины, выпиленные по кругу и пронумерованные. Борис предупредил, чтобы и укладывали цифрами кверху. Боковые деревянные клёпки были одинаковой величины, длиной метра полтора. Когда разгрузку закончили, Борис сказал:

– Завтра, если чан подсохнет после полоскания, будем разбирать старую обшивку.

– На другой день Иван первым поднялся по навесной лесенке и по такой же спустился в чан. Осмотревшись, увидел, что некоторые доски обшивки, истёртые и грязные от пульпы, ещё сырые. Спросил Василия Кряжа, который спустился следом:

– Слушай, а эти мокрые доски ядовиты?

– Если лизать их не будешь, то обойдётся.

– А если случайно в рот попадёт?

– Чан же промывали. Думаю, продрищется, и всё пройдёт, – с улыбкой успокоил он, и стал кувалдочкой сбивать верхний разборный обод.

Пришёл бригадир, бросил на дно чана топор и монтировку.

Когда обод был снят, бригадир сверху монтажкой зацепил доску и стал её отдирать от стенки чана. Она не сразу поддалась, но потом треснула посередине и вывалилась. Таким же образом выдернул оставшуюся часть доски. Потом отдал монтировку Ивану, пояснив:

– Теперь он легко будут отваливаться, только у днища надо будет выдёргивать. Ты, Вася, топором действуй.

Один – в одну сторону, другой – в другую. Только выбрасывайте в эту сторону в одно место.

Дав, указания бригадир вылез из чана.

Работа пошла успешно. Неудобно было работать в резиновых перчатках. До обеда они вдвоём разобрали вертикальную обшивку. А двойное днище, до конца смены разобрали только наполовину. На следующий день закончили и вытаскивали старую обшивку. На сооружение новой обшивки ушло три дня.

Начало февраля выдалось буранным. Опять собирали людей на очистку дорог. В такие дни бригадир оставался дежурит один, а Ивана, дежурного слесаря, двух сортировщиц из двенадцати и работниц бухгалтерии отправляли на борьбу со снегом. Это продолжалось неделю, а то и больше: всё зависело от погоды.

Но было и радостное событие: Янка окончила курсы, и её направили на работу в бухгалтерию шахты «Дмитриевская». Иван посоветовался с матерью, и решили купить ей в подарок ридикюль. Когда вечером поздравляли её, она обрадовалась, поцеловала мать и брата, а потом сказала:

– У нас в школе комсомольцы говорили, что ридикюли у женщин и галстуки у мужчин – это буржуазные пережитки.

– Ладно, ты не комсомолка, будешь ходить с пережитком, – заметил Иван. Когда сели ужинать, он вслух стал рассуждать:

– Мне, кажется, нам надо до мая подкопить денег и заказать в стройцехе оконные рамы и входные двери. В середине лета заказов будет больше, а я хочу, чтобы к следующей зиме мы жили в новой хате.

– Дай-то Бог, – поддержала его мать.

– А ты сумеешь? – спросила Янка.

– Если за лето удастся распустить лес на плахи и доски, то успею. Но на это тоже деньги нужны.

На работе во время обеденного перерыва, когда перекусывали в слесарной, Борис сказал:

– По радио передали, что в Москве начался второй суд над деятелями партии. Упоминают Рыкова и других, а те упоминают Николая Бухарина, вроде он тоже – против Советской власти.

– Матвей Ильич Круглов там, на востоке, говорил, что он вместе с Лениным революцию делал. Потом он за крестьян заступался, – произнёс задумчиво Иван.

– Вот, наверно, за то, что заступался, и хотят его взять в оборот, – заявил Анатолий Иванов, дежурный слесарь, тоже из переселенцев. Прожевал хлеб и добавил:

– Мне кто-то говорил, что он выступал против раскулачивания.

– Я тоже про это слышал, – подтвердил Иван.

В начале марта всё это подтвердилось. На очередной политинформации парторг совсем мало говорил о «Стахановском движении», а рассказал о втором судебном процессе в Москве и прочёл в газете, что в феврале 1937 года состоялся Пленум ЦК партии, на котором Николай Бухарин был исключён из партии, а двадцать седьмого числа был арестован и предстанет перед судом,

Иван вспомнил слова Матвея Ильича, после убийства Кирова: «Сталин теперь закрутит гайки». Но про это Иван ни с кем не поделился. Нутром почувствовал, что лучше помолчать.

Весь март и апрель по радио и в газетах рассказывали, как рабочие коллективы поддерживают «Стахановское движение». Широко развернулось стахановское движение среди горняков и бусыгицкое среди механизаторов. При управлении рудника организовали школу мастеров соцтруда, которую окончили десятки рабочих, их стали выдвигать в бригадиры и руководителями смен. Достижения бригад и

коллективов обсуждались в красных уголках и на собраниях, в клубе имени Ленина.

На фабрике с каждой сменой провели собрания, где присутствовало всё руководство: начальник фабрики, главный технолог, механик, парторг и профорг. Вёл собрание парторг, а новые соцобязательства зачитывал профорг Павел Семёнович Гладилин – сменный мастер.

Вначале их говорилось, что коллектив фабрики единодушно поддерживает развернувшееся стахановское движение и принимает повышенные обязательства. Дальше шли перечисления: добиться бесперебойной работы фабрики...

Иван подумал: «Так она и так работает круглые сутки»

«Повысить производительность труда»... Этот пункт он не понял: «Всё же зависит, сколько поступит руды?» Далее было: «Улучшить качество эксплуатации, всего оборудования, ремонт механизмов производить качественно и в сокращённые сроки. Соблюдать трудовую дисциплину и технику безопасности».

Потом выбрали тех, кто должен подписать эти обязательства. Начальник предложил: профорга, парторга и от механической службы бригадира Бронникова. Их и выбрали.

Когда вышли из конторы и двинулись к дороге, Иван спросил:

Борис, как же мы будем повышать производительность труда?

– Руками, – недовольно буркнул он.

Во второй половине апреля объявлялись воскресники, на которых рыли траншеи в снегу, очищая канавы, по которым вода должна была уходить в речку, иначе при бурном таянии снега вода зальёт улицы и по ним невозможно будет ходить.

Вечерами Иван отбрасывал снег от ближних брёвен, чтобы как можно скорей продолжить работу на срубке.

В середине мая Иван заказал в стройцехе четыре пары рам для окон с косяками и входные двери. Теперь каждое свободное от работы время, он проводил на строительстве избы. Однако, пришлось отвлечься на весенние посадки. Иногда мать с Янкой отправляли его на стройку, убеждая его, что сами справятся с предстоящей работой. В первых числах июня Семён помог ему уложить две потолочные матки, и пришлось прерваться, так как надо было заняться вывозом плах и досок, которые были напилены на пилораме стройцеха. К этому времени у Семёна на срубе уже стояли стропила, и у него была задержка из-за пиломатериала.

На работе и стройцехе, где они грузили тёс, возникали разговоры о врагах народа в высшем комсоставе Красной Армии, о суде над ними в начале мая, о расстреле Тухачевского, Якира, Уборевича и ещё пятнадцати человек.

Иван заметил, что теперь все стали меньше обсуждать такое событие и высказывать свои мнения. Только однажды бригадир подумал вслух при Иване:

– Как Тухачевский, который разгромил Колчака, стал врагом Советской власти?

А через пару дней, когда возник разговор о бывшем маршале, Анатолий Иванов, ссыльный из Тамбовской области сказал:

– Лютый мужик был. Крепко побил мужиков, когда на Тамбовщине, заваруха была.

Ни Иван, ни Борис, никто другой, присутствующие при разговоре, не спросили его про какую «заваруху» он говорит.

Даже на политинформации, парторг только сообщил об этом, хотя все об этом уже знали, и не стал высказывать ни каких подробностей.

А у Ивана в мозгах всё возникала фраза: «закручивание гаек».

После вывозки плах и досок, Иван занялся настилкой потолка, чтобы ловчее было устанавливать стропила. Орудую пилой и топором, он меньше всего думал о событиях, происходящих в стране, где умные мужики не могли взять в «толк» происходящее. Его волновало, как бы до осени выполнить основные работы по строительству. Он был уверен, что у Янки с её ухажёром, Костей, всё движется к свадьбе.

9

Лето выдалось жарким. Дождей было мало и приходилось на полив грядок таскать воду из речки, но зато для стройки это было очень хорошо. Однако одна гроза всем запомнилась: дождь был не сильным, а молнии так сверкали, что гром слился в сплошную канонаду. Молнии повредили электролинию, и в посёлок перестала поступать электроэнергия. Всё производство встало. Сообщали, что шахты «Тысячную» и «Красную» подтопило и они простояли сутки, хотя энергию подали через десять часов.

Говорят, только дали энергию, радио передало о первой экспедиции на северный полюс во главе с Папаниным.

К середине сентября изба Ивана стояла под крышей, со вставленными окнами. Он был доволен, что Степан, муж Олеси, почти весь отпуск помогал ему в строительстве. Сейчас, урывками, между уборкой картофеля и его вывозкой, Иван приступил к конопатке стен. Благо, что по воскресеньям на базар мужики из соседних деревень привозили мешки с мохом и продавали по сходной цене. Тихон Николаевич – плотник, который помогал на стройке Семёну, оказался хорошим стекольщиком и, закончив у него, согласился застеклить окна у Ивана. Он же посоветовал оставить над окнами щель законопаченную мхом, для усадки дома и делать выход из сеней или со двора с подветренной стороны, чтобы их не заваливало снегом. Иван за совет был ему благодарен.

В двадцатых числах сентября случилась неприятность. Анатолий Иванов, который должен был выйти во вторую смену, не вышел, и бригадир заставил Ивана остаться дежурить. Он напомнил, что как-то надо сообщить в комендатуру. Борис ответил, что скажет механику и тот позвонит туда.

Когда на следующий день после работы он пришёл в комендатуру, поздоровался с Екатериной Васильевной, та сказала, что ему надо зайти к Роману Ильичу.

За дверью коменданта слышался резкий голос. Иван подождал, пока голос стихнет, и постучал в дверь. Услышав разрешение войти, вошёл. Поздоровался. Комендант недобро взглянул на него, не ответил, поднял со стола бумагу, посмотрел в неё и произнёс:

— Фамилия?

— Рыбак, — с робостью ответил Иван, чувствуя недоброе.

— Почему нарушаешь установленный порядок? Ты что? Не знаешь, что отмечаться надо каждый день?

— Знаю... Я.. Меня...

— Я, меня, — перебил его комендант, — мы сейчас как раз выявляем разгильдяев, которые не хотят работать, и нарушителей дисциплины. Ты хочешь попасть в Мариинский замок, чтобы тебе там вправили мозги?

— Вам должен был позвонить механик Трунов, меня оставили дежурить на вторую смену.

— Вторую смену, — повторил комендант, понизив голос. Провёл левой рукой по щеке, а правой рукой поднял телефонную трубку:

— Коммутатор? Мне механика обогатительной фабрики. Трунов? Здравствуйте, Злобин говорит. Вот передо мной стоит ваш работник Рыбак. Разгильдяй — не явился отметить. Говорит: заставили работать следующую смену.

Да. Хорший работник. Звонить надо.

— Иди, хороший работник.

Иван вышел и почувствовал, что спина – вспотела.

Он не мог знать, что комендант сам находился в затруднительном положении: с него срочно требовали списки лиц из числа переселенцев, которые были яркими кулаками. Задача: досконально проверить их, не затаили ли они злобу на Советскую власть и не вредят ли на производстве. Всю серьёзность этого он понял, когда начальник отделения милиции, капитан КГБ, секретарь парткома Рудника и он прибыли в середине августа в райцентр, где состоялось ответственное совещание. Проводили его один из секретарей крайкома партии Григорин и два заместителя: начальника НКВД, по Западно-Сибирскому краю полковник Жарковский и КГБ старший майор Проксис.

Секретарь крайкома ознакомил всех с решением Пленума ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 года «Об антисоветских элементах и задачах НКВД». Жарковский зачитал оперативный приказ № 00447 от 30 июля наркома НКВД Н. И. Ежова о выполнении этого приказа. Тут было определено: порядок, сроки и масштабы мероприятий. Проксисом было сообщено, что для быстрого разбирательства с 5 июля 1937 года разрешено создавать судебные тройки, кто в них входит и их широкие полномочия, вплоть до вынесения смертных приговоров.

Были спущены конкретные планы по выявлению врагов народа.

Злобин понимал, что ему отчасти повезло, что он не может быть привлечён в состав тройки. Туда входили секретари райкомов партии, начальники отделений милиции и руководители отделений КГБ. Однако понимал, что подаваемые им списки могут быть роковыми для обозначенных лиц. И в то же время пассивностью в этом деле можно навлечь подозрение на себя. Он заставил своих сотрудниц выбирать из переселенцев тех, у которых было несколько или

хотя бы один батрак. Основная масса состояла из тех, кто отказался вступить в колхоз.

Пока было выявлено восемь человек. Работа продолжалась. Однако на каждого из них предстояло получить характеристики с места работы. «А как быть, если характеристики будут положительные?» – мучил его вопрос.

Немного успокоило его то, что при отделении милиции создана оперативная группа, которая будет заниматься проверкой этих людей по месту их работы, так что простые отписки руководителей не помогут.

Раздался телефонный звонок. Он снял трубку и услышал голос жены:

– Рома, ты скоро придёшь?

Ему хотелось ответить, что скоро, но он ответил:

– Нет, Надя, задержусь.

Потерев виски ладонями, громко сказал:

– Катя! Пусть зайдёт Любовь Ивановна.

Через пару минут та вошла с листком бумаги в руке и подола ему:

– Вот ещё две фамилии.

– Спасибо, Любовь Ивановна, но надо ещё порыться.

Она вышла, и в это время зазвонил телефон. Подняв трубку, услышал голос секретаря парткома:

– Здравствуй, Роман Ильич!

– Здравствуйте, Алексей Викторович, – ответил он и добавил, – слушаю вас.

– Понимаешь, есть у меня секретарь всё говорит правильно, а коллектив расхолаживает. Обязательства по Стахановскому движению приняли, но при этом говорил, что мы недостаточно готовы, надо то сделать, другое, чтобы не упасть в грязь лицом. И дела идут ни шатко, ни валко.

– Я – то, чем могу помочь?

– Мне тут подсказали, что он дружбу водит с Павлом Кушнеренко, чертёжником с управления шахты «Тысяч-

ная», а тот вроде из переселенцев. Посмотри, что за человек.

– Минутку, сейчас скажу. Вот, – он поднял бумагу со стола.

– Иван Петрович Кушнеренко, это его отец. Кулак, правда, у него всего один батрак был, но в колхоз напрочь отказался вступать. А сын тогда молодой был. Надо узнать, как работает.

– Спасибо, Роман Ильич, – и телефон умолк.

Комендант положил трубку, и подумал: «Ладно, на первый случай десять человек есть. Пусть оперативники разбираются». Взглянул на настенные часы и решил, что наверно домой можно будет уйти вовремя.

На следующий день Иван с некоторой обидой сказал бригадиру:

– Ну, вчера комендант обрушился на меня, даже тюрьмой припугнул. Механик не позвонил.

– Извини, Вань, я вечером зашёл в контору, а ни начальника, ни механика нет. Кабинеты закрыты, а телефоны только у них. Утром уже в цеху сказал Трунову, а он наверно закрутился и не позвонил.

Чтобы перевести разговор на приятную для Ивана тему, Борис спросил:

– Как стройка?

– Снаружи заканчиваю конопатку. Семён Шутов, мы с ним рядом строимся, нашёл хорошего печника. У него сложит, перейдёт ко мне. Мы с Семёном на лесосеке чурок напилили на дрова. Надо их расколоть, часть привести, а остальное – по первому снегу.

– Нам сегодня по графику надо масло заменить в редукторе дробилки, – прервал его бригадир, – ближе к концу смены. Только подготовиться надо. Остановку больше часа не дадут.

Иван знал уже все ремонтные и эксплуатационные работы на любом оборудовании. Так как эта работа предстояла в конце смены, занялся ремонтом насоса «Улитки», заменённого вчера в цехе флотации.

Раскручивая болты и гайки, он вспомнил рассерженного коменданта, угрозы, но с успокоением подумал, что всё разрешилось без последствий. Потом мысли вернулись к стройке, и он стал думать о последующих работах. Определил, что как только сложат печь, займётся изготовлением стола в горницу. Инструмент для этого уже купил.

10

Иван шёл на работу в приподнятом настроении. Вчера он закончил перегородку отделяющую кухню от горницы. Печь, сложенная три дня назад, топилась хорошо. Теперь, если погода в начале октября продержится, он успеет соорудить сени.

В слесарной, когда он вошёл, были бригадир Борис и Гошка, который в эту неделю ходил в первую смену. Он сидел на скамье, опустив голову, а Борис стоял перед ним. Иван решил, что тот в чём-то провинился. Поздоровавшись, спросил:

– Что случилось?

Борис взглянул на него и произнёс:

– У него брата арестовали.

– Как? Он же секретарь партийной организации! – с недоумением воскликнул Иван.

Гошка посмотрел на Ивана:

– Вчера вечером пришла соседка, она работает уборщицей в конторе шахты, и рассказала, что она мыла коридор, когда пришли двое в милицейской форме. Брат часто задерживался на работе, там его и взяли. Я побежал к Павлу Кушнеренко, с ним брат дружил, хотел спросить: может он что знает. А там две сестры его плачут: Павла и отца тоже арестовали.

– А этот Павел кто такой и кем работал? – спросил Борис.

– Он из переселенцев, работал чертёжником в техотделе шахты.

– Так и не знаешь: почему и за что? – спросил Иван.

– Побежал в отдел милиции, а там дежурный говорит, что он не знает за что. Сказал, что их в райцентр увезут, там будут всё выяснять. Матери сказал. Она плачет, говорит в Тисуль надо ехать. Попрошу отпуск без содержания, может дадут, – поеду.

– Должны разобраться, вдруг по ошибке или клевета какая, – рассудил Борис.

Помолчали. Нарушил тишину бригадир:

– Ладно, Гоша, иди, дежурь. Я думаю, начальник тебя отпустит. Степан Макарович – нормальный мужик.

Когда Гошка ушёл, Борис вдруг сказал:

– Конечно, когда арестовывают плохо, тут ничего не скажешь, но вам, мужики, переселенцам ещё повезло, что вы попали на Центральный рудник. Я с отцом в тридцать втором году ездил в Томск. Там у него старший брат живёт. Он работает машинистом на речном пароходе. Рассказывал, что было, когда раскулаченных стали отправлять вниз по Оби. На баржах целыми семьями с детьми и стариками высаживали на голый берег и баржу уводили. Хорошо, если им давали инструменты: топоры, пилы и лопаты, чтобы они могли соорудить, хотя бы землянки. А иногда не давали, и это была явная смерть. Он говорил, что сначала умирали дети, потом старики и большая часть взрослых. Лето короткое, когда есть ягоды, грибы можно прокормиться, а зимой голыми руками ничего не добудешь. Гибли десятками, сотнями, может, и больше.

– У нас с Алтая некоторых отправляли в Нарым. Ничего о них не знаем, – сказал Семён.

Борис обвёл их взглядом и предупредил:

– Сейчас, конечно, не время всем об этом рассказывать, а лучше никому.

Иван с Семёном понимающе покивали головами.

Через несколько дней вся фабрика, да и весь посёлок, знали об этих арестах. Гошке дали две недели отпуска, и он уехал. Спустя неделю многие стали интересоваться: не вернулся ли Гошка. Иван тоже ждал его возвращения, сочувствуя его горю. Он не мог взять в толк, как секретаря партийной организации, который всегда поддерживает Советскую власть, его же - арестовывает. Правда, вспомнив московские процессы над: Каменевым и Зиновьевым, рассудил, что они тоже были за Советскую власть, а судили их как врагов народа. «Он то, что мог сделать против власти?» – возник вопрос и, не найдя ответа, решил: «Гошка приедет, может, что узнает».

Тот приехал на десятый день, удручённый ещё больше. На расспросы ответил, что когда в милиции попросил свидания с братом, ему ответили, что он уже осуждён на десять лет без права переписки и отправлен в Мариинскую тюрьму. Секретарь суда, на его вопрос: за что судили брата, порылась в бумагах и ответила: «Его судили как врага народа за саботаж стахановского движения и подрыв доверия к Советской власти».

Все кто был в слесарной: Борис, Иван и зашедший перед разговором Семён Шутов не знали чем Гошку утешить. Наконец Борис предположил:

– Может, коллектив шахты, партийная организация по ходатайствуют за него?

– Вряд ли, – сказал Семён, – у нас любят добивать человека, а не выручать.

– Видишь, Гоша, как в жизни бывает. А ты говорил: «Что с врагами разбираться, сразу к стенке».

Тот с явным укором взглянул на Ивана, мотнул головой, но ничего не сказал.

Ещё больше недоумевали в посёлке, за что арестовали сына и отца Кушнеренко? Потом прошёл слух, что один из проходчиков, который работал вместе с отцом Павла, рассказал, как однажды при разговоре о расстреле Тухачевского, он сказал: «Они там, как пауки в банке, готовы друг друга сожрать». Возможно, до кого-то это и дошло.

В коллективе фабрики наступило тягостное состояние. Прошли разговоры, что ещё двое из переселенцев арестованы. На политинформации парторг твердил, что даже у нас на руднике находятся люди, которые стараются вредить строительству социализма. Однако никаких подробностей не рассказывал. Старался перейти на сообщения об успехах бригад, вставших на стахановские вахты. Рассказывает о передовых бригадах братьев Беляевых, Степана Бурмина, Василия Фомана отмеченных значками «Стахановец золотодобычи», о том, что принято решение выставить их портреты возле клуба имени Ленина. В конце посоветовал всем сходить в клуб и посмотреть первый звуковой фильм «Путёвка в жизнь».

Дома Янка тоже заговорила об этом фильме. Сказала, что они с Костей, посмотрели и им очень понравился. Иван решил уговорить мать сходить с ним в клуб. Она возразила:

– Шо я дивка якая, по клубам шастать!

Янка принялась её уговаривать, говоря о том, что туда посмотреть кино приходят даже старики.

На этот раз её не удалось уговорить. Иван сходил посмотреть кино, с Шутовыми. Кино всем понравилось. Тем более, что Иван его вообще видел впервые.

Янка, дня через два, всё же уговорила мать сходить в кино вместе с ней. По возвращении сказала:

– Мустафа страшенький, а улыбка красивая. Жалко его, – она заморгала глазами и отвернулась от Ивана, прикладывая конец платка к глазам.

На работе всё шло своим чередом: принимали руду, выдавали концентрат, проводили ремонты и сменные собрания. Гошка уволился, сказав, что пойдёт работать слесарем в шахту, там можно больше заработать. Пояснил, что жену брата уволили из школы, заставили уйти из квартиры, живёт у них и пока не работает, а у неё сынишка полтора года.

В последних числах сентября на сменном собрании Коньков объявил:

– С двадцать восьмого числа, этого месяца, наш Тисульский район входит во вновь образованную Новосибирскую область. Так, что кто пишет письма – запомните.

Иван подумал: «Надо тете написать, может, что знает о брате».

И в это же время, едва утихли разговоры об арестах, как всех потрясла новость: арестовали директора рудника Дмитриева и главного инженера Парфеоновича. Все недоумевали, никто не знал почему. Парторг и руководство фабрики ничего не говорили. Бронников попытался спросить у механика Трунова, но тот пожал плечами и ответил, что никто не знает.

Стало известно, что исполняющим обязанности директора, назначили заместителя главного инженера Троековского.

Подстать всеобщему настроению, погода испортилась. Задождило вперемешку со снегом. Самое противное, в такую погоду брести в комендатуру отмечаться. Каждый понимал, что аресты переселенцев не могут быть без участия комендатуры. Потому всегда возникала мысль: «Может, и на меня накопили что-нибудь».

11

В начале марта тридцать восьмого года у Ивана произошло неожиданное событие. Бригадир Борис Бронников заявил, что уходит с обогатительной фабрики, ему предложили должность помощника главного механика на шахте

«Красная». Это огорчило Ивана, так как он привык к нему, он нравился ему за сдержанный нрав, за знания в эксплуатации и ремонте оборудования и просто как человек. Ещё большей неожиданностью стало заявление механика Трунова, что он подготовил приказ о назначении его бригадиром. Иван стал возражать, что есть грамотнее его, но тот ответил:

– Мне нужны не грамотей, а знающие своё дело люди. Ты с Бронниковым проработал почти два года и круг обязанностей знаешь. Так что впрягайся.

На следующий день приказ зачитали по сменам.

Когда он высказал свои опасения: справится ли он с этими обязанностями Семёну Шутову, тот сказал:

– Не бойсь, Ваня, ты всё знаешь, что надо делать.

Вместо Гошки Хлыстова приняли Алексея Лоскутова. Он недавно переехал с рудника «Комсомольский». Иван поступил с ним так же, как поступили с ним: предложил поработать с месяц в первую смену, а когда освоится перейти на посменную работу.

Алексей был среднего роста, суховат, но как говорят «жилистый». Разговаривал мало и о себе почти не рассказывал. Работу быстро освоил. Не очень любил, когда ему подсказывали, говорил: «Разберусь».

В коллективе у Ивана со всеми уже сложились ровные отношения. Он никогда не командовал людьми, поэтому не повышал голоса при разговоре. Кроме того он помнил, как вёл себя Бронников и вспоминал Оглоблина, который давал указания ровным голосом. Иногда, только Анатолий Иванов слегка подтрунивал над ним:

– Начальник, как мне тут делать?

– Делай, Толя, как умеешь, – отвечал Иван

Тот улыбался:

– Ловкач ты, Иван, – работу выполнял хорошо.

Дома тоже всё было нормально. Теперь они жили с матерью вдвоём в новой избе. В ноябрьские праздники состоялась Янкина свадьба. Мать загодя готовила приданое. Купила две пуховые подушки, изготовила стёганое одеяло, сшила две наволочки, оторочила две простыни. Иван ещё в сентябре ходил с Янкой в магазин, где она выбрала материю на платье. Портниху она нашла сама.

Свадьбу проводили в новой избе. За неделю до этого, мать вместе с Янкой обмазали печь глиной и побелили. А за пару дней до свадьбы, хотя всё было решено, пришли родители Кости, вроде, как сваты, для порядка.

Сват, Панкрат Николаевич, оказался крепким мужиком, лет под сорок, усатый, бровастый. Сватья, Анна Михайловна, небольшого роста, круглолицая с пухлыми щеками. Она скромно улыбалась и Иван подумал: « Видать добродушный человек и Янке со свекровью наверно повезло.

Принимали их в новой избе. Иван принёс табуреты и скамейку от Шутовых. Мать выставила угощение.

Больше говорил Панкрат Николаевич, успевая опрокинуть рюмочку. Из разговора Иван узнал, что они сосланы с Алтая, как Шутовы и Уткины, но меж собой не знакомы. Он, вспоминал в разговоре о своей деревне, на реке Катунь, потом махнул рукой и сказал:

– Я чё скажу. Жить можна хыть где! Была б голова, да руки росли с нужного места.

Оказалось, что он один из первых построил здесь дом. Всё лето работает, на драге, зарабатывает хорошо. Про сына сказал:

– Сын у меня головастый, на электрика выучился.

Мать, как и положено, похвалила свою дочь, что она хозяйственная и школу закончила хорошо, и курсы, – работает в бухгалтерии шахты.

Иван, видя, что рюмка свата вновь пустая, потянулся за второй бутылкой. Увидев это, Анна Михайловна встала и сказала:

— Нам пора.

К удивлению Ивана, сват покивал головой, сказал:

— Да, — поднялся, протянул Ивану руку, — До скорого свиданица.

Иван с матерью пожелали им счастливого пути и проводили до улицы.

Свадьбу проводили седьмого поября у Ивана, а восьмого в доме жениха. Иван написал заявление на два дня, и механик ему подписал. Начальник фабрики подписал без распросов, но предупредил: с комендатурой согласуй. Иван решил: просто появляться там, как обычно.

На свадьбу пригласили Шутовых и Уткиных. Янка пригласила подругу Галю, а Костя своего друга гармониста Валентина с подругой Раей. Пришли Олеся со Степаном. Сваты пришли, когда все были в сборе. Молодых, как и положено, усадили в торце стола у окон. Первым поздравил молодых Панкрат Николаевич, пожелал им счастья, Божьего благославления и нарожать ему внуков. Выпив за это поздравление, все поддержали возглас Ульявы: «Горько!», заставив молодых подняться и поцеловаться. Мать Янки благословила их, пожелала им семейного счастья и любить друг друга. Мать Кости пожелала обоюдного согласия и закончила.

— Совет вам и любовь.

После пожеланий начались поздравления гостей. Иван следил, чтобы вовремя наполнить рюмки водкой, стопки молодых и девушек «Сливянкой». На столе была разнообразная закуска и жаркое. В этом помогла матери соседка Мария. Когда за столом начался обычный весёлый шум, гармонист заиграл песню: «Когда б имел златые горы» и все её запели. После этой он заиграл: «Живёт моя отрада..», и

вновь все запели. Гармонист играл, наклоняясь вперёд, свешивая свой тёмный чуб над мехами, как бы прислушиваясь к вздохам гармонки. Играл хорошо.

Когда он заиграл плясовую — вышла плясать Галя. Это у неё получалось — красиво. Потом она вытянула из-за стола Раю и жениха с невестой. К удивлению Ивана Янка залихватски постучала каблуками, а Костя несколько раз сплясал вприсядку. Однако быстро ухватил Янку за руку и увёл на своё место. После нескольких тостов и песни «Шумел камыш» Иван сказал, что хочет спеть украинскую песню. Ему одобрительно похлопали. Он запел:

Чорнии брови, карие очи,
Темни, як ничка, ясни, як день!
Ой очи, очи, очи дивочи,
Де ж ви навчилися зводити людей?

Он пел с удовольствием, хмель унял стеснение и голос сочно и звонко заполнял всю избу. Все притихли, не ожидая такого исполнения. В каждом куплете он повторял две последние строчки. К его удивлению гармонист сначала робко потом всё смелее стал подыгрывать мелодию. Две последние строчки стала подпевать Ульяна и Янка.

Когда он допел и повторил последние строчки:

Не будеш спати ни вдень, ни вночи,
Всё будеш думать, очи, про вас.

Все ему похлопали, а Рая сказала:

— Дядя, Ваня, вам надо записаться в клубный хор.

— Обязательно. Вот переделаю все дела и запишусь, — отшутился он.

Гулянье продолжалось до сумерек. Потом всех гостей проводили до речки, поддерживая кое-кого на косогоре. Мать всплакнула, когда Янка с Костей и сватами пошли вдоль реки к их дому.

На второй день у сватов Ивану понравился их дом: большой, две комнаты и кухня. Поразили полы. Широкие

половицы были выкрашены ярко жёлтой охрой и отражали свет окошек. Оштукатуренные и побеленные стены делали комнаты светлыми. В доме, чувствовался порядок во всём.

Туда не пришли Шутовы, зато была пара их соседей. Поздравления и пожелания продолжились. Веселье тоже.

Вновь поехали, поплясали, девушки упросили его спеть ещё раз «Чёрные брови, карие очи». Всем понравилось. Хозяин щедро подливал водку, проявляя хлебосольство. Ивану не понравилось, что здесь Костя переключился на водку, и к вечеру его увели в другую комнату и уложили спать.

При прощании Панкрат Николаевич сказал:

– В этом деле Костя в маткину породу – слабоват.

После свадьбы Иван с матерью перенесли все вещи в новую избу. Иван разместился в маленькой комнате за печкой, сделанной, как у Уткиных.

Мать посоветовалась с Иваном:

– Може, стару хату предложить Соне Черенковой, напарнице по работе? В бараке живёт с мужем и дочуркой.

– А вдруг у молодых, что не заладится, могут перейти, – рассудил Иван.

– Ты бачишь, шо Костя пиде в таку холуну?

Иван пожал плечами:

– Ну, предложи этой Соне, может, пойдут.

Январь тридцать восьмого года принёс одну приятную неожиданность. Двадцать пятого числа вдруг пришла Оксана со своим мужем – поздравить его с днём рождения. Особенным, ему было то, что впервые, за последние годы, он отметил его в собственном доме.

В середине марта всех на работе всколыхнула весть о новом судебном процессе в Москве. Вернее о его результатах. Некоторые слышали об этом по радио. На политинформации технолог Левин зачитал в газете, что со второго числа по тринадцатое марта заседала военная коллегия Верховного суда СССР и признала Бухарина Николая Ивановича ви-

новным по делу «Право-троцкистского блока» и приговорила к смертной казни. Приговор приведён в исполнение.

Левин по этому поводу ничего не пояснил, а стал из местной газеты зачитывать об успешной работе проходческой бригады с шахты «Дмитриевская».

Иван был омрачён этим сообщением, в памяти опять всплыли слова Матвея Ильича, но в этот раз он не стал этим делиться с кем либо. Тем более, что рядом сидел Алексей, про кого он практически ничего не знал.

Кроме того, когда прошли аресты из числа переселенцев и по слухам, арестовывали их за какие-то разговоры, все стали остерегаться друг друга. Говорили только о работе.

Дома, когда оставался один: чистил снег или колол дрова, невольно задумывался: «Вот время настало; вдруг так много врагов народа стало появляться? И враги ли они? Тот же Бухарин, с Лениным революцию делал, за крестьян заступался и вдруг – враг. Рыков, которого вместе с ним расстреляли, говорят, всей страной управляет. Почему они раньше не вредили, а потом стали вредить? Или директор рудника и главный инженер. Трунов сказал, что партторг пояснил: на партактиве выступил секретарь и сказал, что они оба не приняли меры обеспечить хотя бы насосные установки на шахтах резервной электроэнергией. Это когда летом в грозу электролиния вышла из строя – две шахты подтопило и они простояли целые сутки. И ещё они мало обращали внимания на Стахановское движение. Разве это вредительство? Нет. Тут, как раньше говорил Санька: «Без бутылки не разберёшься». Вспомнил, что на политинформациях и говорят по радио, про стахановские бригады и о снятии с льдины двумя ледоколами четырёх героев – Папанинцев. «Какие они герои? Что хорошее можно сделать на льдине? От медведей отстреливаться?» – задавал он себе вопросы. «Бригады ладно. Те работают», – соглашался он.

В середине апреля он перевёл Алексея Москутова на по-сменную работу, а Василия Кряжа уговорил, перейти в дневную смену.

На второй же день случилась авария на отвальном терри-коне – слетел канат со шкива у опрокидывающих салазок. Иван взял с собой Василия и Анатолия Иванова из гравита-ционного отделения. Прихватив с собой ломик и монтажку, они вошли в пристройку, где располагалась лебёдка, под-нимающая скип с породой на террикон. Иван поздоровался с мотористкой и пояснил ей:

– Я сверху дам вам сигнал, и вы ослабите канат на «спуск». Та кивнула головой и они, выйдя через боковую дверь, двинулись по шпалам наверх террикона. День был ясный. Им открылась вся панорама посёлка со всеми по-стройками, лесом вокруг, ближними и дальними горами. На некоторых крышах с северной стороны ещё виднелся снег, и у террикона тоже. С крыши фабрики снег был сброшен в конце марта, и многим пришлось в этом поучаствовать.

На самом верху они осмотрели скип, шкив, канат и при-шли к выводу, что скип, очевидно, был перегружен, кусок породы попал между шкивом и канатом, и тот соскользнул с него. Иван распорядился:

– Надо подпереть скип ломом, чтобы не съезжал. дать слабинку канату, монтажкой завести канат на шкив.

Василий подиёр скип ломом:

– Я тут упрусь, а вы вдвоём попробуйте завести канат.

Иван развёл руки, показывая мотористке, ослабить канат.

Вдвоём, поднатужившись, им удалось завести канат на место. Иван показал мотористке, чтобы она натянула канат. Он дернулся, скип потянуло наверх, лом упал. Василий поднял его и махнул рукой, чтобы мотористка начала спус-кать скип вниз. Они посторонились, пропуская его, и дви-нулись за ним вниз.

Иван был доволен, что с этой аварией удалось быстро справиться и ни какой задержки в работе фабрики не произошло.

Примерно в это время Иван заметил, что его стали называть по отчеству. Сначала женщины из флотационного цеха, потом сортировщицы. Сам он сразу навеличивал женщин, особенно пожилых, с кем приходилось сталкиваться по работе. Слесари, с которыми он работал третий год, продолжали звать по имени, и это даже ему нравилось: отношения были дружеские.

В мае случился несчастный случай. Рабочая цеха флотации Крипкина Зинаида Степановна помогала лаборантке загружать известь в раствор цианида. Лаборантка говорила, что, наверно, в извести оказался комок, и он выплеснул раствор, который попал ей на лицо. Она тут же умылась водой, но вдруг упала и потеряла сознание. Василий Кряж поднял её и вынес из цеха, как положено по технике безопасности. По дороге одной из шламниц крикнул, чтобы бежала в контору звонить в больницу. Вскоре приехала фельдшер и увезла её в больницу. Потом сказали, что она по дороге умерла. Предположили, что раствор мог попасть в рот, а в растворе цианида находится синильная кислота - сильнейший яд.

На ближайшей полиинформации выступил главный технолог с упреком в адрес смежных мастеров, которые отвечают за соблюдение техники безопасности в своей смене. И напомнил об опасностях в технологии производства.

Дома Иван занимался копкой целика под огород у новой избы. Он установил столбики вокруг намеченного огорода, но забор только предстояло сделать. Приходили помогать Олеся со Степаном. Янка ждала прибавления семейства в конце лета.

Поле посадочных работ Иван снова договорился с Семёном и они, наняв частника с лошадыо, навозили жердей для

заборов. Огородив усадьбу жердями, Иван из тонкомера, оставшегося от строительства дома, начал рубить стайку.

В один из вечеров, когда Иван рубил третий венец, пришёл Семён и спросил:

– Ты дом собираешься штукатурить?

– Собираюсь. Но, говорят год надо ждать, чтобы брёвна осели.

– Так-то так. Но, не в октябре же, заниматься штукатуркой. Я думаю, к августу осядут.

– Тогда дранкой надо запастись. Интересно дорогая?

– Да не очень. Надо посчитать, сколько надо.

– Я никогда не штукатурил, – сознался Иван, – Надо у Михаила Уткина спросить.

– Точно, схожу к нему – потолкую.

Он уже повернулся уходить и вдруг сказал:

– Слышал, у нас за посёлком на полях аэродром строят?

– Слышал. По-моему Костя Веригин когда-то говорил.

– Там уж вроде заканчивают. Я смотрю, мимо подводы брус и тес везут, а Борис мне говорит: там вышку строят для прыжков с парашютом. Какой-то: «Асовиахим» организуют. Будут на лётчиков обучать. Борис записался. Они все хотят Чкаловыми стать. Ему нынче в армию идти, но обещают отсрочку дать, если пойдёт на лётчика учиться.

– Хорошее дело. Но, по-моему, опасное, – выразил опасение Иван.

– Я ему тоже про это толковал. Слушать не хочет.

– У меня мать в горнице полы красть, говорит, ей Ульяна посоветовала, перед штукатуркой на раз покрасить, чтобы потом доски не скрести.

– Правильно. Так всегда делают, кто знает, – уточнил Семён.

На работе всё шло, как обычно: ремонты, замена оборудования, сменные собрания по поводу улучшения работы. В начале августа все заговорили о нападении японцев у озера

толи «Фазан», толи «Хасан». Потом на политинформации сообщили подробности, что 29 июля 1938 года японская рота нарушила границу СССР в районе озера «Хасан». Атаквала высоту Безымянную. Одиннадцать пограничников под командой лейтенанта Алексея Махалина героически отбивали атаки японцев. А когда были окружены, пошли в атаку и прорвались из окружения, но в живых осталось шесть человек. Лейтенант погиб. Потом, прибыло подкрепление, и японцы отступили.

В один из этих дней в слесарную во время обеденного перерыва зашёл Алексей Лоскутов. Он сел на скамейку и, развернув свой сидорок, принялся есть. Когда разговор зашёл о нападении японцев, Василий Кряж, произнёс:

– Интересно, это озеро далеко от Владивостока?

– По-прямой – километров сто будет, – сказал вдруг Алексей.

– А ты откуда знаешь? – удивлённо спросил Василий.

– Я на Дальнем востоке три года служил. Есть такой малельский городишка Посыет, там, рядом граница с Кореей и Маньчжурней.

– Как думаешь, наши разобьют японцев? Или большая война будет? – спросил Иван

– Думаю, разобьют. У нас там войск много. А сейчас же гворят, они с пограничниками воюют, – Алексей обтёр губы газетой и выкинул её в мусорницу. Поднявшись, сказал:

– Надо ленту на породном конвейере отрегулировать, сходить в сторону начала, – и вышел из слесарной.

Иван посмотрел ему вслед и подумал: «Вот человек тоже в себе горе носит». Он вспомнил вчерашний разговор с ним, когда они шли после работы: он в комендатуру, а тот домой. Жил где-то за ней. Он спросил:

– Что-то, Алексей, настроение у тебя неважное. Может в смене что происходит?

– Нет. В смене всё нормально. – Он взглянул в глаза, и понизив голос, сказал:

– Никому не говорил. Тебе скажу, но пусть больше никто не знает. У меня отца тоже арестовали. Он был начальником котельной. В марте прошлого года случилась авария. Трое суток устраняли. Всё наладили. Всё спокойно. А в декабре арестовали. Вспомнили аварию, ещё что-то приплели и десятку вlepили. Мать мне говорит: «Уезжай, а то и тебя заберут за что-нибудь». Уволился и уехал. Здесь у меня тётка живёт.

– Иван, ты что задумался? – спросил Василий.

– Да, так. Ты иди крышку редуктора на третьих граблях откручивай, только ведро под масло прихвати, а я прокладку подберу и подшипник на полтора дюйма. Вдруг через него масло гонит.

К середине августа стали происходить приятные события. На работе сообщили, что девятого августа японцы у озера «Хасан» были разгромлены. Дома у Ивана полным ходом шла штукатурка. Мария Шутова помогала штукатурить потолок. Иван, в сколоченном ящике, едва успевал готовить глиняный раствор. А четырнадцатого прибежал Костя с бутылкой водки и радостно сообщил, что Янка родила сына. Пришлось «обмыть» прибавление семейства.

Через неделю, когда Иван с матерью пошли поздравлять молодых с рождением сына, мать спросила:

– Когда ж ты женишься?

– Це не знаю. На работе у нас все замужние работают. А других не встречаю.

– Може мне с товарками по гутарить – найдут дивчину.

– Не, мамо, не треба этого делать.

– Тобе ж уже тридцать первый рокив.

– А ты помнишь? Сын пана Вальчаховского в сорок оженился.

– Ты ж не пан. Богату выбирать.

– Богату, не богату – торопиться не буду.

12

Осень прошедшего и начало тридцать девятого года прошли под разговоры о «Ежовых рукавицах». Все знали, что наркома внутренних дел Ежова отстранили от работы. Перестали говорить об арестах. Теперь говорили, что новый нарком Берия всех неправильно арестованных выпустит. Однако пока никто не слышал, чтобы кто-то вернулся.

Первым с Иваном об этом заговорил Алексей Лоскутов. Во время небольшого перерыва при ремонте затвора у тетки приёмного бункера он спросил:

– Палыч, – вдруг обратился по отчеству, – как думаешь, отца могут отпустить?

Иван понимал, что осужденного не так просто освободить, но ему не хотелось в раз лишать человека появившейся надежды, и он уклончиво ответил:

– Всё может быть. Как судьба повернётся.

Позднее Василий Кряж предположил:

– Может, нам сроки скостят? Как маракуешь? Рванул бы я на родную Кубань.

– Едва ли. Ведь как ходили в комендатуру каждый день, так и ходим, – ответил он, печально покивав головой.

Но кое-что важное произошло. В начале января всем работающим, не зависимо, свободный человек или переселенец, выдали трудовые книжки. Ивану выдали восемнадцатого января, с записью: стаж работы – четыре года девять месяцев. Произошло ещё важное событие: в конце февраля матери Ивана исполнилось шестьдесят лет. Когда она в очередной раз пришла в комендатуру, ей сказали, что она может приходиться отмечаться один раз в неделю. Когда спросила, может ли уволиться с работы? Ей ответили: может, но пенсию ей могут назначить только после окончания срока, то есть через два года. Она решила поработать до лета, чтобы быстрее, накопить денег на корову.

В начале мая Иван купил кубометр тёса, чтобы закончить крышу на стайке. В это же время на работе пошли разговоры, что по радио сообщили об аресте 10 августа бывшего наркома Ежова. Опять начались предположения об освобождении невиновных, но результатов никаких не было. Резонно сказал Семён, зашедший с слесарную, заточить что-то на наждаке:

– Кому охота копать в документах, выяснять: виновный – не виновный? Ему б усидеть на своём месте.

На фабрике шли повседневные дела. От механической службы требовалось, чтобы всё крутилось. Механик Трунов теперь чаще находился в цехах, чем в конторе, а за выдачу большего количества концентрата хвалили сменных мастеров.

В начале лета мать Ивана уволилась, и через пару дней пошла с Ульяной, в какую-то из ближних деревеню покупать корову. Привели: молодую белую с чёрными пятнами. Ульяна сразу предупредила Ивана, чтобы шёл к лесничему оформлять покос.

– Чем раньше оформишь, тем ближе получишь. Сейчас многие хотят купить коров, – пояснила она.

Мать сходила к лесничему, а в один из вечеров, Иван ходил с объездчиком посмотреть покос на месте. Как потом выяснилось, покос Уткиных был по этой же лесной дороге, только чуть ближе.

26 июня Иван пришёл в скобяной магазин, чтобы купить двоевил. До этого по совету Михаила Уткина, купил на базаре двое грабель и две косы. В тот момент, когда продавщица связала вилы шпагатом, заговорило радио. Мужской голос произнёс: «Слушайте важное сообщение. ТАСС уполномочен заявить: четырнадцатого мая этого года японо-маньчжурские войска оккупировали часть монгольской территории в районе реки Халхин-Гол. На основании договора от 12 марта тысяча девятьсот тридцать шестого года о

взаимной помощи между СССР и Монгольской народной республикой в тридцать седьмом году туда были введены войска Красной армии. Войска приступили к отражению этой агрессии».

– Опять война с японцами! – произнесла продавщица с широко открытыми глазами.

Мужчина, стоявший рядом, уверенно заявил:

– Ну и опять японкам холку начистят.

Иван вышел из магазина со смешанными чувствами: хотелось поверить этому мужику, но он помнил, как в детстве рассказывали старики, что войну с японцами проиграли.

Когда он сообщил о нападении японцев матери, она всплеснула руками:

– Опять японцы! – потом махнула рукой и добавила, Мужикам лишь бы повоевать!

На первой же политинформации парторг зачитал это сообщение ТАСС, потом говорил, что провокации японцев начались ещё в январе и продолжались до весны. Были они пятого и восьмого мая, а четырнадцатого уже участвовал разведотряд дивизии, триста всадников и пять пикирующих бомбардировщиков. Атаковали они – седьмую заставу. На следующий день в бой вступили две роты пехоты, сем броневиков и один танк. Последующие дни количество нападающих войск увеличилось.

Весь июль на политинформациях зачитывали: сколько войск с обеих сторон участвуют в боях.

А в выходные дни, иногда и по вечерам Иван с матерью занимались косьбой. Ни он, ни мать никогда не косили вручную. В деревне у них была конная косилка. Поэтому, обучал их этому делу Михаил. Он показывал, как держать косу и говорил:

– Наклонишь вперёд, воткнёшь косу в землю, подымешь, будешь вершки сшибать. Держи ровно и не захватывай много. Размах должен идти от плеча.

Здесь, на покосе, Иван впервые полюбопытствовал:

– Скажи, Михаил, у вас большое хозяйство было до того, как сослали?

– Нормальное хозяйство. Отец мой – Степан Никонорович вёл его, а я только помогал. Во время НЭПа хозяйство подросло. Стало: четыре лошади, две коровы, другая живность. Ну, там: сеялка, веялка, плуги, конные косилка и грабли. Мологилку купили. Ну и три работника было. Потому нас сразу обозвали кулаками и, как говорится, раскулачили. Отца хватил удар, и через месяц он умер. Мать умерла раньше – в двадцать пятом. А нас выслали. Вот такая история.

Иван сочувственно покивал головой и сказал:

– У нас тоже хозяйство нормальное было. Особенно, когда отец был жив.

– Но, Ваня, руки опускать не надо, как говорил мой отец.

– Я тоже их не опускаю, – сказал он и пошёл на свой покос.

Вняв не хитрым советам Михаила, они с матерью быстро освоили приёмы, и работа пошла. Погода выдалась хорошая, и к концу июля на их покосе стояли три стога.

Иван был доволен, что всё сложилось удачно: закончил стройку, желание матери заняться хозяйством, тоже исполняется. Раньше думал, что кончится срок и можно уехать в родную деревню. А теперь, глядя на побеленные стены и блестящий, выкрашенный пол, рассуждал: там ни двора, ни кола, придётся строить саманный дом с соломенной крышей и земляным полом, если ещё разрешат.

И делал вывод, что об этом не стоит думать.

Опять, как в прошлом году, август принёс хорошие вести. Десятого по радио передали, что седьмого числа японские войска разгромлены и запросили мира.

Четырнадцатого августа пришла со своим сыном Янка. Ему исполнился год. У него были тёмные, волнистые воло-

сы, карие, как у Янки глаза. Он уверенно ходил по комнате, но стоило Ивану нагнуться к нему, как он утыкался Янке в колени. Только бабке удалось его обласкать и даже взять на колени, однако, увидев Янку, он тут же соскользнул с колен.

Иван нагнулся к нему:

– Лёша, иди ко мне.

Тот сдвинул брови, отвернулся и побежал к матери.

Когда прощались на крыльце, Иван спросил:

– Как живёте? Дружно?

Янка, сделала гримасу:

– Да так вроде всё нормально, но последнее время стал приходиться выпивши. Особенно после первой смены.

– Что? Дружки завелись?

– Наверно. Но он особенно не рассказывает.

– Это плохо. А как родители реагируют.

– Магь бранится, а отец один раз, когда приезжал, обозвал «дураком» и уехал.

В конце августа, состоялось общее собрание, на котором выступил начальник фабрики Боков по поводу улучшения работы и новых задачах коллектива. Иван больше всего боялся, что его заставят выступить. Выступали начальники смен, главный технолог, парторг, работница цеха флотации Галина Петровна Острекова, об улучшении вентиляции в цехе и механик Трунов. Иван решил, что на этом выступлении закончат, но начальник вдруг сказал:

– Ну, позиция механика ясна, а что думает бригадир слесарей?

Ивана бросило в жар. Ему показалось, что его уши запылали. Он встал и произнёс:

– Я выступать не умею. Слесаря работают хорошо и будут так же работать, по стахановски!

Последнего добавления он сам от себя не ожидал и, сев, покраснел ещё больше. А ему даже похлопали.

На следующий день, у кого было в доме радио, стали говорить о договоре с Германией «О дружбе». Кто пожимал плечами, а кто говорил; «Дружба всегда лучше войны». А через неделю ещё новость: Германия начала войну против Польши.

– Иван, что ты думаешь по этому поводу, – спросил Василий, доливая масло в редуктор питателя.

– Я ничего не думаю. Пусть думают, у кого голова большая.

– А я думаю: немцы слопают Польшу и на нас полезут.

– У нас же с ними договор «О дружбе».

– Сколько всяких договоров, а всё воюют и воюют.

В сентябре пришлось провести замену редуктора на главном конвейере. Остановку разрешили на три часа. Благодаря тому, что всё было подготовлено: доставка нового редуктора, подвеска тали и все другие мелочи, замену и центровку с электродвигателем провели за два часа с небольшим. Хотя всё проходило под командой механика, но за хорошую работу объявили благодарность: Кряжу, Иванову и бригадиру. Благодарность была устной от главного технолога, но Иван оценил её, как первую в жизни.

Дома была пора уборки урожая. Главное было вывести картофель с поля. Тут, как и прошлый год, помог Семён. Он вновь нанял того частника, что и прошлый год. Звали его Иван Никитич. Его уговорили вывести сено с покоса. Он вроде нехотя, но согласился. После вывозки сена, мать организовала ужин. Выпивая по поводу окончания такой работы, Иван поинтересовался, кем он раньше работал. Тот провёл рукой по лысеющей голове и ответил:

– Раньше при Иваницком и последние семь лет, до тридцать шестого года - коногоном в шахте.

– А после Иваницкого шахты работали?

– Нет. В двадцать втором организовалось общество «Томзолото». Работа шла ни шатко, ни валко. То была рабо-

та, то не было. А в январе двадцать пятого года сгорела кузница, где сейчас щитовая фабрики, а следом сгорела электростанция, где сейчас электроцех, сгорели три локомотива и весь рудник встал. Всё оживилось, когда в двадцать седьмом году приняли пятилетний план, и провели сюда электролинию из Макарака.

Слушая их разговоры, мать напомнила:

– Шо вы всё гутарите, разговариваете – едайте. Всё стынет.

После застолья, провожая гостя до ворот, где стояла лошаадь, Иван сказал:

– У нас тут сосед есть. У него покос, чуть поближе нашего, вы ему сможете вывести сено?

– Пошто не вывести? Можно вывести.

Иван показал ему на дом Уткиных. Ему сделалось приятно, что, возможно, он помог товарищу.

В конце декабря Иван попал в больницу. Месяц выдался буранным и дороги замело. Как обычно фабрика направляла людей на расчистку дороги в сторону шахты «Красная». На этот раз он решил оставить за себя Василия Кряжа, а сам возглавил бригаду из трёх слесарей и трёх сортировщиц. Конторские ему не подчинялись. Погода была ветреная, но добавился мороз. Чтобы не замёрзнуть приходилось работать во всю силу, но надо было и отдыхать. А ветер пронизывал до костей. На второй день он пожаловался на кашель, фельдшеру, которая бывала на фабрике. Она померила ему температуру и велела идти в больницу.

Здесь его послушал через деревянную трубочку доктор, пожилой мужчина в очках и седыми висками:

– Бронхит, батенька. Лечиться надо.

В узкой палате на четыре койки, были двое больных. Одним оказался Анатолий Тюрин, с которым Иван работал в мехцехе, а второй – приклонных лет старик.

Тюрин ему обрадовался:

– Сейчас хоть поговорить будет с кем, а то дед всё спит и спит.

В первый день, после осмотра врача, пришла медсестра с коробкой в руке, там оказались стеклянные банки, которые она очень быстро установила Ивану на спину. Потом такую же процедуру сделали на груди.

Когда он лежал с этими банками, – спросил:

– Толь, а тебе ставили банки?

– Ставили, это ерунда. Вот тебе горчичники наклепят – покрутиси.

– Слушай, – тот сел на кровати, почесал свой белобрысый затылок и взглянул на Ивана, своими серыми глазами, полными любопытства, – вот тебе, как украинцу, радостно, что Красная армия освободила западных украинцев и белорусов?

– Мне-то что? Пусть те радуются, что к немцам не попали.

– Ну, всё-таки? – неопределённо протянул тот.

– Меня не радует, что война с финнами началась. И что этим финнам надо было провокации на границе делать?

– Да расколошматят их, как япошек, – уверенно заявил Тюрин.

– Скоро месяц, как воюют, а особых сообщений нет.

Пришла сестра, сняла банки, дала выпить таблетки.

Вечером Тюрин вдруг спросил, знает ли он о Иваницком.

– Знаю, – ответил он, – и про то, что клад не нашли.

– Так вот, Тюрин приподнялся на локте, моя сестра узнала от кого-то из поссовета, что жена Иваницкого списалась с краевым начальством, что найдет золотой клад и заберет половину. Начальство согласилось. Она приехала их Китая в тридцать седьмом году, нашла клад и увезла половину в Харбин, – Тюрин откинулся на подушку.

– Сколько это – половину? – поинтересовался Иван.

– Про это не говорят. Но раньше все в пудах мерили.

Ивану вспомнилось, как он намыл ноль восемь грамма. На следующий день, ему действительно поставили горчичники.

Анатолий с ехидством приговаривал:

– Терпи, казак, атаманом будешь.

Иван старался терпеть и не показывать виду, что жжёт очень сильно.

Сестра, её звали Пелагея Ивановна, похвалила его:

– Молодец, терпеливый, хорошо прогрели, не то, что згот, – она кивнула в сторону Тюрина, – заверещал, как поросёнок.

– Ну уж, «как поросёнок». Вы долго не приходили, – возразил он. Сестра, улыбнувшись, махнула рукой и вышла.

На удивление более молодых пациентов, старик отоспался, и его первого выписали из больницы.

Через неделю ушёл Тюрин. Положили двух тяжелобольных, с которыми Иван практически не познакомился.

Лёжа, по ночам, когда не мог уснуть, перебирал в памяти прошлое. Прежде всего, это было связано с тем, что в середине марта кончался его срок ссылки. И невольно вспоминались все эти годы. Вспомнил Павло и Тараса, с которыми ехал на той бричке. Комиссара в кожанке, который грозил, что за плохое поведение могут срок добавить. Первое знакомство с Оглоблиным, который так хорошо к нему относился. Жалел, что не смог с ним попрощаться. Будоражила память пятидневная голодовка в поезде, с удивлением, что никто не умер и девятимесячная отсидка в подвале в Благовещенске. С особой теплотой вспоминал Степана Хвилью, Саньку Соловьева, Николая и справедливого и доброго механика Саньку Саньича.

Пока лежал в больнице, два раза приходила мать и один раз Олеся. Обе старались его подкормить.

Выписывая его, врач, Владимир Петрович, сказал:

– Мы, конечно, вас подлечили, но вам надо беречься. Вы когда-нибудь болели бронхитом?

– Нет. Кашлял однажды долго: на лесосеке простыл.

– Очевидно, перенесли на ногах. Будьте осторожны.

Когда он появился на работе, Василий доложил, что аварий и особых ремонтов не было, всё как обычно. Улыбнувшись, сказал:

– Ряшку-то наел на казённых харчах.

– Домашние подкармливали, – уточнил Иван.

Дома, посмотрев в зеркало, увидел, что лицо слегка поправилось, а волосы поредели, образовав большую залысину. Он решил: «Буду стричься наголо».

В этот день произошла неприятность: Янка пришла домой с сыном и заявила, что с пьяницей, жить не будет. Мать поохала, поохала и сказала:

– Ну и ладно.

На политинформации парторг, неожиданно для многих, сообщил, что третьего февраля состоялся суд над Ежовым, который за все свои дела и участие в заговоре был признан виновным и приговорён к расстрелу. На следующий день приговор приведён в исполнение. О событиях на войне, сказал:

– В трудных боях при сорокаградусных морозах войска приступили к штурму линии Маннергейма. Это глубоко эшелонированная, сплошь забетонированная линия.

В цехах опять заговорили: выпустят ли невиновных после расстрела Ежова. Но многие к этому относились скептически. Даже Василий теперь сказал:

– А, подойдёт июнь и всё уладится. Точно, махну на Кубань.

Когда в начале марта Иван пришёл, как обычно в комендатуру ему сказали, что теперь надо прийти только девятнадцатого числа.

Он с нетерпением ожидал этого дня, понимая, что в этот день должно всё решиться. Обрадовал мать, а на работе у него появился интерес абсолютно ко всему, что делалось в цехах, он чувствовал себя, как будто помолодевшим.

В середине марта сообщили по радио, что линия Маннергейма была прорвана и Финляндия запросила мира.

Почти все в разговорах выражали радость по поводу окончания войны, ведь за неделю до этого посёлок облетел слух, что на войне погиб какой-то Илюхин.

Когда Иван, пришёл в комендатуру и поздоровался Екатериной Васильевной, она предложила ему пройти в кабинет Любови Ивановны.

Та, ответив на приветствие, встала, открыла сейф, достала папку, полистала бумаги и одну протянула Ивану:

— У вас, Иван Павлович, окончился срок наказания. С этой бумагой вам надо прийти в милицию в паспортный стол.

Он попрощался и вышел из комендатуры. Отойдя от крыльца, остановился и развернул бумагу. Там было написано: «На основании решения областного суда Новосибирской области и областного комитета ГБ Рыбак Иван Павлович родившийся 25 января 1907 года в селе Беспечное Януш-Польского района Житомирской области, Украинской ССР, отбыл полный срок наказания, по статье 58 УК п. 10.»

Ниже было написано: «Секретарь суда» стояла роспись, печать и фамилия «Брагина». Он сложил бумагу и положил во внутренний карман. Его охватили те же чувства, что и тогда, когда сказали прийти девятнадцатого числа.

Через несколько дней, он сдал эту бумагу и фотографии, в паспортный стол. Когда он пришёл в назначенный день, пожилая женщина в роговых очках, подала ему паспорт и сказала:

– Вручаю вам паспорт гражданина Советского Союза и поздравляю.

Он поблагодарил её, а когда вышел на крыльцо, присел на боковой выступ крыльца и раскрыл паспорт. Пробежал глазами всё написанное, закрыл его и подумал: «Неужели всё позади?!»

Эти годы подневольного труда, с опасением, что в любое время, кто-то может усрать тебя в любое место, куда ты даже не можешь представить, не думая о тебе как о человеке.

ЭПИЛОГ

В прочитанной книге все имена и фамилии вымышленные, кроме главного героя, нескольких бригадиров – стахановцев и руководителей Центрального рудника, репрессированных в 1937 году.

С прототипом моего героя Иваном Павловичем Рыбаком, я встретился в офтальмологической (глазной) клинике, где он находился для поддержания зрения. Это было 2001 году. Ему было 94 года. Грех было не расспросить о его жизни. Он охотно рассказывал, приводя иногда мельчайшие подробности из своей производственной деятельности. Удивил и тем, что вечерами в рекреации, когда больные рассаживались на диванах, пел задорным, звонким и красивым голосом украинские песни.

Через некоторое время я послал ему письмо с просьбой уточнить некоторые моменты его жизни. Он откликнулся письмом на девяти листах.

Так, что в книге все коллизии и основные случаи, происходящие с главным героем, это повороты его судьбы. Хочу отметить, что как эпитафией к своему письму, он написал: «Жизнь прошла мимо». Мне стало очень обидно за него, зная о перипетиях его жизни.

В книге описана, самая тяжёлая и малая части его трудной трудовой жизни, поэтому дальнейшая судьба Ивана Павловича Рыбака, тоже представляет интерес.

Во время войны он продолжил работать бригадиром. Сначала бывших переселенцев не брали на фронт, но потом стали призывать. Ивана Павловича не взяли на фронт из-за хронического бронхита.

К концу 1941 года на Центральном руднике появились новые переселенцы – немцы с Поволжья. Многих фронтовиков заменили рабочие с фамилиями: Кляйн, Диль, Гайер, Шумф, Костбар, Узингер, Брунер, Кисс, Грубер и другие.

В 1944 году ушёл на фронт механик обогатительной фабрики и Ивана Павловича назначили на эту должность. Некоторые знают, а многие читали, в каких трудных условиях приходилось работать во время войны. Он справлялся со своими обязанностями.

В 1946 году вернулся с войны механик, и место пришлось уступить – он вновь бригадир. В 1949 году его назначают десятиником ремонтно-строительного цеха.

Ещё работая механиком на фабрике, он знакомится с Ириной Иосифовной. Узнает, что у неё двое детей, а муж, на которого пришла похоронка, вдруг приезжает в 1947 году. Побывал в плену, был ранен. Выходила его медсестра, с которой он жил, и родилась дочь. Он уговаривает ехать с ним, она отказалась. Почувствовав родственность души он жениться на ней в 1949 году, вопреки отговоров матери и сестры. Ирина тоже из ссыльных. Отца и старшего брата сослали из-за того, что посчитали кулаками: в их семье был большой фруктовый сад и один работник. Во время голода на Украине умерла мать и два брата, а двух дочерей он вызвал к себе. В 1937 году отца и старшего брата, который работал на шахте чертёжником, арестовали, и они не вернулись.

Работая в стройцехе: десятиником, мастером, прорабом, а с 1959 года начальником, строил на руднике различные объекты: дома, школу и т. д. Вёл реконструкцию здания фабрики без остановки производства. Когда его заставили вести строительство по замене копра на одной из шахт, он сказал:

– Я же не инженер, чтобы разобраться во всех этих чертежах.

Через неделю из Новосибирска прислали ссыльного инженера, и реконструкция была выполнена.

Ещё до этих больших строек Ивану Павловичу пришлось построить дом для новой семьи. Ирина с детьми и сестрой жила в небольшой избёнке в посёлке шахты «Тысячная». Хотя место

было красивое: тут росли берёзы, пихты, кедры, но новый дом решили построить на центральной улице «Первомайской». Вместе с женой он валил лес, готовя брёвна. А когда строил дом, помогали все: Ирина, её сын Володя и дочь Галя – теперь его дети. Дом был построен.

В 1953 году родилась дочь Ольга, в 1959 – дочь Нина. Теперь у них было четверо детей

В 1975 году, в связи с тем, что детям надо поступать в учебные заведения, он в возрасте 68 лет, уходит на пенсию и перевозит семью в город Кемерово. Здесь он купил дом, а дочери поступили учиться в институты. Сокрушался, что сын Володя поступил не в институт, а горный техникум.

Через шесть месяцев, в феврале 1976 года, Иван Павлович поступает на работу столяром учебного корпуса № 4 Кузбасского политехнического института, где проработал до января 2003 года.

В 2001 он пожаловался мне, что год назад потерял самого дорого и любимого человека – жену Ирину. Сам он скончался 28 ноября 2003 года, на 97-ом году жизни.

За время работы на Центральном руднике он получил 18 благодарностей, с занесением в трудовую книжку.

10 благодарностей было получено и в КузПИ.

Был награждён медалями:

За доблестный труд во время ВОВ 1941 – 1945 г.г.

За доблестный труд и в честь 100-летия В.И.Ленина.

Медаль «Ветеран труда», медаль «50 лет победы в ВОВ 1941–1945 г.».

Общий стаж работы, только официальный 69 лет, это без учёта четырёх лет работы на приисках Дальнего востока и работа в деревне с 7 до 23 лет.

Дочери получили высшее образование, сын среднетехническое; растут внуки и правнуки.

Как он мог написать: «Жизнь прошла мимо»? Дай Бог каждому сделать, хотя бы треть из того, что смог он.

08. 2010– 06. 2011 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хочу выразить искреннюю благодарность многим людям оказавшим помощь в написании этой книги.

Прежде всего, дочерям Ивана Павловича Рыбака: Нине Ивановне Шемякиной, Галине Витальевне Степановой и Ольге Ивановне Младшевой (рано ушедшей из жизни).

Главе администрации Центрального рудника – Вере Витальевне Окуновой.

В городе Мариинске Кемеровской области.

Директору исторического музея – Листуновой Валентине Александровне и сотруднику музея – Шекунову Сергею Васильевичу.

В городе Ачинске Красноярского края.

Директору музея-галереи – Качан Марине Михайловне и сотруднику музея – Агапченко Анатолию Сергеевичу.

Директору архива – Райковой Ирине Валерьяновне.

В городе Свободный Амурской области.

Директору краеведческого музея – Козлик Алле Георгиевне.

В городе Благовещенск Амурской области.

Директору краеведческого музея – Пастуховой Елене Ивановне.

В районном центре Тисуль.

Директору исторического музея – Банщиковой Марине Владимировне и сотруднику музея – Вамбриковой Юлие Сергеевне.

Директору архива – Алексеевой Ирине Витальевне.

Бывшим жителям Центрального рудника: Гоголеву Ивану Михайловичу (Кемерово), Репиной Азе Михайловне (Тисуль), Синиковой Валентине Антоновне (Тисуль).

Литераторам города Берёзовский: редактору книги Сергееву Алексею Николаевичу, Миньковой Валентине Алексеевне, Горюпякину Анатолию Ивановичу.

За консультацию по украинскому языку – Прядко Светлане Васильевне.

Т. Фёдоров

Тимир Федоров

**РЫБАК И
ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА**

ПОВЕСТЬ

Сдано в набор 25.06.2011 г. Подписано в печать 19.07.2011 г.

Формат 60x84 1/16. Бумага снегурочка. Гарнитура Times New Roman.
Печать ризограф. Усл. печ. л. 17,75

Отпечатано в ООО «Полиграфист», 2011 г.
г. Березовский, Кемеровской обл., ул. Мира, 38.

Заказ 6654, т. 100 экз.